

МУРАСАКИ СИКИБУ
ПОВЕСТЬ
О ГЭНДЗИ
ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ

3

ГИПЕРИОН

大
世
人
の
心

花
と
ふ
か
し
は
ま

の
ち
か
ひ
ま
あ
は
れ

し
り
た
れ
あ
は
れ

ま
ち
あ
は
れ
あ
は
れ

ほろつたりしらゝのちう

のらんこい右大臣の女御

あつたふしな

ЯПОНСКАЯ
КЛАССИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

源
氏
物
語

Мурасаки Сикибу

ПОВЕСТЬ
О ГЭНДЗИ

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Издание второе,
переработанное и дополненное*

Санкт-Петербург

ГИПЕРИОН

2010

ББК 85(5Яп)
М91

国際交流基金

The publisher gratefully acknowledges the support of
the Japan Foundation in the publication of this book

Мурасаки Сикибу

М91 Повесть о Гэндзи : В 3 т. / Мурасаки Сикибу ; пер. с яп., вступ. ст., приложение и коммент. Т. Л. Соколовой-Делюсиной. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — Т. 3 : Приложение. — СПб. : Гиперион, 2010. — 240 с. — (Японская классическая библиотека. XXIV).

ISBN 978-5-89332-162-3

ISBN 978-5-89332-165-4 (Том 3)

«Повесть о Гэндзи» («Гэндзи-моноготари»), написанная в начале XI века придворной дамой, известной под именем Мурасаки Сикибу, принадлежит к самым значительным произведениям не только японской, но и мировой литературы. Проследивая жизненный путь главного героя «Повести», Блистательного Гэндзи, рисуя судьбы связанных с ним женщин и намечая судьбы его потомков, автор делится с читателями размышлениями, затрагивающими наиболее важные стороны человеческой жизни.

Это новое, переработанное и дополненное издание русского перевода «Повести о Гэндзи» состоит из двух томов и отдельного тома «Приложение», куда входят материалы, призванные помочь читателю ориентироваться в сложном мире этого произведения.

ББК 85(5Яп)

ISBN 978-5-89332-162-3

ISBN 978-5-89332-165-4 (Том 3)

© Т. Л. Соколова-Делюсина, перевод
на русский язык, вступительная статья,
приложение, комментарии, 2010

© Издательство «Гиперион», 2010

«ПОВЕСТЬ О ГЭНДЗИ», ЭПОХА, АВТОР

...эпохи и поколения человеческие должны сменяться и исчезать... от них остаются лишь миниатюрные отражения, заключенные в рамки слова, которые и плывут по потоку вечности, словно цветы лотоса, говоря нам, что все эти поколения таких же людей, как и мы, только одетых иначе, действительно жили.

Ханс Кристиан Андерсен. Муза Нового века

«Повесть о Гэндзи»... С первых же страниц этой удивительной книги читатель переносится в своеобразный, не знакомый ему мир, далекий не только потому, что события, разворачивающиеся перед ним, происходят в Японии, стране, до которой и в наши дни путь неблизок, но еще и потому, что события эти удалены от него почти на десяток веков.

Эпоха Хэйан. Время расцвета японской культуры, до сих пор привлекающее к себе благоговейное внимание потомков. Предшествующие эпохи лишь готовили ее пышное цветение, на всех последующих лежит отблеск ее величия.

Культура Хэйан, связанная с творческой активностью узкого круга столичной аристократии, стала выражением национального гения японского народа, утверждением тех общенациональных традиций, которые, уходя корнями в глубокую древность, легли в основу всего развития японской культуры.

В эту эпоху завершается процесс переосмысления старых традиций, связанных с Китаем, и происходит становление национальных форм во всех областях духовной жизни, и прежде всего в искусстве: музыке, живописи, каллиграфии.

Вершины своего звучания достигает национальная поэзия, и — что еще знаменательнее — возникает и за сравнительно короткий промежуток времени поднимается на поразительную высоту японская проза, высшим достижением которой становится «Повесть о Гэндзи», произведение, поистине не имеющее аналогов в мировой литературе.

Начало эпохи Хэйан относят к 794 г., когда в провинции Ямасиро завершилось строительство новой столицы, получившей имя «Столица мира и спокойствия» — Хэйан. Построенная по образцу китайской Чанъани, она располагалась в живописной долине, большим преимуществом которой был мягкий климат с ярко выраженным чередованием времен года. С востока и запада долину омывали реки Камо и Кацура, удобный речной путь связывал столицу с оживленной морской бухтой Нанива. На востоке простиралось красивейшее озеро Бива, мимо него пролегалли дороги и в восточные провинции. Природой созданной горной крепостью назвал эту местность император Камму (737–806), по указу которого и была сюда перенесена столица из Нара. С тех пор название провинции Ямасиро стали писать двумя иероглифами — «гора» и «крепость».

Окруженный рвом и обнесенный высоким земляным валом город делила на две части (Восточную, или Левую, и Западную, или Правую) широкая Судзаку-оодзи (букв. Большая дорога Красной птицы), по обочинам которой росли ивы и вишни.

Дороги (*дзи*), пролежавшие с севера на юг, и линии (*дзё*), пересекавшие столицу в западно-восточном направлении, образовывали в пересечении равные по площади кварталы — *мати* (примерно 1,5 га). Усадьба аристократа занимала, как правило, один такой квартал, простолудины имели право на одну тридцать вторую его часть.

Обширную территорию в северо-восточной части города занимал окруженный стеной Большой императорский дворец (*дайдайри*). В центре его, еще за двумя стенами, внешней и внутренней, находилась собственно высочайшая резиденция (*дайри*) — дворцы и павильоны, — где жили император и его наложницы. Вокруг располагались здания государственных учреждений (их было больше семидесяти), среди которых основным был комплекс Тёдоин (или Хассёин — «Обиталище восьми ведомств»). К дворцу тяготели усадьбы аристократических семейств, соперничающие друг с другом роскошью построек и садов. Знатные вельможи селились обычно севернее Третьей линии.

Аристократическая усадьба состояла из нескольких строений, окруженных глинобитной стеной под черепичной крышей с воротами с восточной и западной сторон.

В центре располагалось главное здание усадьбы, ориентированное на юг. Крытыми галереями и переходами оно соединялось с флигелями — Восточным, Западным и Северным. От Восточного и Западного флигелей на юг, к пруду, шли галереи, завершавшиеся павильонами — павильоном Над источником (Идзумидоно) и павильоном Для рыбной ловли (Цуридоно). На пруду — острова с искусственными горками, между островами — прихотливо изогнутые мостики; по берегам — группы цветущих деревьев. В пруд стекали ручьи, бегущие по саду между цветами и кустарниками,

посаженными по строго обдуманному плану и гармонично дополнявшими друг друга.

Лестница в несколько ступеней с южной стороны дома вела на окружающую дом неширокую крытую галерею (*су-но ко*), обрамленную перильцами. Галерея отделялась от внутренних помещений деревянными решетками, опускавшимися на ночь и поднимавшимися днем.

С восточной и западной сторон — двухстворчатые боковые двери (*цу-мадо*), через которые обычно входили в дом. За решетками и в дверных проемах — шелковые занавеси (*сударэ*). Между галереей и внутренними жилыми помещениями — «передние покои» (*хисаси*) — узкие проходы, отделенные от внутренней части дома шторами и раздвижными перегородками, оклеенными шелком или бумагой (*сёдзи* и *фусума*). В передних покоях, отгородившись друг от друга занавесями, жили прислужницы.

Границей между передними покоями и галереей служили прямоугольные балки (*нагэси*), внизу и вверху соединявшие опорные столбы, на которых стояло здание.

Отшлифованные до блеска деревянные полы были застланы циновками, на них лежали плетеные круглые сиденья, стояли низкие скамеечки-подлокотники, лакированные столики, невысокие, инкрустированные перламутром шкафчики (*дзуси*), в которых хранились музыкальные инструменты, шкатулки с гребнями и пр.

Основное место во внутренних покоях занимал полог (*тёдай*) — поднятое над полом и окруженное со всех четырех сторон занавесями место, служившее обычно опочивальней.

Хозяин дома чаще всего жил в главном здании, во флигелях и галереях помещались наложницы, прислуживающие им дамы, челядь.

Павильоны использовались в жаркое время года. Здесь принимали гостей, угощались вином, музицировали и слагали стихи.

Убранство домов отличалось необыкновенной изысканностью — все, начиная от одежды и кончая утварью, заказывалось у лучших мастеров. Большое значение в интерьере японского дома придавалось ширмам, занавесям, экранам. Их расписывали лучшие художники столицы. Изображения сопровождались каллиграфическими надписями, чаще всего стихами на ту же тему. Живопись, каллиграфия, поэзия, находящиеся в гармоническом единстве, оказывались тесно связанными с повседневным бытом людей.

Усадьбы обычно бывали довольно велики — иначе трудно было бы разместить многочисленную челядь. Дома покупались и передавались по наследству. Помимо усадьбы в столице аристократы владели обширными земельными поместьями (*сёэн*), откуда получали определенную часть доходов в виде риса, тканей и прочих натуральных продуктов.

Число аристократических семей, приближенных ко двору, было не так уж велико — не более двадцати. Вокруг них сосредоточивались другие, менее знатные семьи. Существовала и провинциальная аристократия, но положение ее было незавидным (хотя нередко и более выгодным материально). Столица считалась единственным местом, достойным благородного человека. Взгляды же столичной аристократии были устремлены на императорский дворец — средоточие культурных ценностей того времени.

В конце X в. императорский дворец стал центром процветания всех видов искусств. Покои соперничающих между собой за влияние на императора наложниц были украшены произведениями лучших живописцев, там собирались выдающиеся поэты и музыканты столицы. Добиться высокого положения при дворе — вот цель, к которой стремились все юноши из благородных семейств. Дважды в год проходили церемонии Назначения на службу: весной распределялись должности в провинции, осенью — в столичных государственных учреждениях.

Система государственного управления, еще в эпоху Нара (645–794) заимствованная из Китая, основывалась на строгом иерархическом порядке подчинения младших старшим. Высшим органом власти являлся Государственный совет (Дайдзёкан), под началом которого были восемь ведомств, выполнявших различные функции по управлению страной.

Защита императорского дворца и столицы находилась в ведении шести отрядов охраны. Кроме того, все влиятельные семейства имели в своем распоряжении вооруженных телохранителей.

Иерархическая структура всех ведомств и управлений была определена кодексом Тайхорё (701 г.). Распределение должностных мест во всех ведомствах, как гражданских, так и военных, было строго регламентировано, занимаемой должности непременно соответствовал ранг. В свою очередь, от ранга чиновника зависели цвет его одежды, пышность выезда, убранство кареты, высота ворот в усадьбе.

Системе управления китайского типа соответствовала и система образования, целиком заимствованная из Китая. Основным учебным заведением для детей знати была Палата наук (Дайгакурё), находившаяся в непосредственном подчинении у Церемониального ведомства (Сикибусё) и имевшая четыре отделения: китайской классики, истории и словесности, юриспруденции, математики. Помимо Дайгакурё существовала основанная в 828 г. Кукаем (Кобо-дайси) школа для простолюдинов. Многие влиятельные семейства имели собственные школы. К примеру, мальчики, принадлежавшие к роду Фудзивара, посещали школу Кангакуин. В семьях высших сановников было принято обучать детей дома, приглашая для них учителей из Палаты наук. Система образования (как и государственное устройство) базировалась на конфуцианских началах.

Юноша из аристократического семейства должен был знать наизусть основные произведения конфуцианских классиков, сочинения китайских историков. Участие в дворцовых церемониях и празднествах требовало не только прекрасного знания китайской поэзии, но и умения самому слагать стихи на китайском языке. Поэтому мальчики проводили немало времени за изучением образцов китайской классической литературы. Другими аспектами образования юноши-аристократа были каллиграфия, музыка и рисование. Владение японской стихотворной формой (*танка*) также было необходимо, но в основном в частной жизни. Умение прекрасно слагать китайские стихи и искусно записывать их, играть на нескольких инструментах — духовых и струнных, самому расписать ширму или веер в китайском или японском стиле — таковы были необходимые условия для продвижения по служебной лестнице.

Уже с малых лет мальчиков приводили во дворец, чтобы, выполняя разные мелкие поручения, они постепенно приобщались к придворной службе и усваивали правила этикета.

В жизни двора большое место занимали устраиваемые по разным поводам церемонии и празднества. К ним готовились задолго и тщательно: шили праздничные одежды, подбирали свиту, украшали кареты. Особенно почетным считалось непосредственное участие в церемонии — в роли распорядителя, исполнителя ритуальных танцев или музыканта. Этой чести удостоивались лишь избранные.

Помимо обычных годовых праздников пышными церемониями отмечались также отдельные события в жизни двора — посещение императором дома экс-императора или регента, возвращение императрицы во дворец из родительского дома, выезд на соколиную охоту и пр.

Во дворце и в домах вельмож часто устраивались поэтические турниры, проводились различные игры, состязания. Многие игры были заимствованы из Китая и требовали знания китайской классической поэзии.

Помимо участия в общих для всех праздниках и церемониях человеку предписано было соблюдать обряды, связанные с определенными этапами его собственной жизни, наиболее значительные из которых также выливались в великолепные празднества с многочисленными гостями, музыкой, состязаниями поэтов и пр.

Женщины в отличие от мужчин были удалены от непосредственного участия в общественной жизни (хотя нередко от них многое в этой жизни зависело), и их сношения с внешним миром были крайне ограничены. Хэй-анская женщина (принадлежавшая, разумеется, к родовитому семейству) почти никому не показывалась. Только очень немногие, самые близкие из ее прислужниц имели право непосредственно общаться со своей госпожой. Помимо занавесей и штор, отделявших внутренние покои от других помещений, помимо ширм и экранов ее скрывал от чужих взглядов стоящий непосредственно перед ней переносной занавес (*китэ*) — несколько соединенных между собой шелковых полотнищ со шнурами, свисающих с укрепленной на небольшой подставке горизонтальной перекладины. Женщина не только почти никогда не покидала своего дома, но и внутри его мало передвигалась. Самое большее, что ей позволялось, — подойти к нижней балке, отделявшей передние покои от окружавшей дом галереи, и под прикрытием занавеса или экрана полюбоваться садом. Выезжать из дома разрешалось лишь в исключительных случаях: либо в дни самых значительных празднеств, либо если возникала необходимость совершить паломничество в тот или иной храм. Подобные выезды обставлялись чрезвычайно торжественно — женщина выезжала в роскошной карете в сопровождении большой свиты.

С самого раннего детства девочку готовили к будущей брачной жизни, рассчитывая, что ей удастся вступить в такой брачный союз, который, упрочив положение семейства, явится залогом дальнейшего его процветания. Счастливыми считались семейства, имевшие многих дочерей. Дочь при благоприятном стечении обстоятельств можно было пристроить наложницей к государю, и, если ей удалось бы снискать благосклонность или тем паче стать матерью наследника, положение семейства оказывалось упроченным.

Поэтому рождение девочки было большой радостью, и воспитанию ее уделялось особенное внимание. За исключением китайских наук она должна была усвоить все, что знал мужчина. Девушка из благородного семейства превосходно играла на *кото* — японской цитре, рисовала, красиво писала, и, конечно, не только знала наизусть лучшие образцы японской поэзии, но и сама умела складывать приличествующие случаю стихи. Классические японские пятистишия *вака* играли немаловажную роль в жизни женщины, являясь своеобразным посредником между ней и внешним миром. Не имея возможности видеть женщину, мужчина судил о ней по искусству слагать стихи и по красоте почерка. Недаром в эпоху Хэйан самыми совершенными красавицами считались прославленные поэтессы.

Вообще внешность женщины, как таковая, почти ни на одном этапе любовных отношений не имела особого значения. На первых порах воображение мужчины воспламенялось изящной скорописью писем, утонченными стихами, намекающими на самые возвышенные чувства, а при более близком знакомстве — тихими звуками струн, случайно донесшимися до слуха откуда-то из внутренних покоев, или — как предел возможного — вдруг мелькнувшими сквозь занавеси или щели в ширме волнами черных волос и краешком платья.

«Подглядывание» («*каймами*» — букв. «взгляд сквозь щели изгороди») — одна из первых стадий сближения. Подглядывать можно было с улицы, если ты не имел доступа в дом, или из сада, если ты был в близких отношениях с хозяином. Поскольку во внутренних помещениях царил обычно тусклый полумрак и чаще всего они были закрыты внешними занавесями, увидеть удавалось лишь смутные очертания фигуры, да и то в лучшем случае.

Если у мужчины возникало желание добиться большего, он стремился завязать знакомство с кем-нибудь из прислужниц девушки, которые, как правило, выступали в роли посредниц между своей госпожой и внешним миром. Часто именно от них зависел выбор мужа.

Заручившись поддержкой кого-нибудь из прислужниц, мужчина передавал своей избраннице письмо. Письма поклонников обсуждались родственниками девушки и прислуживающими ей дамами. Наиболее достойному посылалось ответное письмо, причем на первых порах переписку брала на себя какая-нибудь дама. Некоторое время продолжался обмен письмами и, если ни одна из сторон не начинала испытывать разочарования, делался следующий шаг к сближению, а именно: мужчина наносил первый визит своей избраннице. Несколько раз он посещал ее дом, переговариваясь с ней через прислужницу, затем, после обмена новыми письмами, получал возможность беседовать непосредственно с предметом своей страсти через занавес. (Мужчина, как правило, сидел на галерее, а женщину сажали за опущенными занавесями, к которым приставляли еще и переносной занавес.)

При заключении брака мужчина проводил в доме женщины три ночи подряд, причем, возвращаясь в свой дом затемно, обязательно отправлял возлюбленной гонца с письмом. Не получить утром после ночного свидания письма — неслыханный позор для женщины.

Через три дня после совершения определенных обрядов родственники жены устраивали пиршество, на котором происходило оглашение брака

(*токоро-араваси* — букв. «обнаружение места»), после чего он считался официальным и муж мог открыто посещать дом жены в любое время. (Как правило, женщина не переезжала в дом мужа, а оставалась в родительском доме. Лишь в исключительных случаях супруги поселялись вместе.)

В эпоху Хэйан было распространено многобрачие, и мужчина посещал дома разных женщин, одни из которых были открыто признаны как его жены, другие считались тайными возлюбленными. Замкнутость столичной аристократии обусловила распространенность брачных союзов между близкими родственниками, что, в свою очередь, эту замкнутость усиливало.

Брак не считался чем-то постоянным, мог легко разрываться, и долговечность его в первую очередь зависела от достоинств женщины, от ее умения сохранять привязанность мужа. Умение это в немалой степени определялось ее воспитанием, поэтому к воспитанию девиц из благородных семейств относились с большим вниманием.

С малолетства девочка была окружена специально подобранными дамами, которые развивали в ней навыки, необходимые для благородной особы. Как уже говорилось, основными предметами обучения были музыка, каллиграфия, поэзия, живопись. Кроме того, девочку учили подбирать одежды по цвету и составлять ароматы — искусство, которое в эпоху Хэйан стало занимать довольно большое место в быту высшей знати.

И, разумеется, самым главным было умение быстро и красиво написать письмо, выбрав для этой цели наиболее подходящую по цвету бумагу и сочинив пятистишие так, чтобы оно как нельзя лучше отвечало случаю.

Эталоном в поэзии к концу X в. стала антология «Кокинвакасю» («Собрание старых и новых песен Ямато», начало X в.). Ее надо было не только знать наизусть, но и уметь использовать сложившиеся в ней поэтические образы в своих собственных стихотворениях.

Китайской литературы женщины могла и не знать, излишняя осведомленность в этой области производила скорее невыгодное впечатление. Исключение составляли императрицы, но и они предпочитали заниматься изучением китайской литературы тайно.

Если мужчины писали иероглифами, причем чаще всего по-китайски (только в любовной переписке они пользовались японской слоговой азбукой — «кана»), то женщины, наоборот, писали исключительно по-японски, употребление ими иероглифов почиталось дурным тоном.

Специального религиозного образования аристократы не получали. Углубленное изучение философско-религиозных трактатов, как китайских, так и японских, было уделом монахов. Остальным достаточно было знаний чисто практических, связанных с проведением тех или иных обрядов и служб. Тем не менее роль буддийских идей в формировании мировоззрения человека той эпохи была весьма велика.

Конец X в. ознаменовался усилением двух направлений в буддизме: Тэндай, основоположником которого в Японии стал монах Сайтё (иначе Дэнгё-дайси, 767–822), и Сингон, главой которого был Кукай (Кобо-дайси, 774–835).

В основе учения Тэндай («Опора Неба») лежала идея двойственной сущности Будды, который, с одной стороны, являет собой некое истинное, вечное начало, а с другой — находит конкретное воплощение в реально

существующем мире. Цель человека — открыть в себе истинное. Были разработаны сложные практические приемы, ведущие к обретению истинного знания и достижению состояния Будды. Учение Тэндай в том виде, в котором оно существовало в X в., делало акцент на возможности достижения состояния Будды именно в этой жизни — как воздаяния за добрые дела. Монахи (словно бодхисаттвы, в мире живущие) призваны были не столько молиться о будущем, сколько удовлетворять повседневные потребности людей. Они исцеляли недуги, улучшали погодные условия, изгоняли злых духов. Соответственно была разработана обрядовая практика для самых различных случаев.

Обрядовая сторона учения Тэндай была во многом заимствована из арсенала учения Сингон («Истинные слова»), выдвинувшего на первый план разработку сложной мистическо-заклинательной системы, призванной облегчить человеку путь к достижению единства с буддой «Великое солнце» — Дайнити (санскр. Махавайрочана), проявляющегося во всех видах земного существования. Целью ритуалов Сингон было пробуждение в теле, речи и мыслях каждого человека тела, речи и мысли великого будды Дайнити. К началу XI в. разницу между этими двумя направлениями в проведении служб уловить было довольно трудно.

Сложность и великолепие обрядов, изысканная красота специально для них предназначенной утвари вполне отвечали эстетическим устремлениям хэйанской аристократии.

Каждое семейство имело своих монахов, которые призывались в дом, когда того требовали обстоятельства.

Монастырям, которых немало было в окрестностях столицы, приносились роскошные дары — живописные и скульптурные изображения будд и бодхисаттв, утварь, заказанная у лучших мастеров, свитки с буддийскими текстами, переписанные лучшими каллиграфами столицы. Посещения храмов превращались в пышные церемонии, а по разным поводам устраиваемые молебствия выливались в великолепные празднества, на которые приглашались лучшие музыканты, танцоры. Такое внимание к внешней стороне ритуалов еще более способствовало развитию всех областей искусства.

К концу X в. большое влияние приобрело учение о Чистой земле (Дзёдо-сю), возникшее в рамках направления Тэндай и теоретически обоснованное монахом Гэнсином (942–1017) в трактате Одзёёсю (Суть перерождений). Учение о Чистой земле исходило из отрицания этого мира как мира скверны и обещало индивидуальное спасение в будущем мире, достижимое для всех уповающих на будду Чистой земли (Западного рая) Амиду (Амитабха), который дал обет не достигать состояния Будды до тех пор, пока все люди, в этом мире живущие и на него уповающие, не смогут возродиться в Чистой земле (санскр. Сукхавати). Главным средством достижения спасения считалась молитва, к Амиде обращенная. Она освобождала человека от заблуждений, очищала его язык и сердце и способствовала перерождению в Чистой земле. На горе Хиэ, где располагались основные монастыри последователей учения Тэндай, каждый год в течение семи дней в Восьмом месяце проводились специальные моления будде Амиде (фудан-но нэмбуцу). Эти службы способствовали распространению учения о Чистой земле среди населения.

Обобщив систему молитвенных приемов, выработанную ранее приверженцами будды Амида, и соединив ее с некоторыми теоретическими взглядами последователей Тэндай, Гэнсин разработал основные положения учения о Чистой земле и практические приемы, при помощи которых любой человек мог достичь спасения. Выдвинув на первый план созерцание и молитву, помогающие человеку постепенно постичь подлинный смысл явлений и познать истину как всепроникающую и всеобъемлющую сущность, Гэнсин признавал возможность и более простых способов достичь спасения: людям, неспособным обрести истинный взгляд, предлагалось с верой в сердце повторять имя будды Амида. К учению о Чистой земле привлекало прежде всего то, что с благополучия в настоящем акцент переносился на благополучие будущее, в результате чего менялось само ощущение времени: человек не просто всплывает на мгновение в вечнотекущем потоке жизни, а проживает это мгновение, обращенный к «другому берегу» — Чистой земле.

Необычайную популярность приобрела идея кармы, связывающая всего три мира — прошедший, настоящий и будущий. В прошедшем совершенное отзывается на твоей настоящей судьбе и предопределяет будущее рождение.

Если поначалу учение о Чистой земле было популярным в среде ученых и аристократов средних слоев, то в XI в. оно стало распространяться и среди высшей знати. Причем характерно скорее эстетическое его осмысление, чем философское.

Еще одной особенностью религиозной жизни хэйанской аристократии было окончательно определившееся к концу X в. слияние буддизма с древнейшими японскими верованиями, совокупность которых выражалась понятием «синто» («Путь богов»).

По древним японским представлениям, человек жил в мире, населенном множеством богов-духов (*ками*). Каждое явление, каждый предмет считался результатом действия этих богов или их материальным воплощением. Каждый род, каждая местность имели своего бога-хранителя. (Если непосредственным основоположником императорского рода считался потомок богини Солнца Аматаэрасу — бог Ниниги, то основоположниками всех аристократических родов считались спутники бога Ниниги, вместе с ним спустившиеся на землю. Каждый род имел собственное святилище, где совершались поклонения божественному предку.) Умершие также становились духами, которые незримо присутствовали рядом с живыми и влияли на их жизнь. Японские *ками* ощущались не как нечто сверхъестественное, над природой существующее, а как некие активно действующие чувственно воспринимаемые силы, равные человеку. Ритуалы Синто были направлены главным образом на то, чтобы заручиться добрым отношением этих сил, избежать их дурного влияния.

Распространение буддизма не нанесло ущерба авторитету основных синтоистских святилищ. В ознаменование всех важных событий — восшествие на престол нового императора, назначение императрицы, провозглашение наследного принца — в главные святилища Камо и Исэ отсылались гонцы с дарами, устраивались торжественные процессии и ритуальные представления. Многие годовые празднества были так или иначе связаны

с культом синтоистских богов. Считалось, что основные боги синтоистского пантеона пекутся о насущных нуждах людей и не имеют власти над будущим, что облегчало их включение в буддийскую систему перерождений наравне с прочими смертными, нуждающимися в спасении. Процесс соединения синтоизма с буддизмом начался уже в эпоху Нара. С начала VIII в. к синтоистским святилищам стали пристраиваться помещения для отправления буддийского культа. Японским богам присваивались индексы бодхисаттв, в синтоистских святилищах читались сутры, а в буддийских храмах молились богам-защитникам. Позже богов синтоистского культа стали отождествлять с бодхисаттвами. Возникло представление о том, что будда Дайнити появился в Японии в образе богини Аматэрасу, остальные боги также стали считаться воплощениями разных будд и бодхисаттв.

Немалую роль в формировании отношений человека с внешним миром играло и учение Оммёдо, Темного и Светлого начал, в основе которого лежала заимствованная из Китая гадательно-заклинательная практика, сводившая все предметы и явления к определенным сочетаниям пяти стихий (вода, огонь, дерево, металл, земля) и двух животворных начал — *инь* и *ян* (яп. *он*, *ё*), взаимодействие и взаимоизменение которых определенным образом влияют на человеческий мир. Роль этого учения в общественной жизни была официально признана уже кодексом «Тайхорё», который предусматривал наличие соответствующего управления в Ведомстве дворцовых служб. Служители Управления Темного и Светлого начал непременно участвовали во всех мероприятиях как буддийского, так и синтоистского характера. Посредством хорошо разработанной системы гадательно-заклинательных приемов, построенной как на реальных знаниях, так и на фантастических представлениях, они управляли повседневной жизнью людей, устанавливая благоприятные и неблагоприятные дни для тех или иных действий, предписывая воздержание или изменение местоположения при недугах, предупреждая о надвигающейся опасности и давая советы, как избежать ее. Обычно человек не предпринимал ни одного сколько-нибудь решительного шага, не обратившись предварительно к гадалщику. Гадалщиков, равно как и монахов, призывали в случаях болезни для изгнания злых духов, для совершения очистительных обрядов. День, как правило, начинался с того, что обращались к календарю и смотрели, что предписано — какие запреты есть на сегодняшний день и что благоприятно. Если на страну обрушивались стихийные бедствия, император прежде всего призывал к себе гадалщиков и астрологов, и они указывали ему, каким образом можно избежать вредного влияния стихий.

Сложное переплетение буддийских идей с народными верованиями и элементами китайских гадательно-магических систем, характерное для эпохи Хэйан, легло в основу своеобразного национального мировоззрения и определило особенности дальнейшего развития всех областей духовной жизни страны.

В X в. в Японии завершается процесс усвоения и переосмысления материковой культуры и становление ее на основе собственной, японской культуры.

Этому в значительной степени способствовала изоляция Японии от материковых влияний, которая началась в самом конце IX в. и продолжа-

лась в течение трех столетий. Огражденные от внешних влияний, замкнутые узкими рамками столично-придворного мира, хэйанские аристократы, отталкиваясь от многовековых традиций материковой культуры, создали свою неповторимую культуру, ставшую основой для культурного развития будущих поколений.

В середине X в. достигла расцвета музыка «гагаку», заимствованная еще в эпоху Нара из Китая и Кореи. В условиях изоляции в Японии создавались собственные музыкальные произведения (разумеется, по китайским образцам) и переделывались на свой лад уже имеющиеся. Одновременно увеличился интерес к национальным музыкальным традициям.

К концу X в. в среде столичной аристократии получили широкое распространение старинные народные песни, многие из них подвергались переработке по канонам музыки «гагаку» и пелись под аккомпанемент кото, бива и флейт. Некоторые мелодии, соединившись с заимствованными, стали исполняться вместе с танцами чужеземного происхождения.

Большие изменения произошли в живописи и каллиграфии. В X в. наряду с китайским стилем в живописи (*кара-э*) возник и постепенно завоевал большую популярность японский стиль (*ямато-э*), складывались специфические японские живописные приемы, влияние которых стало ощущаться и в буддийской живописи. Изменился характер буддийской скульптуры. Возникли японские каллиграфические стили, достигшие вершины развития в творчестве Оно-но Тофу (894–966), Фудзивара Юкинари (972–1027) и др.

Одним из важнейших достижений эпохи Хэйан можно считать изобретение японского силлабического письма (азбуки «кана»), которое сыграло значительную роль в развитии японской литературы.

В X в. национальная поэзия почти уравнилась в своем значении с китайской, до того времени доминировавшей во всех областях общественной деятельности. В результате творческих усилий Ки-но Цураюки (868–945) и других поэтов японское пятистишие вака (носившее ранее чисто прикладной, «бытовой» характер) постепенно заняло прочное место в литературном обиходе. В «Предисловии» к антологии «Кокинвакасю» Ки-но Цураюки, впервые применив законы китайской поэтики к японскому стиху, возвел его в ранг высокого искусства. В императорском дворце проводились состязания поэтов, пишущих вака, создавались многочисленные антологии. С конца X в. стали появляться трактаты, посвященные японской поэзии, одним из первых был «Синсэн-дзуйно» Фудзивара Кинто (966–1041), формировались и совершенствовались приемы собственно японской поэтики, происходило становление японских эстетических категорий.

Конец X — начало XI в. отмечены возникновением и бурным развитием ведущих жанров японской прозы. Причем если японская поэзия до некоторой степени уравнилась к тому времени в правах с китайской, то в области прозы положение оставалось прежним. Единственно достойными звания высокой литературы считались произведения, написанные на китайском языке, японская же проза литературой не считалась. Эта периферийность способствовала более свободному развитию прозы — для нее не существовало ограничений, накладываемых на литературное произведение канонами китайской поэтики.

Существуя в относительной удаленности от церемониальной стороны дворцовой жизни, японская проза, которой пренебрегала китайски образованная элита, смогла в своих лучших образцах передать тонкий и неповторимый аромат эпохи, достичь вершин чисто японского литературного стиля. Именно в рамках этой прозы происходило становление японского литературного языка.

Другая особенность ранней японской прозы заключалась в том, что она возникла и существовала по преимуществу в женской среде, ее создавали, переписывали и читали, как правило, женщины. Правда, первый дневник на японском языке («Тоса-никки» — «Дневник из Тоса», 935) был написан мужчиной (Ки-но Цураюки)¹ и слишком явно соотносился с китайскими образцами того же жанра (возможно, первоначальные записи были сделаны по-китайски), но непосредственно за ним последовал дневник «Кагэро-никки» («Дневник эфемерной жизни», 974)², возвестивший наступление эпохи женской прозы. «Дневник эфемерной жизни», написанный одной из лучших поэтесс X в., известной под именем матери Арицуна, — безыскусное описание обыкновенной женской судьбы, ее радостей и печалей.

Одним из способов развлечения (а одновременно и воспитания) молодых девиц из аристократических семейств было рассматривание свитков с картинками и чтение текстов к ним. Сначала это были картины китайского типа с китайскими же надписями, которые, по существу, не читались, а пересказывались воспитанницам прислуживающими дамами. После распространения в живописи японского стиля в женских покоях появились японские картины с надписями, сделанными «каной», которые, по всей вероятности, фиксировали пересказы-переложения китайских легенд и преданий, прежде делавшиеся устно. Существует предположение, что таким пересказом является датируемая обычно концом IX в. «Повесть о старике Такэтори» («Такэтори-моноготари»)³, первоначально написанная на китайском языке. Возможно, именно так и возникали моноготари (повествования), определившие лицо японской прозы эпохи Хэйан.

Слово «моноготари» уже само по себе содержит основную характеристику жанра. Моноготари — разговор-воспоминание, рассказ о разных предметах, событиях.

Для обозначения литературного произведения слово это стало употребляться, по-видимому, в конце X в. Впервые оно появилось в «Дневнике поденки», а в «Записках у изголовья» («Макура-но соси») Сэй Сёнагон⁴ и в «Повести о Гэндзи» уже уверенно используется именно в этом значении.

Многие японские исследователи, считая все прозаические жанры эпохи Хэйан разновидностями одного жанра моноготари, выделяют: 1) поэтиче-

¹ Ки-но Цураюки. Дневник из Тоса / Пер. с яп. В. Н. Горегляда // Японские средневековые дневники. СПб.: Северо-Запад Пресс, 2001.

² Митицуна-но хаха. Дневник эфемерной жизни / Пер. с яп. В. Н. Горегляда. СПб.: Петербургское востоковедение, 1994.

³ Повесть о старике Такэтори / Пер. с яп. В. Н. Марковой // Две старинные японские повести. М.: Худ. лит., 1976.

⁴ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / Пер. с яп. В. Н. Марковой. М.: Худ. лит., 1983.

ские моногатари (*ута-моногатари*); 2) документальные (*дзицууроку-моногатари*), куда относятся дневники, эссе, путевые заметки; 3) придуманные (*цукури-моногатари*) или собственно моногатари, сюжетные повести, о которых лишь и будет у нас идти речь далее; 4) исторические (*рэкиси-моногатари*); 5) рассказы-притчи (*сэцува-моногатари*). Таким образом, понятие «моногатари» становится объединяющим для всей прозы Хэйан.

Предполагается, что моногатари возникли из устного рассказа. В женских покоях было немало китайских и японских свитков с картинками и короткими надписями, поясняющими и дополняющими изображение. Как правило, надписи читались прислуживающей дамой, в то время как сама госпожа рассматривала картинки, которыми прежде всего и определялась ценность первых моногатари. В некоторых дошедших до нас списках «Повести о старике Такэтори» и «Повести о прекрасной Отикубо» («Отикубо-моногатари», вторая половина X в.)⁵ особо выделены эпизоды, изображенные на картинках, а в тексте «Повести о Дупле» («Уцухо-моногатари», вторая половина X в.)⁶ сохранились надписи, которыми сопровождалось живописные изображения, иллюстрирующие те или иные эпизоды. От разглядывания свитков (или ширм) с изображениями и надписями, от бесед вокруг них — один шаг до возникновения прозы моногатари.

К сожалению, из множества моногатари, популярных в конце X в., до наших дней дошли только три («Повесть о старике Такэтори», «Повесть о прекрасной Отикубо» и «Повесть о Дупле»). В «Повести о старике Такэтори», которую автор «Повести о Гэндзи» называет «прародительницей древних повестей», еще довольно сильно ощущается принадлежность к материковой культуре, это действительно как бы пересказанная по-японски, пересаженная на японскую почву китайская новелла. В ней соединяются черты сказки и повести — реальность (хотя и идеализированная) действительных событий сочетается со сказочной природой героини. Короткие, сюжетно законченные новеллы объединены в единое повествование о лунной деве.

Еще близка к волшебной сказке «Повесть о прекрасной Отикубо», первая известная нам повесть, изображающая повседневную жизнь хэйанских аристократов.

Авторы этих повестей неизвестны, но можно предположить, что это ученые, хорошо знакомые с традициями китайской литературы. К их кругу принадлежал, по-видимому, и автор третьей известной нам повести конца X в. — «Повести о Дупле», ближе всех подошедшей к так называемой женской прозе XI в. «Повесть о Дупле» — первое крупное, сюжетно цельное произведение хэйанской прозы.

Особняком стоят так называемые поэтические моногатари, или ута-моногатари, первые из которых («Исэ», «Хэйтю», «Ямато»)⁷ датируются серединой X в. Это — более или менее короткие отрывки прозы, обрамляющие пятистишие.

⁵ Повесть о прекрасной Отикубо / Пер. с яп. В. Н. Марковой // Две старинные японские повести. М.: Худ. лит., 1976

⁶ Повесть о Дупле / Пер. с яп. В. И. Сисаури. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.

⁷ Исэ-моногатари / Пер. с яп. Н. И. Конрада. М.: Наука, 1979; Ямато-моногатари / Пер. с яп. Л. М. Ермаковой. М.: Наука, 1982.

Большое влияние на формирование сюжетных моногатари оказала документальная проза, и прежде всего дневники (*никки*). Как правило, японские дневники отличались от сюжетной прозы только документальностью материала и реальностью действующих лиц. Дневник далеко не всегда был расположен по дням, «Дневник из Тоса» — исключение.

Первый женский дневник, «Дневник поденки», показал, что неукоснительное следование китайским традициям вовсе не так уж обязательно, что в литературе есть и другие пути. Свобода самовыражения, непосредственность, тонкий психологизм — таков вклад матери Арицуна в японскую литературу. В ее дневнике впервые прозвучала трагическая нота, ставшая ведущей в женской прозе XI в., — сожаление о превратностях женской судьбы, о непрочности мира.

Все, что только намечалось в разных прозаических жанрах (достоверность и психологизм дневников, композиционное единство сюжетных моногатари и лиричность поэтических моногатари), соединилось в «Повести о Гэндзи», удивительном создании хэйанской литературы, которое положило начало качественно новой японской прозе и одновременно явилось высшим ее достижением.

Автором этого уникального в своем роде произведения называют придворную даму императрицы Сёси — Мурасаки Сикибу.

В «Безымянных записках» («Мумёдзоси», начало XIII в.), первом трактате, посвященном моногатари, так говорится о появлении «Повести о Гэндзи»:

«То, что она (Мурасаки Сикибу) создала «Гэндзи», представляется делом удивительным, невозможным в нашем мире. Не иначе, как это чудо, сотворенное Буддой в ответ на ее молитвы».

О жизни Мурасаки Сикибу известно не так уж много, причем известно лишь то, что она сама захотела поведать о себе потомкам: все биографии писательницы основываются на ею же составленном «Собрании песен Мурасаки Сикибу» («Мурасаки Сикибу касю») и «Дневнике Мурасаки Сикибу» («Мурасаки Сикибу никки»)⁸, охватывающем годы ее службы при дворе. Это, да еще некоторые случайные упоминания о ней в других литературных произведениях, созданных в ее время и позже, — вот и весь материал, которым располагает исследователь.

Настоящее имя этой женщины (как, впрочем, и остальных поэтесс эпохи Хэйан) неизвестно. Мурасаки — прозвище, возникшее уже после того, как была написана «Повесть о Гэндзи» (или часть ее) и в женских покоях стала популярной героиня повести — юная Мурасаки. Под этим именем писательница упоминается уже в «Повести о расцвете» («Эйга-моногатари», середина или конец XI в.), хотя там же встречается и ее, очевидно, более раннее прозвище — То-сикибу (То — китайское чтение первого иероглифа фамилии Фудзивара, сикибу — название должности ее отца (сикибу-но дзё), служившего в 984–986 гг. в Церемониальном ведомстве (Сикибусё). Как правило, женщин во времена Хэйан именовали по званию или должности кого-то из близких родственников мужского пола.

⁸ Мурасаки Сикибу. Дневник / Пер. с яп. А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1996.

Год рождения писательницы точно не установлен, наиболее распространенная версия — 978 г., но называют и 970, и 973 г. Известно, что отцом Мурасаки был Фудзивара Тамэтоки. Так же как и могущественный регент Фудзивара Митинага (речь о нем пойдет далее), он принадлежал к северной ветви рода Фудзивара, но судьба его предков сложилась менее удачно. Почти никто из них (за исключением прадеда Канэсукэ) не поднимался выше Четвертого ранга, служили же они чаще всего в провинции.

Зато среди предков писательницы было немало выдающихся поэтов. Прадед Фудзивара Канэсукэ (877–933), один из 36 бессмертных поэтов, оставил после себя домашнюю антологию и 55 стихотворений в разных поэтических собраниях. Ему же принадлежит известная биография Сётоку-тайси, виднейшего государственного и культурного деятеля Японии конца VI — начала VII в. Сам известный литератор, он был близок с Ки-но Цураюки, Осикоти Мицунэ, Оэ Тисато и прочими поэтами, составлявшими влиятельнейшую литературную группировку начала X в.

Поэтами были и дед Мурасаки, Фудзивара Масатада, поддерживавший после смерти Канэсукэ поэтическую переписку с Ки-но Цураюки и Исэ, и дядя, Фудзивара Тамэёри, имевший, очевидно, немалое влияние на племянницу.

Сам Фудзивара Тамэтоки был ученым, и, судя по всему, довольно известным. Его судьба и судьба его дочери оказались тесно связанными с внутри-клановой борьбой рода Фудзивара, в которую оказался вовлеченным он сам и которая во времена детства и юности Мурасаки достигла своего апогея. Поэтому, прежде чем начать рассказ о жизни писательницы, остановимся вкратце на тех событиях, на фоне которых эта жизнь проходила.

X век в истории Японии характеризуется постепенным укреплением системы регентства, первый шаг к установлению которой был сделан Фудзивара Ёсифуса, ставшим регентом при своем внуке, малолетнем императоре Сэйва (850–880, годы правления 858–879) и отделившим, таким образом, реальную власть от номинальной. Именно он и положил начало политике подчинения императорского семейства роду Фудзивара. К концу X в. Фудзивара оттеснили от власти все кланы — Отомо, Сугавара, Аривару — и занялись оттеснением самого близкого императорскому семейству рода — Минамото. В 969 г. был отстранен от дел левый министр Минамото Такаакира, а в 977 г. объявили об отставке левого министра Минамото Канэакира. (Причем отстранение его от дел произошло в форме восстановления его в статусе принца крови. Таким образом, был закреплён основной принцип власти Фудзивара: приобщение к императорскому семейству есть удаление от реальной власти.) Покончив с Минамото, Фудзивара вплотную занялись подчинением себе императорского семейства. Начиная с императора Рэйдзэй (950–1011, годы правления 967–969), японские императоры принимали престол и отрекались от него исключительно по воле Фудзивара, связанных с ними родством по женской линии.

В течение многих веков представители рода Фудзивара были либо регентами (сэссё) (в те времена императорами становились, как правило, в весьма юном возрасте), либо канцлерами (кампаку) и пользовались в стране беспредельной властью.

По мере усиления власти Фудзивара разрушалась прежняя система получения должностей при дворе, экзамены, которые раньше были необходимым условием поступления на государственную службу, играли все меньшую роль. Основное значение приобретали родственные связи. Такое положение привело к снижению авторитета ученых и упадку образовательных учреждений китайского типа.

Первая половина жизни Мурасаки приходится на время могущества Фудзивара Канэиэ и его старшего сына Фудзивара Мититака, вторая — совпадает с блистательным возвышением Фудзивара Митинага, тридцать лет правления которого знаменовали собой пышный расцвет владычества Фудзивара. (Фудзивара Митинага был шурином императоров Энью и Рэйдзэй, дядей императора Сандзё, дядей и тестем императора Итидзё и дедом императоров Гоитидзё и Госудзаку.)

Отец Мурасаки, Фудзивара Тамэтоки, как видный ученый был принят при дворе императора Кадзан (968–1008), взошедшего на престол в 984 г. (с его окружением Тамэтоки был близок, еще когда тот был наследным принцем), и даже получил на тридцать шестом году жизни должность в Церемониальном ведомстве (сикибу-но дзё) и звание куродо. Более высоких званий у него никогда не было. Император Кадзан был известным любителем поэзии, годы его правления отмечены частыми поэтическими турнирами, появлением новых антологий. К тому же он считался весьма одаренным живописцем, знатоком музыки, садового искусства. Но уже в 986 г. его вынудили отречься от престола и принять постриг. Престол был отдан шестилетнему императору Итидзё, регентом при котором стал его дед Фудзивара Канэиэ. После отречения от престола императора Кадзан Тамэтоки потерял должность и последующие двадцать лет влачил довольно жалкое существование. Канэиэ же, назначив другого внука наследным принцем и сосредоточив в своих руках всю полноту власти, стал возвышать сыновей — Мититака, Митиканэ и Митинага.

В 990 г. Канэиэ умер, и звание регента перешло к его старшему сыну, Мититака, который быстро добился того, чтобы его дочь Тэйси получила звание императрицы-супруги. Еще через год он отдал свою вторую дочь в покой наследного принца, а сам стал канцлером, после чего, опасаясь усиления братьев Митиканэ и Митинага, поспешил сделать своего сына Корэтика министром двора.

Однако в 995 г. Мититака внезапно скончался, а вскоре за ним последовал и Митиканэ, после чего Митинага, подавив сопротивление Корэтика, захватил власть в свои руки. В 996 г. ему удалось выслать Корэтика с его братом Такаиэ из столицы, воспользовавшись их ссорой с экс-императором Кадзан.

В результате Митинага стал полновластным правителем страны и оставался им в течение последующих тридцати лет.

Оказавшись у власти, он прежде всего постарался укрепиться на женской половине дворца, где помимо многочисленных наложниц из влиятельнейших семейств столицы была еще и императрица-супруга Тэйси. Родилась она наследника, положение Митинага могло бы пошатнуться. Его же собственная старшая дочь, Сёси, была еще слишком мала, и только в 999 г., когда ей исполнилось 12 лет, он решился отдать ее во дворец, где она стала

императорской наложницей высшего разряда — нёго. Тем временем у Тэйси все-таки родился сын — первый принц Асуясу, но, пользуясь тем, что она была лишена поддержки братьев, Митинага сумел настроить против нее императрицу-мать и самого императора Итидзё. В результате Тэйси удалась из дворца и вскоре постриглась в монахини, а место императрицы-супруги заняла дочь Митинага — Сёси.

В 1008 г., через десять лет после вступления во дворец, Сёси наконец родила первенца — принца Ацухира, и Митинага мог вздохнуть свободно — его будущее было обеспечено.

Вплоть до кончины своей в 1027 г. Митинага пользовался неограниченной властью в качестве сначала тестя, потом деда императора. Три его дочери были императрицами, сын — министром.

С одной стороны, утонченная роскошь дворца, расцвет искусств и поэзии (сам Митинага считался весьма одаренным человеком, и его авторитет в немалой степени был основан на том, что он всячески поощрял художников и поэтов, привлекая к придворной службе самых выдающихся людей своего времени), с другой — частые пожары, беспорядки в стране, эпидемии (за 994–998 гг. вымерло больше половины населения столицы), бесконечные дворцовые интриги, борьба внутри рода Фудзивара, постоянное ощущение враждебности окружения — таков был мир, в котором жила Мурасаки. Ее отца Фудзивара Тамэтоки волны судьбы бросали то вверх, то вниз, приближая к роскоши и славе или, наоборот, низводя к нищете и безвестности. Лишенный придворных званий после отречения от престола императора Кадзан, он только в 996 г. с трудом добился назначения на должность правителя Этидзэн. Вернувшись через четыре года в столицу, он долго оставался не у дел, пока в 1008 г. не получил наконец звание куродо и должность дзёбэна. В 1011 г. Тамэтоки был назначен правителем Этиго. Вскоре после этого он потерял сына и в 1014 г., вернувшись в столицу и отказавшись от должности, принял постриг в монастыре Миидэра. Год его смерти неизвестен. Единственное, что не изменяло ему в жизни, — это слава литератора и ученого. Он принимал участие в поэтических турнирах вместе с известнейшими поэтами своего времени, о его осведомленности в китайских науках слагались легенды. Современники называли его одним из просвещеннейших мужей столицы.

О матери Мурасаки известно только то, что она была дочерью Фудзивара Тамэнобу. Предполагается, что она умерла, когда девочке было совсем еще мало лет. Во всяком случае, ее положение не было выше положения отца — обе семьи принадлежали к средней чиновничьей аристократии, далекой от участия в высшей политике. У Мурасаки, судя по всему, были две сестры и брат Нобунори. (Некоторые исследователи считают, что было еще два брата, но имена их неизвестны.)

Воспитание Мурасаки получила такое, какое получала всякая девочка в подобной семье. Ее учили игре на кото (в чем она достигла, по свидетельству современников, большого мастерства), каллиграфии, стихосложению, умению одеваться и составлять ароматы. Единственное, чем ее воспитание отличалось от обычного, так это углубленным изучением китайской литературы. В «Дневнике» она пишет о том, что легко справлялась

с заданиями, которые давались ее брату Нобунори. «Когда человек, которого теперь называют Сикибу-но дзё (Нобунори. — Т. С.-Д.), в детстве читал китайские книги, я всегда слушала и, если он медлил с толкованием или что-то забывал, на диво быстро отвечала за него, так что наш отец — большой знаток и любитель китайских книг — часто сетовал: “Ах, какая досада, какое несчастье, что она родилась девочкой!”»

Семья Фудзивара Тамэтоки жила в большой усадьбе у Столичного предела на берегу реки Камо, принадлежавшей еще прадеду Мурасаки — Фудзивара Канэсукэ (877–933). Когда-то частыми гостями были здесь Ки-но Цураюки, Осикоти-но Мицунэ и другие поэты. Времена правления императора Дайго (900–927), наложницей которого была дочь Канэсукэ, совпали с высшим расцветом семейства, впоследствии никогда уже не поднимавшегося так высоко. Но литературные традиции всегда продолжали жить в этом доме. Их поддерживал сын Канэсукэ — Масатада и внуки — Тамэёри и Тамэтоки.

Детство Мурасаки совпадает с лучшими годами карьеры Тамэтоки, годами, когда его знания, его одаренность были признаны по заслугам и он пользовался большим уважением при дворе. Отсвет утонченной атмосферы Дворца невольно падал и на дом у Столичного предела.

Однако скоро этот счастливый период в жизни семьи закончился. После того, как император Кадзан под нажимом Фудзивара Мититака был вынужден отречься от престола и постричься в монахи, близкая ко двору группа ученых-конфуцианцев, к которой принадлежал и Тамэтоки, распалась. Сам Тамэтоки был лишен всех званий и отстранен от двора. Было же ему тогда около сорока лет. С того времени вплоть до 996 г., когда Тамэтоки получил наконец назначение в Этидзэн, семья вынуждена была влачить довольно жалкое существование.

В те годы столицу потрясали частые стихийные бедствия, то и дело вспыхивали пожары и эпидемии. В 996 г. во время одной из таких эпидемий умерла старшая сестра Мурасаки.

В стихах, созданных Мурасаки в годы юности, больше всего — о разлуке:

«Недавно встретила особу, с которой была очень близка в детстве, но с тех пор потеряла ее из виду, и что же? — не успев приехать, она сразу же уехала снова, словно соперничая с луной Десятой ночи Седьмого месяца...

Снова судьба
Нас свела, но понять не успела,
Была ты иль нет?..
Миг, другой — и за тучами скрылся
Светлый лик полночной луны...»

«Та особа уехала в далекие края... Осень близилась к концу, и на рассвете так печально звенели сверчки...

Сверчков голоса
На ограде в саду все печальней,
Все слабей с каждым днем.
О разлуке с осенью плачут,
Но разве удержишь ее?»

«У меня скончалась старшая сестра, а другая женщина потеряла младшую, и вот, случайно встретившись в пути, мы условились заменить друг другу ушедших. Мы обменивались письмами, надписывая их — “милой сестрице”, но по прошествии некоторого времени и она, и я вынуждены были уехать в далекие края и, лишенные возможности проститься, лишь в письмах сокрушались о разлуке...

Дикие гуси
На север спешат далекий.
Их крыльям доверь
Слова свои, пусть бесконечно
Строки писем бегут в облаках...»

Осенью 996 г. Тамэтоки с дочерью уехал в Этидзэн, оставив в столице Нобунори, проходившего курс обучения.

Это было первое путешествие в жизни Мурасаки. Из столицы в Этидзэн путь лежал через заставу на горе Встреч, Оосака, по западному берегу озера Бива, по склонам горы Сиодзу. Около четырех дней были они в пути, дочь Тамэтоки любовалась непривычными пейзажами, с тоской вспоминала столицу. Путешествию в Этидзэн посвящен целый цикл стихов в ее домашней антологии:

«Увидав, как тянут сети в местечке под названием Мио-га саки у озера Оми (озеро Бива. — Т. С.-Д.), я сложила:

Из моря Мио
Рыбаки бесконечные сети
Тянут на берег...
Бесконечно тянутся думы
О столице, такой далекой...»

«Однажды я услышала, как на каменистом морском берегу кричал журавль...

У моря в камнях
Журавль кричит одинокий,
Грустит, как и я.
О, журавль, скажи мне, кого
Ты с такой тоской вспоминаешь?»

«Когда плыли по озеру в лодке, небо вдруг потемнело, засверкали молнии — похоже было, что вот-вот разразится гроза...

Тучи нависли,
Вздыбились волны дождю навстречу,
Дико взревели,
Лодка на них качается,
И сердце не знает покоя...»

«Дорога через гору “Соленая бухта”, Сиодзу, совсем заросла травой, и носильщики, облаченные в жалкие лохмотья, то и дело ворчали: “Вот уж и впрямь — солоно...” Услыхав их, я сказала:

Раз за разом свой путь
Верша по горе Сиодзу,
Поймешь без труда:
Горька и терниста дорога,
Ведущая нас по миру...»

«Сложила, тронутая прелестью бухты Детей, Варава-но ура, когда проезжали мимо мыса, которому название “Остров Старости”, Оицусима:

Может, так повелели
Боги, покой хранящие
Острова Старости?
Волны в бухте Детей
Не бушуют, а катятся тихо...»

Провинциальная жизнь не пришлась по вкусу Мурасаки, она тосковала по столице. Глядя на покрытые снегом окрестные вершины, вспоминала родные места, гору Осио, которую было видно из их дома в столице.

«Сегодня, согласно календарю, должен идти первый снег, а постоянно находящаяся перед глазами гора, которая называется Хинотакэ, давно уже покрыта глубоким снегом...

«Завалены снегом
Криптомерии Хинотакэ.
Может, удастся
Их хотя бы сегодня принять
За сосны горы Осио?»

«Выпало так много снега, что невозможно было подойти к дому. Разгребая его, слуги сделали снежную гору. Дамы, забравшись на нее, стали звать: “Выйдите же и взгляните!”

Когда бы я знала,
Что по этой горе пролегает
Дорога в столицу,
Может быть, и на снег
Смотрела бы с радостью...»

В 998 г. Мурасаки одна вернулась в столицу и вскоре вступила в брачный союз с Фудзивара Нобутака.

Фудзивара Нобутака принадлежал к той же северной ветви рода Фудзивара, что и отец Мурасаки. Служил он в то время правителем Тикудзэн, а лет ему было около сорока пяти. У него уже было несколько жен и немало детей.

Нобутака давно был знаком с отцом Мурасаки и, видимо, еще до отъезда семьи в Этидзэн начал поговаривать о брачном союзе. Ответив, судя по всему, отказом, Мурасаки уехала в Этидзэн. Но на письма Нобутака она все-таки отвечала, как положено упрекая поклонника в непостоянстве и ветрености:

«Человек, который, как говорили, испытывал нежные чувства к дочери правителя Оми, постоянно писал ко мне, уверяя в искренности своих чувств. В конце концов мне это надоело.

У моря Оми
Призывает кулик подругу...
Раз тебе все равно,
Кричи там и дальше, летая
Над всеми причалами!»

«Вот что я ответила человеку, который, закапав бумагу киноварью, требовал, чтобы я обратила внимание на цвет его слез:

На алые слезы
Смотреть не могу без досады:
Слишком ясно их цвет
Говорит о том, как изменчиво,
Как неверно сердце твое...»

Тем не менее Нобутака в конце концов удалось сломить сопротивление Мурасаки, и она дала согласие на этот брак, довольно поздний для того времени — Мурасаки было уже около 25 лет. 998 год был очень тяжелым для столицы. Страшная эпидемия оспы уносила людей одного за другим. В том году умер и дядя Мурасаки — Тамэёри. Летом разразился сильнейший ураган, разрушивший многие служебные постройки дворца.

Нобутака был назначен правителем сначала Ямасиро, потом Уса (в 999 г.), куда и отправился, оставив Мурасаки с недавно родившейся дочерью в столице.

Вернувшись в начале 1000 г. из Уса, Нобутака довольно успешно служил во дворце, участвуя во всех празднествах и церемониях. Сохранились стихи, которыми обменивались супруги, судя по всему часто подтрунивавшие друг над другом.

«Узнав, что он показывает другим мои письма, я передала ему на словах, что, если он не вернет все мои письма, я не буду ему больше писать. Он рассердился и заявил, что вернет. Был же тогда Десятый день Первой луны...

Подтаял уже
Тонкий ледок, сковавший
Водную гладь...
А ты говоришь, довольно,
Пусть иссякнет горный ручей?

Мне удалось немного успокоить его, и все же он ответил только поздно вечером:

Тонкий ледок
Только начал подтаивать
Под ветром восточным.
Раз уж ручей такой мелкий,
Путь совсем иссякает...

Поняв, что он рассердился и решил больше мне не писать, я улыбнулась и ответила:

Если речи твои
Иссякли, пусть иссякают,
Неужели запруду
Стану я возводить? И гнева
Твоего не стану страшиться...»

Супружество Мурасаки оказалось недолгим. Весной 1001 г. на 49-м году жизни Нобутака скончался. Кончина мужа была тяжелым ударом для Мурасаки. Дом ее опустел, замолкшее кото покрылось толстым слоем пыли. «Два больших шкафа были до отказа набиты разнообразными книгами. В одном лежали собрания песен и свитки с повестями, которые давно уже превратились в чудовищные гнезда для расплзшихся повсюду жучков. Отвратительное зрелище! Наверное, поэтому никто даже и не пытался открыть этот шкаф.

В другом были тщательно уложены китайские книги. С тех пор как их хозяина не стало, почти никто к ним не прикасался. Когда слишком тягостной становилась тоска, я вынимала эти книги — одну, другую — и читала их...»

У нее завязалась переписка с детьми умершего мужа.

«Дочь ушедшего, найдя как-то строки, начертанные ее отцом, мне о том написала...

В вечернем тумане
За островом скрылась утка,
Оставшись один,
Птенец беспомощный мечется,
Пытаясь следы отыскать...

Та же самая особа как-то прислала мне ветку вишни — ее поразила красота цветов, расцветших у дома, покинутого хозяином, я же ответила:

Печалился глядя,
На разлетающиеся лепестки...
Видно тогда уже,
Он знал, как станет тоскливо
Когда отцветут эти вишни».

В самом конце 1001 г. умерла бывшая императрица Сэнси (мать императора Итидзё), и столица облачилась в траур.

«Дама, уже с прошлого года носившая траурное платье (сама Мурасаки. — Т. С.-Д.), по прошествии некоторого времени после того, как скрылась из мира государыня-монахиня, однажды весной в туманный сумеречный час получила письмо:

Этой весной
И в заоблачных далях
Воцарилась печаль.
Траурной дымкой затянуто
Тоскливое небо...

И ответила:

Стоит ли мне,
Ничтожной, сегодня сетовать
На мокрые рукава?
В эти скорбные дни весь мир
Облачился в платье из дымки».

В течение нескольких лет Мурасаки жила одиноко в своем доме у Столичного предела. Вскоре после смерти Нобутака появился какой-то человек, искавший союза с ней, скорее всего наместник одной из западных провинций, но, судя по всему, Мурасаки его отвергла.

«Человек, тщетно стучавший в ворота и принужденный уйти ни с чем, на следующее утро попенял мне:

Денно и ночью
Над западными морями
Ветры бушуют,
Но и там не видал, чтоб волну
Не подпускал к себе берег...

Я же ответила:

Отступив,
Уразумел ты, быть может,
Далеко не всегда
Вольна набегать на берег
Изменчивая волна...»

Примерно в то же время заболела ее дочь Кэнси, и это рождало в душе новые тревоги...

«У женщины, которая печалилась о непостоянстве мира, внезапно заболело дитя, и, глядя на дам, которые, поставив в вазу побеги китайского бамбука, творили молитвы, она произнесла:

Мольбы возношу,
Чтобы юный росток бамбука
Тянулся все выше,
Хотя отвернуться готова
От этого грустного мира».

Между тем после волнений, связанных со стихийными бедствиями и эпидемиями 1001–1002 гг., в столице наступило относительное затишье. Фудзивара Митинага, влияние которого усиливалось с каждым годом, снова приблизил ко двору ученых, во дворце часто устраивались поэтические вечера, в которых принимал участие и Тамэтоки. Нобунори в 1004 г. получил должность младшего писаря (конайки), и в семье наступило относительное благополучие.

Только Мурасаки по-прежнему тосковала и предавалась размышлениям о превратностях судьбы: «Сначала я сетовала, что все в моей жизни складывается не так, как хочется, но постепенно стала жить как все и даже находила в этом удовольствие. Подумав об этом сложила:

Желаньям души,
Даже самым ничтожным,
Жизнь неподвластна.
Зато подчиниться жизни
Готовы желанья души...

А вот еще:

Вот только какая
Жизнь вполне сообразна
Желаньям души?
Ответ мне известен, и все же
С ним не могу смириться...»

Примерно через пять лет после смерти Нобутака, в конце 1005 г., Мурасаки поступила на службу во дворец, став придворной дамой императрицы Сёси.

В императорском дворце и в домах высшей знати обычно прислуживали дамы, принадлежавшие к средним слоям аристократии. Их называли нёбо. Живя тут же, в доме своей госпожи, в комнатах, отделенных перегородками или занавесями от главных покоев, дамы-нёбо помогали госпоже коротать часы досуга, выполняли ее поручения, принимали гостей, отвечали на письма, воспитывали детей. Каждая из них имела своих собственных прислужниц, не допуская их к госпоже.

Стараясь усилить влияние Сёси, которая в 1000 г. стала императрицей-супругой, Митинага собрал в ее покоях все самое лучшее — от утвари до прислуживающих дам, тем более что на первых порах Сёси имела рядом с собой довольно серьезную соперницу — отставленную императрицу Тэйси (скончавшуюся в конце 1000 г.), в свите которой было немало прославленных поэтесс, не говоря уже об авторе появившихся в том же, 1000 г. «Записок у изголовья» Сэй Сёнагон. Митинага позаботился о том, чтобы у его дочери было не менее блестящее окружение.

Одновременно с Мурасаки в услужение к Сёси поступили Идзуми Сикибу, Акадзомэ Эмон и другие прославленные поэтессы. Большое значение Митинага придавал поэтическим турнирам (которых с 1002 по 1006 г. было проведено более 20). Во дворце часто устраивались торжественные молебствия, чтения сутр, проводились музыкальные вечера, лучшие каллиграфы столицы переписывали для императрицы поэтические антологии.

Отца Мурасаки Митинага знал давно, ценил как ученого и поэта и часто приглашал во дворец. Может быть, прослышав о том, сколь хорошо знакома дочь Тамэтоки с китайской классикой, он рассчитывал, что она станет наставницей Сёси в китайской поэзии. А может быть, к тому времени уже была написана часть «Повести о Гэндзи», и растущая популярность этого произведения заставила Митинага желать, чтобы женщина, его написавшая, украсила свиту его дочери? Неизвестно, как было на самом деле.

Так или иначе, в 1005 г. на 26-й день Двенадцатой луны Мурасаки стала придворной дамой императрицы Сёси. Ее причислили к дамам среднего разряда — тюрё-нёбо.

Выполняя мелкие поручения императрицы, Мурасаки прислуживала ей при умывании, переодевании, трапезах, принимала гостей, была посредницей в беседах между ними и государыней.

По-видимому, одновременно она была наставницей императрицы: «Государыня часто поручала мне читать ей разные отрывки из “Поэтического собрания”⁹ и в конце концов, пожелав лучше их понимать, попросила меня учить ее, поэтому с позапрошлого лета я стала читать с ней те две книги, которые известны под названием “Новые песни юэфу”. Разумеется, мы делали это урывками, когда рядом никого не было, и сохраняли наши занятия в полной тайне».

В те времена положение придворной дамы не считалось почетным, скорее наоборот. «Терпеть не могу придирчивых людей, которые злословят по поводу придворных дам, — пишет автор “Записок у изголовья” Сэй Сёнагон. — Положим, нет дыма без огня. Придворная дама не сидит затворницей, она встречается с множеством людей. [...] Когда придворная дама выходит замуж, ей оказывают всяческое почтение, но в душе думают, что каждый знает ее в лицо и что не найдешь в ней прежней наивной прелести» (Перевод В. Н. Марковой).

А вот как говорит об этом сама Мурасаки: «Какой суетной, тщеславной должна казаться я теперь людям, когда-то любезным моему сердцу. Право, при одной лишь мысли об этом мне становится не по себе, и я не решаюсь писать к ним».

Судя по всему, особого желания служить при дворе у Мурасаки не было: «Впервые увидав дворец, я была взволнована до глубины души...

Ясней, чем когда-либо,
Осознала, сколь горестна жизнь.
Девять врат предо мной,
Но, увы, и смятенье души
Возросло девятикратно...»

Очевидно, пойти в услужение к императрице Сёси ее уговорил отец, чувствовавший себя обязанным Митинага.

Тем не менее Мурасаки относилась к придворной службе весьма серьезно и осуждала дам, пренебрегавших своими обязанностями: «Если уж ты решилась пойти на придворную службу, то, каким бы благородным ни было твое происхождение, изволь подчиняться установленному порядку. Эти же дамы ведут себя так, как будто живут за спиной у родителей».

Мурасаки, которая всегда была малообщительна, а после смерти мужа и вовсе замкнулась в себе, тяготилась шумной придворной жизнью и часто уезжала в дом отца, где отдыхала от докучных обязанностей, беспрепятственно предавалась размышлениям, обдумывала и, быть может, записывала увиденное. Склонная к созерцательности и размышлениям, обладающая пронизательным умом и удивительной наблюдательностью, она многое подмечала — сопоставляла одно с другим, обобщала, приходила к определен-

⁹ Имеется в виду распространенный в то время в Японии сборник стихов китайского поэта Бо Цзюйи (772–846).

ным выводам. В «Дневнике» даются характеристики современницам Мурасаки: Идзуми Сикибу, Акадзомэ Эмон, Сэй Сёнагон. Они поражают психологической достоверностью, меткостью определений, явно выраженным стремлением к разностороннему осмыслению человеческой личности.

А вот как Мурасаки пишет о себе: «...многие говорят мне: “Такого мы в вас не предполагали. О вас отзывались весьма неодобрительно — мол, она слишком чопорна, кичится своей утонченностью, всех сторонится, ведет себя высокомерно, любит только повести и, словно желая похвастаться своими талантами, по любому поводу слагает стихи. Остальными же дамами пренебрегает, смотрит на них свысока, с явной неприязнью. А оказалось, что вы на диво мягкосердечны, словом — совсем другая”. Услышав это, я устыдилась: ведь мне-то всегда казалось, что это на меня дамы смотрят свысока, считая особой довольно скучной и неинтересной. Но ничего не поделаешь, иначе я вести себя не умею. Вот и Государыня не раз говорила мне: “Прежде я всегда чувствовала себя немного скованно в вашем присутствии, но постепенно вы стали мне ближе, чем остальные дамы”».

В 1005 г., когда Мурасаки поступила на придворную службу, императрица жила в резиденции Митинага, дворце Цутимикадо; в 1006 г. двор переехал во временный дворец на Первой линии, Итидзё-ин, а потом — во дворец Бива. В Императорском дворце, который восстанавливался после пожара 1005 г., Мурасаки, судя по всему, не бывала. Следуя за своей госпожой, она жила то во дворце на Первой линии, то в доме Митинага, а иногда, получив отпуск, возвращалась на некоторое время в родной дом у Столичного предела.

Придворная служба имела и свои преимущества. В 1007 г. на 30-й день Второй луны Нобунори получил звание куродо, что вряд ли было бы возможно, не служи его сестра во дворце.

Постепенно Мурасаки привыкла к придворной службе, у нее появились близкие подруги среди придворных дам. В «Дневнике» и в домашней антологии особенно часто упоминается некая Косёсё, с которой они были, очевидно, особенно дружны. «Мы объединили наши комнатки и оставляем их за собой, даже когда одна из нас на время покидает Высочайшие покои. Если же мы находимся там вместе, то отгораживаемся друг от друга только занавесами».

В «Дневнике» довольно подробно описана жизнь двора императрицы Сёси в 1008–1010 гг. Первые записи «Дневника» относятся к Восьмой луне 1008 г., когда императрица жила в доме отца, ожидая рождения своего первенца. Митинага возлагал на этого ребенка большие надежды, поэтому его появление на свет было отмечено необыкновенно торжественно. В «Дневнике» подробно описываются роскошные пиршества, обряды и церемонии, которые в честь этого события были устроены во дворце Цутимикадо. В записях, относящихся к 1008 г., впервые встречается прозвище — Мурасаки — так называет автора «Дневника» Фудзивара Кинто, известный поэт и музыкант, имевший в то время чин начальника Левого привратной охраны, саэмон-но ками. «Саэмон-но ками неожиданно спрашивает: “Ах, простите, не здесь ли служит особа по прозвищу юная Мурасаки?” — “Поскольку вы не видите никого, кто напоминал бы Гэндзи, откуда же здесь взяться его супруге?” — отвечаю я».

Приблизительно к тому же времени относятся и следующие записи: «Приближалось время возвращения Государыни во Дворец, но дамы целыми днями занимались перепиской и шиванием книг. И это несмотря на то, что с самых родов не знали ни минуты покоя. Лишь только рассветало, я спешила в покои Государыни и, выбрав подходящие цветные листы, раздавала их дамам вместе с текстом “Повести” (большинство японских комментаторов предполагает, что речь идет именно о “Повести о Гэндзи”. — Т. С.-Д.) для переписки. Сама же я с утра до вечера только и занималась тем, что соединяла переписанное воедино... Я послала домой за тетрадями с “Повестью” и спрятала их в своей комнате, но господин (Фудзивара Митинага. — Т. С.-Д.), улучив миг, когда я прислуживала в покоех Государыни, потихоньку пробрался ко мне и, отыскав их, отослал Найси-но ками (младшая дочь Митинага Кэнси. — Т. С.-Д.). Боюсь, что теперь молва не пощадит меня, ибо это были черновики, весьма далекие от совершенства».

Эти записи позволяют предположить, что к 1008 г. хотя бы часть «Повести о Гэндзи» уже была написана.

Находясь при императрице и пользуясь расположением самого Митинага (некоторые даже предполагают между ними любовную связь, исходя из того же «Дневника», где Мурасаки рассказывает о том, как некто, судя по всему Митинага, ночью пытался ворваться в ее покои), Мурасаки была в курсе всех придворных интриг, видела взлеты и падения многих людей, находящихся у власти, присматривалась к окружавшим ее придворным и прислушивалась к тому, о чем судачили в женских покоех. Обобщая свои наблюдения, она фиксировала их на бумаге. Так складывалась «Повесть о Гэндзи». Очевидно, написанные ею главы сразу же распространялись в придворных кругах и читались, окружая славою ее имя.

«Однажды Государь слушал, как читали “Повесть о Гэндзи”, и сказал: “Эта дама, должно быть, читала ‘Нихонги’ (‘Японские исторические анналы’. — Т. С.-Д.). Она и в самом деле весьма сведуща в науках”. Услыхав его слова, Саэмон-но найси, не долго думая, подхватила их и принялась всем рассказывать о моей необыкновенной учености. В конце концов меня прозвали госпожой Нихонги, что совсем уж нелепо. Я перед домашними своими и то стесняюсь, так стала бы я хвастаться своей ученостью перед Государем?»

О последних годах жизни Мурасаки не сохранилось почти никаких сведений. Скорее всего она так и не решилась принять постриг, будучи не в силах отстраниться от забот о совсем еще юной дочери, лишенной надежных покровителей, и пренебречь своими обязанностями при государыне.

Известно, что на Вторую луну 1011 г. Тамэтоки получил назначение в Этиго (ему в ту пору было уже лет 65) и отправился в провинцию вместе с сыном Нобунори, который вскоре скончался. На Пятую луну того же года отрекся от престола и вскоре ушел из мира император Итидзё, и престол перешел к Сандзё. После окончания срока траура императрица Сёси со своими придворными дамами переехала во дворец Бива. В «Повести о расцвете» приводится песня, которую по этому случаю сложила дама по прозвищу То-сикибу:

Прежние годы
Стали далеким сном.
Слезы из глаз
Нескончаемо льются
В этом печальном жилище...

Там же говорится, что в те годы при дворе императрицы Сёси служила «дочь Тамэтоки, наместника Этиго».

Упоминание о Мурасаки есть в дневнике Фудзивара Санэсукэ (957–1016), известном под названием «Сёюки» («Записки Правого министра»). Вот запись, датированная 25-м днем Пятой луны Второго года Тёва (1013 г.):

«Вчера вечером я тихонько отправил Сукэхира (приемный сын Санэсукэ. — Т. С.-Д.) к Государыне, дабы он принес извинения за то, что я не сумел вовремя справиться о здоровье принца Весенних покоев. Утром он вернулся и доложил, что его приняла придворная дама, которая сказала...» Далее сообщается, что дамой этой была «дочь наместника Этиго, Тамэтоки, которая и раньше оказывала мне подобные услуги».

На 20-й день Первой луны следующего (1014) года Сукэхира снова был послан в покои императрицы, но на этот раз посредником в их беседе был тюнагон Масамунэ, сын Митинага, а не Мурасаки. Может быть, к тому времени она уже покинула придворную службу; во всяком случае, никаких упоминаний о ней как о даме из свиты императрицы Сёси больше нет.

Можно предположить, что именно в те годы Мурасаки привела в порядок свои стихи и составила домашнюю антологию. Есть сведения, что в конце Первой луны 1014 г. она совершила паломничество в храм Киёмидзу, вернувшись откуда написала знакомой даме:

Печально смотреть
На обледенелые сосны
В горной глуши.
Еще печальней оглядываться
На пройденный путь.

Ее отец Тамэтоки в 1014 г. вернулся в столицу, а в 1016 г. принял постриг в монастыре Миидэра. Когда он умер — неизвестно. Есть основания предполагать, что он пережил не только сына, но и дочь, и некоторые исследователи связывают его возвращение в столицу и принятие пострига с кончиной Мурасаки.

Во всяком случае, последние сведения о ней и последние ее стихи относятся к 1014 г.

Дочь Мурасаки, Кэнси, стала поэтессой, известной под именем Дайни-но самми (ее супруг Такакина Нариаки в 1054 г. получил звание дзю-самми). После нее осталась домашняя антология «Дайни-но саммисю», ее стихотворения входят во многие поэтические собрания. Известно также, что она была кормилицей принца Такахито, будущего императора Горэйдзэй (1025–1068).

Принято считать, что могила Мурасаки находится рядом с могилой поэта Оно Такамура (802–852) в районе Хорикава — Китаодзи, в северной части современного Киото. В своде комментариев «Реки и моря» («Ка-

кайсё», 1362), одном из первых исследований текста «Повести о Гэндзи», сообщается, что Мурасаки была погребена к «югу от обители Урин-ин», с западной стороны могилы Оно Такамура. Камень на могиле (так же как и на могиле Оно Такамура) поставлен в конце XIX в.

В трех храмах — Эндзёдзи, Исияма, Дайтокудзи — стоят посвященные Мурасаки ступы для приношений.

Теперь трудно точно установить, когда Мурасаки начала писать «Повесть о Гэндзи» и когда завершила свою работу над ней (да и завершила ли?).

Разные исследователи отвечают на этот вопрос по-разному.

Первая версия. Повесть была начата либо еще до того, как Мурасаки вступила в брак с Фудзивара Нобутака, либо в годы замужества. Рассказы отца об императоре Кадзан и его окружении послужили толчком к написанию главы «Павильон Павлонии» («Кирицубо»), которая стала основой для дальнейшего повествования.

Вторая версия. Мурасаки начала писать «Повесть» после смерти мужа, до поступления на придворную службу. Во всяком случае, некоторые записи «Дневника» свидетельствуют о том, что «Повесть о Гэндзи» (или часть ее) к тому времени (т. е. к 1008 г.) уже была не только написана, но и широко известна в женских покоях, где она активно читалась и переписывалась.

Третья версия. Мурасаки приступила к написанию «Повести» после того, как ушла с придворной службы.

Последняя версия основывается на известной легенде, зафиксированной в «Безымянных записках»:

«Великая жрица святилища Камо как-то обратилась к обитательнице дворца у Верхних восточных ворот (императрице Сёси. — Т. С.-Д.) с такими словами: “Ах, как хотела бы я иметь повесть, способную развеять тоску моих дней”. Та же, призвав к себе даму по прозвищу Мурасаки Сикибу, повелела: “Преподнеси нам какую-нибудь повесть”. — “Что же у меня может быть интересного? Разве только сочинить что-нибудь новое?” — ответила дама. “Сочини же”, — приказала Государыня, и, повиновавшись, Мурасаки сочинила “Повесть о Гэндзи” — воистину благословенный случай».

Легенда говорит о том, что получив такое приказание, Мурасаки удалась в монастырь Исияма и там, любуясь луной, исчезающей за горными вершинами, начала писать главы «Сума» и «Акаси».

Правда, в тех же «Безымянных записках» выдвигается другая версия: «...некоторые утверждают, что она сочинила “Повесть”, находясь в отчем доме, еще до того, как поступила на службу, и именно потому и была призвана, именно потому и прозвали ее Мурасаки. Сейчас трудно сказать, как было на самом деле».

Большинство исследователей все-таки склоняется к мнению, что Мурасаки начала писать «Повесть о Гэндзи» после смерти мужа, т. е. около 1001 г. Скорее всего первыми были написаны главы о женщинах среднего сословия («Пустая скорлупка цикады», «Вечерний лик» и др.). Поступив на придворную службу, Мурасаки продолжала писать, причем круг ее персонажей расширился, изменилось и место действия. Трудно установить точно, когда она закончила работу над «Повестью». Может быть, в 1008 г. (к которому

относится запись «Дневника», касающаяся чтения «Повести о Гэндзи» в присутствии императора Итидзё) уже существовал полный текст. Может быть, была написана лишь часть его.

Название «Повесть о Гэндзи», судя по всему, не было дано автором, а возникло позже. Известны разные варианты названия: «Повесть о блистательном Гэндзи» («Хикару-Гэндзи-моноготари»), «Повесть о Мурасаки» («Мурасаки-но-моноготари»). Последнее встречается в «Дневнике из Сарасина» (середина XI в.), и некоторые исследователи считают его самым древним. Часто под отдельным названием — «Повесть из Удзи» («Удзи-моноготари») объединяют последние десять глав.

К сожалению, до нашего времени не дошло ни одного экземпляра «Повести о Гэндзи», переписанного при жизни Мурасаки (не говоря уже о рукописи автора). Некоторые записи «Дневника» позволяют прийти к выводу, что зимой 1008 г. существовало два экземпляра «Повести о Гэндзи». Один принадлежал императрице Сёси, другой находился у ее сестры, младшей дочери Митинага — Кэнси (будущей супруги императора Сандзё). Причем у Сёси имелась копия, а к Кэнси попал оригинал — тот самый черновик Мурасаки, который якобы был выкраден у нее Митинага. Можно предположить, что вскоре появилось много других копий «Повести», так как популярность ее росла и каждое семейство хотело иметь собственный экземпляр.

В эпоху Камакура (1185–1333) были предприняты попытки систематизировать списки «Повести» с учетом всех разночтений. Тогда и сложились те три группы списков, на которых базируются все более поздние тексты, имеющиеся в распоряжении современных исследователей.

1. «Книги из Кавати».

В списках этой группы взят за основу текст, составленный правителем Кавати — Минамото Тикаюки, известным поэтом и ученым XIII в., который, продолжая дело, начатое отцом его, Минамото Мицуюки (1163–1244), проанализировал все имеющиеся в его распоряжении списки «Повести о Гэндзи» и, вычленив наиболее древние варианты текста, составил новый, исправленный текст «Повести», отличительной особенностью которого является некоторая его облегченность. Либо Тикаюки сам переделывал неясные места текста, заменяя их комментаторским переложением, либо выбирал самые легкие варианты из имеющихся в его распоряжении. В эпоху Камакура «Книги из Кавати» считались самыми авторитетными среди всех списков «Повести о Гэндзи», но постепенно все больший вес стали приобретать так называемые «Синие тетради» («Аобёси»).

2. «Синие тетради».

Создание этой группы списков «Повести о Гэндзи» традиционно связывают с именем Фудзивара Тэйка (1162–1241) — известного поэта, каллиграфа и ученого, одного из создателей антологии «Синкокинвакасю» («Новое собрание старых и новых песен Ямато», 1205), автора многих поэтических трактатов.

В его дневнике «Мэйгэцуки» («Записки ясной луны»), описывающем события 1180–1235 гг., в записи, датированной 16-м днем Второй луны Первого года Кароку (1225 г.), сообщается, что девочкам, прислуживающим в его

доме, было приказано переписать 54 главы «Повести о Гэндзи», переписанное же вложили в синие обложки. В том же дневнике говорится о том, что работа над перепиской была начата на Одиннадцатую луну 1224 г.

В 1227 г., на 13-й день Десятой луны, Тэйка преподнес переписанную в его доме «Повесть о Гэндзи» императору Гохорикава. Но по некоторым замечаниям самого Тэйка можно предположить, что, переписывая имеющиеся у него варианты текста, он исправлял их, внося собственные дополнения.

В одном из первых сводов комментариев к «Повести о Гэндзи», «Гэнтю-сайхиссё» («Сокровеннейшие тайны “Повести о Гэндзи”»), начатом Минамото Тикаюки в конце XIII в. и законченном его сыновьями, говорится о том, что Фудзивара Тэйка сопоставлял свой текст с текстом семьи Минамото (работа над которым была завершена к 1255 г.), но особых разночтений не обнаружил. Разночтения, имеющиеся в более поздних текстах, объясняются скорее всего тем, что оба варианта подвергались неоднократной переработке.

Во времена Муромати (1333–1573), когда многие исследователи интересовались творчеством Фудзивара Тэйка, авторитет «Синих тетрадей» значительно возрос, и скоро они стали считаться самыми достоверными списками «Повести о Гэндзи», окончательно вытеснив «Книги из Кавати». В настоящее время все издания основываются на тексте, составленном Фудзивара Тэйка.

Обычно выделяется и третья группа, куда входят варианты текстов, не имеющие отношения ни к «Книгам из Кавати», ни к «Синим тетрадям».

Сохранились копии, сделанные в эпоху Камакура и позже. Самые древние из них — «Синие тетради», принадлежавшие кисти самого Фудзивара Тэйка, и «Книги из Кавати» из собрания дома Осю.

Необходимо упомянуть еще об одном варианте текста «Повести», быть может самом близком к оригиналу. До наших дней дошли датированные началом XII в. горизонтальные свитки «Повести о Гэндзи» («Гэндзи-мо-ногатари эмаки»), на которых живописные изображения, приписываемые традицией хэйанскому художнику Фудзивара Такаёси, предваряются так называемыми *котобагаки* — словесными пояснениями, скорее всего представляющими собой сокращенные и переработанные выдержки из имевшего хождение в то время текста «Повести». Эти-то *котобагаки*, составленные примерно через сто лет после создания «Повести о Гэндзи», максимально приближают нас если не к стилю и языку автора, то по крайней мере к стилю эпохи. К сожалению, сохранилась лишь малая часть свитков: 19 изображений и 20 *котобагаки*; предполагается, что изначально их было раза в четыре больше. Это самые древние иллюстрации к «Повести о Гэндзи», и они лучше, чем что бы то ни было, позволяют нам ощутить неповторимый аромат того далекого мира, в котором жили и сама Мурасаки, и ее герои.

Говоря о разночтениях, обнаруженных в разных списках «Повести о Гэндзи», следует отметить, что они не столь уж значительны и, как правило, касаются отдельных деталей или синтаксических форм, смысловых же или композиционных различий практически нет, если не считать того, что иногда меняются местами главы «В зарослях полыни» и «У заставы», «Бамбуковая река» и «Красная слива».

Во всех имеющихся ныне списках текст «Повести» делится на пятьдесят четыре главы, среди которых есть глава «Первая зелень», состоящая из двух частей, и глава «Сокрытие в облаках», представленная только названием.

Уже автор «Дневника из Сарасина» («Сарасина-никки», середина XI в.), дочь Сугавара Такасуэ, пишет о существовании более чем 50 глав «Повести», причем по некоторым описываемым ею подробностям можно судить о том, что так называемые «Главы Удзи» (последние десять глав «Повести о Гэндзи») хорошо ей знакомы.

В конце эпохи Хэйан (т. е. во второй половине XII в.) бытовало мнение, что первоначально глав было 60. Эта цифра приводится в «Безымянных записках», а в своде комментариев «Большое зеркало Гэндзи» («Гэндзи-оокагами», автор и время создания неизвестны) проводится аналогия между 60 главами «Повести о Гэндзи» и 60 священными свитками, в которых излагается суть учения Тэндай. Возникло предположение, что название «Сокрытие в облаках» первоначально объединяло шесть впоследствии утерянных глав, и некоторые ученые даже пытались реконструировать их.

Надо сказать, что вопрос о том, существовала ли глава «Сокрытие в облаках», издавна вызывал немало споров и недоумений. Все японские комментаторы, начиная с Фудзивара Тэйка, перечисляя главы «Повести о Гэндзи», включали и эту главу, хотя, судя по данным самых ранних исследований, ее текста не было уже в конце эпохи Хэйан. Получается, что либо она не существовала вообще, либо была утеряна переписчиками еще до этого времени, иначе отсутствие ее объяснить невозможно. Значительно позже возникла легенда, что глава «Сокрытие в облаках» была сожжена по специальному указу императора, потому что в ней с таким совершенством изображалось, как Гэндзи, удалившись от мирских дел, принимал монашеский постриг, что многие сановники захотели последовать его примеру. Так или иначе, никаких достоверных сведений о судьбе этой главы (или соответствующих шести глав) не сохранилось.

В некоторые эпохи делались попытки, сократив число глав «Повести о Гэндзи» до 28, уподобить творение Мурасаки сутре Лотоса, состоящей из 28 свитков.

Особые расхождения всегда существовали во взгляде на так называемые «Главы Удзи», которые считали то одной главой, то двумя, то десятью, меняя в зависимости от этого общее число глав «Повести».

Немалые разногласия вызывал и вызывает вопрос о порядке написания глав. Начала ли Мурасаки писать свое произведение с главы «Павильон Павлонии» и писала ли главы в том порядке, в каком они расположены в дошедшем до нас варианте?

Отдельные главы «Повести о Гэндзи» в большинстве своем обособлены, конец предыдущей редко бывает связан с началом последующей. Перед нами словно всплывают на миг отдельные мгновения человеческой жизни. Всплывают, чтобы тут же исчезнуть, затеряться в той общей неопределенности, из которой возникли. Возможно, именно эта зыбкость переходов от одной главы к другой и позволила многим исследователям усомниться в том, что традиционное расположение глав отражает действительную последовательность их написания. Эти сомнения усугубляются противоре-

чиями хронологического и иного порядка, легко обнаруживающимися при сопоставлении содержания отдельных глав.

Называют, как правило, три главы, с которых Мурасаки могла начать «Повесть о Гэндзи»: «Павильон Павлонии», «Сума», «Юная Мурасаки». Есть, впрочем, ученые, полагающие, что первой была написана глава «Дерево-метла», а главу «Павильон Павлонии» Мурасаки приписала позже. Существует также мнение, что началом «Повести» была утерянная ныне глава «Принцесса Сверкающего солнца» («Кагаякухи-но мия»), повествующая о юности Фудзицубо.

Из «Глав Удзи» начальными считаются главы «Принц Благоуханный», «Красная слива», «Бамбуковая река».

Вопрос о том, в какой последовательности писалась «Повесть о Гэндзи», осложняется еще более из-за ее структурной неоднородности. Уже первые комментаторы-исследователи текста (в частности, Фудзивара Тэйка) обращали внимание на то, что роль разных глав в общей структуре произведения неодинакова: выделяются основные главы (*мото-но маки*), составляющие фабульный костяк произведения, и побочные (*нами-но маки*), группирующиеся вокруг основных и так или иначе дополняющие их содержание. Побочные главы, в свою очередь, делятся на «вертикальные» (*татэ-но нами*) и «горизонтальные» (*ёко-но нами*). Первые развивают сюжетные линии, намеченные в основной главе, вторые уточняют ее содержание, вводя в то же временное пространство новых персонажей и новые события. Так, главы «Пустая скорлупка цикады» и «Вечерний лик» следуют за главой «Дерево-метла» как побочные вертикального ряда, а глава «У заставы» примыкает к главе «У бакенов» как побочная горизонтального ряда. Глава «Шафран», будучи связанной с главой «Юная Мурасаки», в первой части своей является побочной горизонтального ряда, а во второй — побочной вертикального ряда. (Кстати говоря, именно подобная структура позволяет многим исследователям считать «Повесть о Гэндзи» произведением переходного характера, стоящим на полпути между сборником коротких новелл и сюжетно-цельным романом.)

Естественно предположить, что наличие в «Повести о Гэндзи» глав разного типа является отражением не столько внутренних закономерностей произведения, сколько внешних условий его создания и существования.

Вполне возможно, что Мурасаки взялась за кисть, желая написать сравнительно небольшую повесть, но, по мере того как эта повесть писалась (и читалась), автору представлялось необходимым одни линии развить, другие дополнить, и в результате выстроилось колоссальное по объему произведение, объединенное личностью главного героя и проникнутое единым мироощущением.

То обстоятельство, что «Повесть о Гэндзи» писалась не последовательно — от первой главы до последней, а отдельными частями, более или менее внутренне едиными (а к этому мнению склоняется большинство исследователей), объясняет структуру самих глав, характер их зачинов и концовок, а также отсутствие предыстории некоторых персонажей, немотивированность их появления и исчезновения, необоснованность тех или иных действий и ссыла на события, в «Повести» не описанные.

Правда, некоторые ученые объясняют подобные недомолвки и противоречия тем, что отдельные главы «Повести» были утеряны вскоре после ее создания. Называют главы «Принцесса Сверкающего солнца», «Дева из Сакура» («Сакурабито»), «Сумори».

Выдвигается также предположение о существовании другой, более ранней повести (или даже нескольких повестей), из которой Мурасаки позаимствовала своих героев и которая настолько хорошо была известна в ее время, что ссылка на какие-то обстоятельства, связанные с ее содержанием, не требовала объяснений.

В настоящее время почти все исследователи делят «Повесть о Гэндзи» на три части, различающиеся между собой по содержанию, стилю и методу изложения (такое деление ввела в начале нашего века известная поэтесса и переводчица «Повести о Гэндзи» на современный японский язык Ёсано Акико, до нее «Повесть» принято было делить на две части — до главы «Сокрытые в облаках» и после нее):

1) главы «Павильон Павлонии» — «Листья глицинии» (33 главы), повествующие о жизни Гэндзи от рождения до полного расцвета его могущества в 39-летнем возрасте, могущества, к которому он пришел после ряда злоключений — изгнания, скитаний и пр.;

2) главы «Первая зелень» — «Кудесник-даос» (8 глав), повествующие о печалях, омрачающих старость Гэндзи, в основном связанных с его новым браком с Третьей принцессой и смертью любимой жены Мурасаки; кончается эта часть смертью героя;

3) главы «Принц Благоуханный» — «Плавучий мост снов» (13 глав), повествующие о детях и внуках Гэндзи. В центре этой части — история Укифунэ, завершающаяся принятием героиней монашеского пострига, который она предпочитает брачному союзу с Каору.

Уже первые комментаторы, отмечая, с одной стороны, неоднородность разных частей «Повести о Гэндзи», а с другой — грандиозность охвата действительности и несомненную эрудицию автора, выражали сомнение в том, что «Повесть» была написана одним человеком и что человеком этим была женщина. Одни считали «Повесть» совместным трудом Мурасаки и Фудзивара Митинага, другие предполагали, что ее написал Фудзивара Тамэтоки, а Мурасаки только собрала написанное отцом воедино и дополнила. Некоторые выдвигали предположение, что текст, написанный Мурасаки, был обработан Фудзивара Юкинари, а потом, во второй половине XVIII в., был еще раз переработан ученым Мотоори Норинага.

В конце XV в. возникла гипотеза, поддержанная и развитая в начале нашего столетия Ёсано Акико. Приверженцы этой гипотезы полагают, что Мурасаки написала лишь первую часть «Повести». Вторая же и третья части были написаны уже после смерти писательницы ее дочерью Дайни-но самми. Будучи кормилицей императора Горэйдзэй, Дайни-но самми часто ездила в Удзи, где помещались его владения, поэтому туда и переносится место действия «Повести». Главы же «Первая зелень» — «Кудесник-даос» необходимы были ей для перехода к героям этой части.

Некоторые ученые склонны считать «Повесть о Гэндзи» плодом коллективного творчества хэйанской аристократии, утверждая, что, даже если и

существовал когда-то экземпляр, созданный самой Мурасаки, он постоянно изменялся, дополнялся и переделывался переписчиками, весьма свободно относившимися к тексту.

В какой-то мере все эти сомнения оправданны, но доказать справедливость любой из этих версий со всей бесспорностью представляется невозможным. Явная же подчиненность повествования единому замыслу и цельность его все-таки склоняют к мысли о существовании одного автора, а сравнительное изучение стиля и содержания «Дневника Мурасаки» и «Повести о Гэндзи» дает основания для отождествления создателей этих двух произведений. Несомненно и то, что переписчики могли весьма вольно обращаться с текстом и внести в него ряд изменений.

Немало споров вызывает еще один вопрос, который начал волновать умы ученых уже во времена Камакура. Это вопрос о степени завершенности «Повести».

Последней главой «Повести о Гэндзи» во всех ныне имеющихся списках является глава «Плавучий мост снов», которая поражает своей краткостью и незавершенностью, особенно ясно ощутимой при сопоставлении ее с главой «Листья глициний». Если в главе «Листья глициний» достигают предела своего развития все линии, намеченные в главе «Павильон Павлонии», то в главе «Плавучий мост снов» герои находятся как бы в преддверии нового витка судьбы, и можно лишь предполагать, что ждет их впереди.

Некоторые исследователи склонны рассматривать такую концовку как своеобразный поэтический прием. Другие же, полагая, что подобное новаторство вряд ли могло показаться привлекательным женщине, воспитанной в традициях древних моногатари, для которых обязательным условием был сказочно-счастливый конец, утверждают на этом основании, что повесть не закончена.

Надо сказать, что все моногатари, принадлежащие примерно к тому же времени, что и «Повесть о Гэндзи» (а до нас их дошло восемь), имеют «счастливый конец». Новаторство Мурасаки, оборвавшей свое произведение на полуслове, вряд ли могло вызвать восхищение тогдашних читателей. Интересно, что ни одно из более поздних прозаических произведений, находящихся под явным влиянием «Повести о Гэндзи», не заимствовало этого приема.

Здесь кроется загадка, которая вряд ли может быть разгадана. В эпоху Камакура пытались писать продолжения «Повести о Гэндзи». Одно из них, наиболее известное, — «Роса на горной тропе» («Ямамити-но цую»). Пытался дописать «Повесть» и Мотоори Норинага.

А вот еще одна загадка: кто дал названия главам? Наиболее распространенная версия — названия возникли уже после того, как «Повесть» была написана, и даны не самим автором, а читателями.

Как правило, названия глав основаны на: 1) словах, встречающихся в тексте главы («Павильон Павлоний», «Ветка сливы»); 2) образе из песни, сложенной кем-то из персонажей глав («Дерево-метла», «Пустая скорлупка цикады»); 3) словах и песне одновременно («Вечерний лик», «Ночные огни», «Кипарисовый столб»). Лишь две главы — «Плавучий мост снов» и «Сокрытие в облаках» — являются исключением.

Некоторые названия имеют варианты, что также подтверждает мысль о их более позднем возникновении в читательской среде. Может быть, это произошло еще при жизни Мурасаки, может быть, после ее смерти. Во всяком случае, Фудзивара Тэйка в своих комментариях дает те названия глав, под которыми они известны нам сегодня. Иными словами, к концу эпохи Хэйан нынешние названия уже определились.

В полной мере «Повесть о Гэндзи» была понятна лишь во времена своего создания. Уже к концу XII в. возникла необходимость в комментариях и различных пояснениях к тексту.

Как и другие произведения подобного рода, «Повесть о Гэндзи» долгое время считалась достоянием женских покоев. Там она читалась, там переписывалась. И хотя, по многим свидетельствам, она была известна и мужчинам, они слишком низко ставили моногатари как жанр и скорее всего не способны были понять всей глубины и величия этого грандиозного творения.

Более двух столетий понадобилось японским поэтам, чтобы увидеть: рубеж X–XI вв. был ознаменован не столько расцветом японской поэзии (и, уж конечно, не достижениями литературы на китайском языке, хотя она одна и ценилась современниками), сколько рождением японской прозы.

Во второй половине XII в. появились первые «Комментарии к «Повести о Гэндзи» («Гэндзи-сяку»), составленные известным каллиграфом и ученым Фудзивара Корёюки (?–1175). Тогда же зародилась традиция рассматривать творение Мурасаки как своеобразное руководство к овладению искусством стихосложения. (Одновременно возникло мнение, что «Повесть о Гэндзи» противоречит конфуцианским и буддийским моральным нормам, и родилась легенда о подвергающейся жестокому пыткам в аду Мурасаки.)

Авторитет «Повести о Гэндзи» в качестве учебника поэтического мастерства возрос в начале эпохи Камакура, и немалая заслуга в этом принадлежит Фудзивара Сюдзэй (1114–1204) и сыну его Фудзивара Тэйка (1162–1241). В те времена японская поэзия переживала период нового расцвета, обретая качественно иное звучание и содержание (чему свидетельством — антология «Синкокинсю», в составлении которой Фудзивара Тэйка принимал активное участие).

Стараниями Сюдзэй и Тэйка за «Повестью о Гэндзи» закрепились слава центрального произведения японской классики, которая не померкла и по сей день. Фудзивара Сюдзэй считал, что нельзя стать настоящим поэтом, не изучив произведения Мурасаки. «Даже глупец может проникнуть в сущность поэзии, если три раза подряд прочтет “Повесть о Гэндзи”, — писал он, — тогда и у него возникнет вкус и желание к поэтическому творчеству... Самое прискорбное — это стихи, написанные человеком, который не читал “Гэндзи”».

Примерно в то же время появился первый трактат, посвященный жанру моногатари, — «Безымянные записки», — написанный скорее всего кем-то из окружения Тэйка, в котором создание «Повести о Гэндзи» объявлялось чудом, сотворенным Буддой в ответ на молитвы Мурасаки. Тогда же возникла и легенда, согласно которой Мурасаки является земным воплощением бодхисаттвы милосердия Каннон.

В эпоху Муромати (1333–1573) «Повесть о Гэндзи» стали считать своеобразным сводом наставлений для женщин во всех областях жизни. Утвердилась также тенденция рассматривать ее как руководство к постижению буддийских и конфуцианских учений. Высоко ставилась «Повесть о Гэндзи» и теоретиками *рэнга*, поэтического жанра, ставшего особенно популярным к XV в. Мастерам рэнга предписывалось хорошо знать не только «Повесть», но и комментаторскую литературу к ней.

Во второй половине XVIII в. ученые впервые заговорили об эстетическом значении хэйанской прозы вообще и «Повести о Гэндзи» в частности. Мотоори Норинага (1730–1801), ученый, принадлежавший к так называемой отечественной школе (кокугаку), утверждал, что произведения Мурасаки нельзя толковать, исходя лишь из буддийского учения о карме или с точки зрения конфуцианской моралистики. Суть «Повести о Гэндзи», по его мнению, состояла в стремлении проникнуть в смысл «моно-но аварэ» — скрытого очарования вещей.

В конце XIX в. известный писатель и теоретик литературы Цубоути Сёё (1859–1935), цитируя известные высказывания Мурасаки Сикибу о литературе из главы «Светлячки», впервые заявил о реалистичности «Повести о Гэндзи». Исследователи нового типа (к которым принадлежал и Цубоути Сёё), открывшие для себя западную литературу и пытавшиеся с западных позиций подойти к изучению японской литературы, заговорили о современности «Повести», сопоставляя ее с романами нового времени.

В 30-е годы XX века «Повесть о Гэндзи» была переведена на английский язык и с ней познакомился Запад. «Повесть» стали сопоставлять с произведениями западных авторов и говорить о ее современности.

Словом, творение Мурасаки постигла судьба, довольно обычная для всякого великого произведения древности: каждая эпоха пыталась повернуть его по-своему, переиначивая и переосмысливая, используя для своих собственных нужд, порой забывая о том, как, для кого и зачем оно было создано.

В бесконечных напластованиях толкований, легенд, версий — жизнь литературного произведения. Чем больше в нем заложено изначально, тем более многообразны его проявления во времени. Даже в тексте неподвижном, сохранившемся с момента своего возникновения в нетронутom виде, время по-разному расставляет акценты, меняя значения отдельных частей или всего целого, так что же говорить о тексте, который на протяжении многих веков своего существования подвергался неоднократным переработкам? Имеем ли мы дело с текстом, принадлежащим эпохе Хэйан или эпохе Камакура? Увы, нам ничего не остается, как полагаться на добросовестность переписчиков.

Итак, дошедший до нашего времени текст «Повести о Гэндзи» состоит из 54 глав, которые традиционно делятся на три части. Первая (главы «Павильон Павлонии» — «Листья глициний») рассказывает о возвышении главного героя этой части — Гэндзи, сына императора Кирицубо от любимой наложницы.

Начинается эта часть с описания родителей героя, как и полагается по канону моногатари. История любви императора к матери Гэндзи написана

под явным влиянием поэмы «Вечная печаль» Бо Цзюйи, реминисценции из которой постоянно всплывают в тексте главы. В первой главе обозначаются основные сюжетные линии, описываются моменты, определившие последующую жизнь героя. Именно здесь гадалщик-кореец прочит ему великое будущее, благополучие, которое придет на смену горестям и невзгодам. Здесь же император, отказавшись от намерения дать сыну статус принца крови, принимает решение о причислении его к простым подданным. В этой же главе намечается будущее противостояние двух героев: Гэндзи — То-но тюдзё, чья дружба-вражда является отражением противостояния двух могущественных родов: Минамото — Фудзивара. Здесь же — зарождение любви Гэндзи к прекрасной Фудзицубо, супруге его отца, любви, оказавшей столь большое влияние на его судьбу. Здесь же — начало ненависти наложницы Кокидэн, сыгравшей в жизни Гэндзи столь же решающую роль. Все эти линии, намеченные в первой главе, в последующих как бы рассеиваются, внимание читателя переносится на эпизоды, на первый взгляд не имеющие никакого отношения к тому, о чем говорилось ранее. Вводятся новые и новые персонажи, предметом повествования становятся разные женские судьбы, так или иначе связанные с судьбой главного героя, но имеющие значение и вне этой связи. Многочисленные персонажи, возникая, исчезают, сменяясь другими, возвращаются и снова исчезают на долгое время, в течение которого существуют как бы за гранью повествования. Жизнь главного героя тоже протекает где-то на заднем плане, обнаруживая себя лишь настолько, насколько велико его участие в жизни той или иной женщины. Тем не менее все в этой жизни идет своим чередом, все предначертанное герою сбывается. В результате преступной любви Гэндзи к Фудзицубо на свет появляется их сын, которого все считают сыном императора Кирицубо, — будущий император Рэйдзэй. Созная, сколь велика его вина перед отцом, Гэндзи старается забыть Фудзицубо и ищет женщину, способную заменить ее, но, увы, хоть каждая из его возлюбленных и имеет свои достоинства, среди них нет столь же совершенной. Наконец на пути его встречается юная Мурасаки, прелестная и к тому же связанная с Фудзицубо родственными узами. Тема сходства (мать Гэндзи — Фудзицубо — Мурасаки) находит свое завершение. Далее — невзгоды и беды, связанные с кознями Кокидэн, изгнание в Сума и, наконец, возвращение в столицу и достижение полного благополучия, символом которого становится сказочно-прекрасный дом на Шестой линии. Гэндзи, возвышенный императором Рэйдзэй, пользуется неограниченной властью в стране, в его доме царят покой, гармония и полный достаток. Процветание обеспечено и детям его, и внукам: сын, Югири, достиг высоких званий, дочь стала супругой нового императора и матерью наследного принца. Все намеченное в первой главе полностью раскрыто, все возможности исчерпаны — повествование пришло к своему пределу.

В этой части помимо основной линии, связанной с Гэндзи, можно выделить ряд побочных — историю Тамакадзура, историю любви Югири и Кумои-но кари и пр. Все эти линии в главе «Листья глициний» тоже достигают своего завершения — судьбы этих героев определены.

Казалось бы, дальше уже все ясно и автор может отложить кисть. Но нет, повествование продолжается. Столь прочное на первый взгляд благополу-

чие оказывается непродолжительным, ему на смену приходят новые горести и невзгоды. Измена юной супруги Гэндзи, Третьей принцессы, и рождение ее сына Каору, которого Гэндзи признает своим (возвращение темы греховной связи первой части), тяжкая болезнь и смерть любимой жены Гэндзи, Мурасаки, принятие им самим монашеского пострига и скорая кончина — таково основное содержание второй части, последняя глава которой, «Кудесник-даос», удивительным образом перекликается с первой главой «Повести» — «Павильон Павлоний». Здесь снова возникает тема «Вечной печали», посредством которой конец соединяется с началом и вся композиция обретает особую значительность, завершенность. «Повесть об истинной любви» — так можно было бы назвать эту часть. Любовь императора Кирицубо к матери Гэндзи, любовь Гэндзи к Фудзицубо, любовь Гэндзи к Мурасаки. Сходство всех трех женщин подчеркивает единство темы.

Вторая часть «Повести о Гэндзи» резко отличается от первой своим эмоциональным настроением. В ней — увядание, пришедшее на смену расцвету. Общая мажорная окрашенность первой части контрастирует с минорной окрашенностью второй. Меняется и характер самих глав, их внутренняя структура. Главы первой части, как правило, обособлены друг от друга, замкнуты, многие из них могут рассматриваться как отдельные короткие повести. При переходе ко второй части возрастает слитность повествования, увеличивается зависимость побочных линий от основной, связанной с центральным героем, уменьшается число персонажей. Меняется соотношение стихов и прозы в тексте: стихов становится меньше, зато увеличивается число диалогов. Связь между отдельными главами делается более определенной, конец предыдущей главы непосредственно соотносится с началом последующей. Последняя глава этой части, «Кудесник-даос», за которой словно заключительный аккорд следует представленная одним (но весьма многозначительным) названием глава «Сокрытие в облаках», вполне могла бы быть завершающей для всего произведения — смерть главного героя является не менее естественным для того основанием, чем его возвышение. Однако повествование не кончается и на этом. Автор снова берется за кисть для того, чтобы рассказать о жизни следующего поколения рода Гэндзи.

Основными женскими персонажами третьей, последней части «Повести» становятся дочери Восьмого принца, центральное место среди которых постепенно начинает занимать Укифунэ. Действие последних десяти глав происходит в Удзи, где перекрещивались пути паломников, направляющихся в Хацусэ. Мистическая окрашенность придает этим главам особое звучание. В третьей части увеличивается слитность глав, подчиненность всего повествования основной сюжетной линии становится еще большей, чем во второй, число персонажей резко сокращается, в поле зрения читателя остается лишь несколько героев, судьбы которых прослеживаются очень подробно. По существу, перед нами отдельная повесть с искусно выстроенным динамичным и увлекательным сюжетом. Общий тон этой части характеризуется нарастанием трагической темы, которая на пронзительной ноте безысходности, тщетности мирских устремлений обрывается в главе «Плавучий мост снов».

Несмотря на кажущуюся обособленность все три части «Повести о Гэндзи» представляют собой единое целое. Эта цельность проявляется прежде всего в общности тем. Тема равновесия судьбы, т. е. уравниловки в ней горя и счастья, определяя жизненные линии отдельных персонажей, находит воплощение и в общей структуре «Повести». Приниженность Кирицубо возмещается возвышением ее сына, за достигнутое благополучие Гэндзи приходится расплачиваться горестями и утратами. Если в первой части «Повести» помышления героев сосредоточены в основном на земных радостях, то во второй возникает тема неприятия всего мирского, достигающая полноты звучания в третьей, последней части. Тема сходства-возвращения, укрепляясь в конкретных проявлениях своих (Югао — Тамакадзура, Кирицубо — Мурасаки, Оогими — Укифунэ), постепенно разрастается, принимая все более общий характер. Жизнь Гэндзи, подойдя к своему пределу, как бы раздваивается, возвращаясь в судьбах Каору и принца Ниоу. На смену противостоянию Гэндзи — То-но тюдзё приходит противостояние Ниоу — Каору. Параллели и контрасты, пронизывающие все части «Повести», связывают их в единое целое.

Прошлое звучит в настоящем и определяет будущее — вот основной смысл трех частей «Повести о Гэндзи».

События прошлого и настоящего, вымысел и реальность, достоверность дневниковых записей и сюжетные повороты волшебной сказки — все это в сочетании образует своеобразный мир «Повести о Гэндзи».

Законы жанра предписывают относить изображаемые в моногатари события к предшествующим эпохам. «В давние времена жил один человек...», «Вот это случилось в давние времена...», «Давным-давно жил кавалер...». «При каком же государе то было?..» — начинает свою повесть Мурасаки Сикибу.

В самом деле, при каком? Уже самые древние комментаторы пытались привязать события, описываемые в «Повести о Гэндзи», к определенному историческому периоду. Многие приходили к выводу, что Мурасаки имела в виду первую половину X в., точнее — время правления императоров Дайго, Судзаку, Мураками. Эти годы — годы расцвета поэзии, становления национальных культурных традиций, первые годы владычества Фудзивара — непосредственно предшествовали той эпохе, в которую жила сама писательница, и многое еще не стерлось из памяти ее современников, многое еще жило в настоящем.

Желая придать повествованию большую достоверность, Мурасаки вводит в него приметы времени, хорошо понятные ее современникам. К примеру, в главе «Павильон Павлонии» говорится о ширме, принадлежавшей императору Уда, и о наставлениях, оставленных им для своего тринадцатилетнего сына, взойшедшего на престол под именем Дайго. Это позволяет предположить, что прототипом императора Кирицубо был скорее всего император Дайго, а прототипами Судзаку и Рэйдзэя — соответственно императоры Судзаку и Мураками.

Создавая такую историческую перспективу, Мурасаки тем не менее избегает всяких прямых аналогий, постоянно скользя по грани реальности

и вымысла. Персонажи, как правило, безымянны, но в них угадываются черты реально существовавших лиц. Особую достоверность повествованию придает введение в текст подлинных имен (Цураюки, Исэ). Той же цели служат намеки на действительные события, особенно частые в первой части «Повести».

Что касается главного героя, то вряд ли можно назвать какое-то определенное историческое лицо, послужившее его прототипом. Скорее всего это образ собирательный. Чаще всего отмечают сходство Гэндзи с Минамото Такаакира (914–982), сыном императора Дайго. Так же, как и Гэндзи, Такаакира был внесен в список простых подданных, успешно продвигался по служебной лестнице, но после неудачной попытки сделать наследным принцем своего зятя, принца Тамэхира (четвертого сына императора Мураками), был заподозрен в тайном противодействии властям и стараниями боявшихся его усиления Фудзивара сослан на Цукуси, где пробыл три года. Его судьба вызывала большое сочувствие во многих столичных семьях (об этом говорится, к примеру, в «Дневнике поденки» матери Арицуна).

Образ Гэндзи нередко сопоставляется и с такими личностями, как Ари-вара Нарихира, Тайра Садафуми, Сугавара Митидзанэ, принц Ацухира и др.

Очевидно, узнавались и другие персонажи. Считается, что под именем Тамакадзура в «Повести» выведена дочь Минамото Такаакира, в Восьмом принце угадываются черты Фудзивара Корэтика, а в образе Гэн-но найси высмеивается некая престарелая родственница Мурасаки, весьма враждебно по отношению к ней настроенная. Несомненно, момент «узнавания» и являлся одной из причин популярности произведения Мурасаки среди ее современников.

В «Повести о Гэндзи» как бы наложены друг на друга два временных плана — время начала усиления рода Фудзивара и время полного расцвета его могущества (т. е. время, в которое жила сама Мурасаки). Повествуя, как того требовала традиция, о прошлом, писательница — вольно или невольно — наделяет это прошлое чертами настоящего. Так, изображая в лице императора Кирицубо императора Дайго, она одновременно придает ему черты явного сходства с императором Кадзан, с которым связана судьба ее отца, а, рисуя образы ученых, подчеркивает незначительность их положения при дворе, что характерно для периода владычества Фудзивара Митинага, но отнюдь не для того времени, которое описывается.

В образе Гэндзи можно усмотреть немало черт сходства с самим Фудзивара Митинага. А описание дома на Шестой линии удивительным образом совпадает с описанием принадлежавшего Митинага дворца Цутимикадо в «Дневнике» Мурасаки.

Прототипом Удзи-но адзари многие исследователи считают монаха Кисэна, жившего в начале эпохи Хэйан отшельником на горе Удзи, а прототипом настоятеля Ёкава — монаха Гэнсина (942–1017), одного из теоретиков учения о Чистой земле, с которым был хорошо знаком Тамэтоки.

Многие эпизоды «Повести» носят ярко выраженный автобиографический характер. Зафиксированный в домашней антологии Мурасаки эпизод с незнакомцем, старающимся проникнуть в ее дом, и упоминание о слишком большой активности старшего сына Нобутака, после смерти отца пы-

тавшегося взять его вдову под свое покровительство, нашли отражение в судьбе Уцусэми. В «Главах Удзи» можно усмотреть воспоминания детства, проведенного со старшей сестрой в женских покоях дома у Столичного предела. Даже в образе наложницы Кирицубо отразились некоторые черты самой Мурасаки — ее настроения того времени, когда она только что приступила к придворной службе.

Вместе с тем реальный мир, изображенный в «Повести о Гэндзи», подчиняется не столько реальным, сколько условно-литературным законам. Да и сами герои находятся на грани между действительно существовавшими людьми и обобщенно-условными персонажами моногатари.

Уже сам выбор персонажей является данью литературной традиции, требующей, чтобы герои моногатари принадлежали к высшим слоям столичной аристократии. (Исключение составляют описанные в главах «Пустая скорлупка цикады» — «Вечерний лик» женщины среднего сословия, изображение которых было смелым новаторством со стороны Мурасаки.)

Сам Гэндзи, несмотря на соотносимость его судьбы с судьбами действительно существовавших личностей, образ скорее идеальный, чем реальный. Писательница наделила его всеми мыслимыми достоинствами благородного мужа, уподобив совершенным героям древности. Человеческое сочетается в образе Гэндзи с божественным — недаром дом на Шестой линии постоянно сравнивается с Землей Вечного Блаженства — буддийским раем. Уход Гэндзи из мира также напоминает уход божества — в старинных моногатари никогда не рассказывается о смерти богов и фэй, они просто переходят в другие миры, исполнив свое земное предназначение. На небеса возносится Кагюя-химэ, в облаках скрывается Гэндзи.

От мифа и стремление Мурасаки к равновесию судеб: богатые, счастливые рано умирают, несчастные, пренебрегаемые всеми — возвышаются.

В истории Укифунэ находит отражение весьма распространенный в то время сюжет о злой мачехе и падчерице, а в любовном треугольнике Ниоу—Укифунэ—Каору можно усмотреть новый вариант древней легенды о деве Унаи, зафиксированной еще в «Манъёсю».

Мотив «выбора женихов», впервые прозвучавший в «Повести о старике Такэтори» и подхваченный автором «Повести о Дупле» (глава «Атэмия»), звучит и в «Повести о Гэндзи» — в эпизодах с выбором мужа для Тамакадзура.

Окружающий мир (как человеческий, так и мир природы) в эпоху Хэйан воспринимался не непосредственно, а через призму разнообразных синтоистских, буддийских, конфуцианских, даосских и прочих представлений, к тому же видение мира в значительной мере определяли и литературно-эстетические критерии, к концу X в. сложившиеся в разработанную систему.

Так, мир природы был ценен не сам по себе, не как нечто обособленное, существующее помимо людей, а как объект эстетического и философско-этического переживания. Эстетическая ценность тех или иных природных явлений закреплялась поэтическими антологиями и в «олитературенном», «эстетизированном» виде входила в духовный мир человека, определяя тем самым сферу дальнейшего отбора поэтического материала. (Интересно, что

для японских трактатов о сущности поэзии, равно как и для китайских, в традициях которых они написаны, характерна зависимость «сердце — слово», а не «слово — действительность», как в западной поэзии. Отношение «слова» к «действительности» вообще не рассматривалось.)

В «Повести о Гэндзи» совершенно нет развернутых описаний природы, хотя в отличие от многих своих современниц Мурасаки путешествовала по провинциям и видела немало. Однако всякая местность соотносилась в те времена не столько с действительным своим обликом, сколько с неким живописным или поэтическим образом (изображением на свитке или ширме, стихотворением), ее воплощавшим.

Столица, в которой разворачивается действие «Повести», также является пространством скорее субъективным, чем объективно-конкретным. Столица — «высшее» в противопоставлении «низшему» — провинции. Побережье Сума, бухта Акаси — не столько реальные места, сколько символы, знаки изгнания, связанные с образами Аривару Юкихира, императора Сага и пр. Дом Гэндзи на Шестой линии, вершина гармонического единства времени и пространства, символизирует достижение героем вершины благополучия.

Время и пространство в «Повести» всегда являются как бы продолжением внутреннего мира того лица, с позиций которого ведется повествование. Умирают, как правило, осенью, и все вокруг скорбит и плачет, весна — пора сбывающихся надежд и радостных встреч. Время разворачивается в постоянстве возвращений-повторений на фоне бесконечной изменчивости. Его рамки — один год (*хитотосэ*), определяемый чередованием весны, лета, осени, зимы. (Таково же движение человеческого мира. Люди уходят и возвращаются, на смену одним приходят другие — постоянство в изменчивости.)

В рамках одного годового цикла и вся «Повесть». Первая часть — весна-лето. Вторая — осень, третья — зима.

Так в прозе нашла свое выражение провозглашенная Цураюки идея высшей гармонии сердца и слова.

Произведение Мурасаки стало вехой не только в истории японской литературы, но и в истории японского литературного языка.

В эпоху Хэйан не было противопоставления японского разговорного языка японскому литературному, ибо языком, единственно достойным литературы, считался китайский. Поэтика японской прозы была совершенно не разработана, но в поэзии положение было немного лучше. По мере того, как росло значение национальных форм в литературном обиходе, складывался особый поэтический язык (к концу X в. довольно далеко отошедший от разговорного) и разрабатывалась поэтика японского стиха *вака* (вскоре после Предисловия к «Кокинсю» Ки-но Цураюки появилось еще несколько трактатов на эту тему).

Применив к прозе приемы, разработанные для поэзии «вака», Мурасаки сделала первый шаг к превращению японского разговорного языка в язык литературный.

В «Повести о Гэндзи» впервые как осознанный литературный прием было применено цитирование.

Главным источником цитирования для Мурасаки были японские пятистишия, хотя она весьма широко цитирует и китайскую классику, и буддийские источники. Стихотворные цитаты, вплетенные в ткань «Повести», придают тексту необычайную емкость, расширяя его эмоциональное и образное содержание.

Широко пользуясь арсеналом средств, представленных ей японской поэзией, Мурасаки распространяет на прозу те эстетические принципы, которые этой поэзией были выработаны.

В XVIII в. Мотоори Норинага, анализируя «Повесть о Гэндзи», пришел к выводу, что все ее части соединяются воедино общей эстетической окрашенностью, пронизанностью единым духом — «моно-но аварэ».

«Это произведение вобрало в себя все проявления «моно-но аварэ», какие только есть в мире, и было создано именно для того, чтобы заставить читателей глубже проникнуть в это понятие», — писал Мотоори Норинага. Отвергнув все иные толкования, он заявил, что смысл «Повести о Гэндзи» (как, впрочем, и всей хэйанской литературы) сводится единственно к раскрытию сокровенной сути «моно-но аварэ».

Что же такое «моно-но аварэ», по мнению Норинага?

«Сначала это был возглас удивленного восхищения, невольно вырывающийся из глубины души, когда человек что-то видел, слышал или осязал... Восхищаясь луной или цветами, восклицаешь, к примеру: “Ах, какие чудесные цветы! Харэ! Что за прекрасная луна!” Так называемое “аварэ” и возникло путем соединения этих двух возгласов “ах!” и “харэ!” Непосредственное выражение восхищения, смешанного с удивлением, — вот в чем смысл этого понятия... В более поздние времена слово “аварэ” стали писать знаком “печаль”, можно подумать, что и обозначать оно стало исключительно ощущение грусти-печали, однако это не совсем так. “Аварэ” выражает не только печаль, оно может относиться к радостному и к прекрасному, к приятному и занятному — словом, ко всему, что способно исторгнуть из души возгласы “ах!” и “харэ!”»

В эпохи более ранние понятие «аварэ» обозначало безыскусно-простодушное удивление, рождавшееся в душе человека при виде окружающих предметов и явлений, сочувствие, сопереживание, сожаление, направленные непосредственно на объект. «Аварэ» выражало чувство прямое и ясное, пронизанное ощущением вечности, таящейся в изменчивости.

В эпоху Хэйан в понятии «аварэ» появился печально-трагический оттенок, оно стало выражать ощущение мимолетности бытия и неотвратимости увядания.

Посредством «аварэ» постигается сущность «моно». «Моно» же — это «вещь» (предмет или явление), лишенная облика, вещь вне ее отдельного проявления, сущность вещи. «Моно-но аварэ» — стремление души к вечным истокам вещей, желание уловить их ускользающий смысл.

«Моно-но аварэ» — во внезапном постижении взаимосвязанности, взаимообусловленности природы и человека, внутренней подчиненности всего сущего высшим законам судьбы. Отсюда в поэзии — стремление установить связь между внешне далекими предметами, увидеть сокровенную общность мира.

Мир в эпоху Хэйан воспринимался не как самоценно существующая реальность, прикосновение к которой вызывает непосредственное чувство восхищения — «аварэ» (как это было в более древние времена), а исключительно как объект эстетического переживания, рассматриваемый сквозь призму «моно-но аварэ», как совокупность символов, доступных лишь избранным — тем, кому понятен смысл «печального очарования вещей» — «моно-но аварэ».

Желание найти гармонию внешнего с внутренним, объекта с субъектом, требовало не ясности, а зыбкости восприятия. Важно было уловить не какое-то одно из двух присутствующих в предмете начал, а их грань, начало их взаимопроникновения. (Недаром Фудзивара Кинто (966–1041) — в трактате «Девять разрядов поэзии» — «Вакакухон» — самым совершенным назвал такое стихотворение: «Туман по утрам / Встает над бухтой Акаси. / В зыбкой дали / За островом челн исчезает — / В сердце — щемящая грусть».)

Дух «моно-но аварэ» лучше, чем где-либо, выражен в хэйанских моногатаи, и прежде всего в «Повести о Гэндзи».

Произведение Мурасаки традиционно противопоставляют «Запискам у изголовья» Сэй Сёнагон, считая, что первое является воплощением красоты «моно-но аварэ», а второе — воплощением яркой и броской, обращающей внимание на изощренность внешних связей красоты «окаси». Действительно, автор «Записок» видела и описывала предметы ярко освещенными, а в произведении Мурасаки мир словно окутан дымкой, сквозь которую неясно проступают очертания предметов, человеческие лица.

«Автор “Повести о Гэндзи”, — писал Мотоори Норинага, — сама глубоко проникая в “сокровенную красоту” (моно-но аварэ) этого мира, вглядывалась, вслушивалась во все, что происходит вокруг, наблюдала за действиями добрых и злых людей, и проницательный взор ее улавливал их сокровенные помышления. Множество разных мыслей рождалось при этом в ее голове, и движимая потребностью передать их кому-то, она вкладывала эти мысли в речи и думы своих героев, так чтобы читатели видели, что есть добро, а что — зло. Она сумела передать людям свое знание о “сокровенной красоте” этого мира, заставив их почувствовать то, что чувствовала сама».

В наши дни в Японии ни одно произведение не привлекает к себе столь пристального внимания исследователей, как «Повесть о Гэндзи». Диапазон имеющихся работ необычайно широк — от комментаторской литературы, традиции которой закладывались еще в конце XII в., до сложнейших современных исследований, рассматривающих «Повесть» с самых разных точек зрения — этнографической, эстетической, исторической, текстологической. Публикуются специальные словари и справочники, альбомы и таблицы. Проводятся дискуссии по разным вопросам, связанным со структурой «Повести», с историей ее написания.

Многие писатели современности снова и снова обращаются к этому удивительному произведению, находя в нем неисчерпаемые запасы прекрасного, открывая все новые и новые глубины. «С тех пор как появилось оно на свет, — говорил известный японский писатель нашего века Кавабата Ясунари, — японская литература все время тяготела к нему. Все виды искусства,

начиная от прикладного и кончая искусством планировки садов, о поэзии и говорить нечего, находили в “Гэндзи” источник красоты».

«Повесть о Гэндзи» неоднократно переводилась на современный японский язык. Впервые ее перевела в самом начале нашего века известная поэтесса Ёсано Акико. С тех пор многие ученые и писатели пробовали в этом свои силы. Наиболее удачным признан перевод, сделанный выдающимся писателем XX века Танидзаки Дзюнъитиро, который переводил «Повесть о Гэндзи» трижды (последний вариант издан в 1964 г.).

В конце XIX в. была предпринята первая попытка познакомить с «Повестью о Гэндзи» западный мир. В Лондоне вышел английский перевод глав «Павильон Павлоний» — «Сопоставление картин», выполненный Суэмацу Кэнтё.

Однако настоящая мировая известность пришла к «Повести» лишь в 30-е годы XX века, после того как был опубликован полный ее перевод на английский язык, сделанный крупнейшим английским востоковедом Артуром Уэйли.

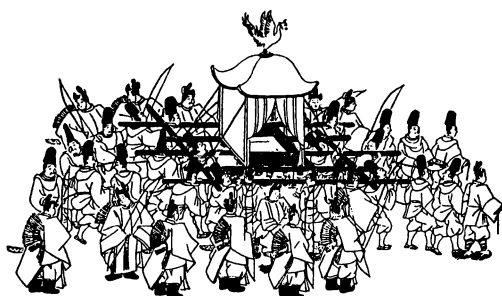
В 1966 г. в список замечательных людей мира (составленный ЮНЕСКО) было внесено первое японское имя — Мурасаки Сикибу.

Были сделаны переводы «Повести» на французский и немецкий языки (с английского перевода Уэйли). В 1978 г. вышел новый английский перевод «Повести о Гэндзи», выполненный английским ученым Э. Сайденстиккером, а чуть позже — новый французский перевод Р. Шиффера.

«Герои “Гэндзи” — живые люди, и отсюда его вечная молодость и неизменный успех, — говорит о произведении Мурасаки один из ведущих современных американских исследователей японской литературы, Дональд Кин. — Время и образ жизни, конечно, отличаются, но они понятны американцам XX в. Не случайно несколько колледжей в Нью-Йорке включили “Гэндзи-монокатари” в курс литературы XX века... Я даже думаю, что психологически американцам XX века ближе “Гэндзи”, чем европейская литература XIX века».

В России «Повесть о Гэндзи» стала известна в 20-е годы, после того как Н. И. Конрад перевел несколько глав на русский язык, одновременно посвятив ряд статей проблемам хэйанской культуры вообще и шедевру Мурасаки в частности (см.: *Конрад Н. И.* Очерки японской литературы. М., 1973). В 1981 г. вышла в свет монография И. А. Борониной «Классический японский роман» — первое фундаментальное исследование «Повести о Гэндзи».

Настоящее издание представляет собой первый полный перевод «Повести о Гэндзи» на русский язык (первая публикация — М.: Наука, 1992). Перевод выполнен с текста, опубликованного издательством «Иванами» в серии «Японская классическая литература» («Нихонкотэн бунгаку тайкэй»), т. 14–18 (Токио, 1975).

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ГЛАВ

Глава 1

ПАВИЛЬОН ПАВЛОНИИ (КИРИЦУБО)

Император выделяет особой благосклонностью придворную даму, живущую в павильоне Павлонии — Кирицубо. (Название павильона становится традиционным прозвищем этой дамы, императора обычно тоже называют императором Кирицубо). Любовь императора к этой даме так велика, что невольно вспоминается история китайского императора Сюаньцзуна и его наложницы Ян Гуйфэй, которой посвящена поэма китайского поэта Бо Цзюйи «Вечная печаль». У них рождается необыкновенной красоты мальчик. Кирицубо, не имеющая могущественных покровителей и ненавидимая всеми остальными наложницами императора, особенно главной и наиболее влиятельной — Кокидэн, дочерью Правого министра и матерью наследного принца, в конце концов заболевает и, переехав в отчий дом, умирает, оставив малолетнего сына. Любовь императора к мальчику велика, но поскольку у того нет надежного опекуна по материнской линии, император не решается дать ему статус принца крови, а оставляет простым подданным, причислив к роду Миnamото — Гэндзи. К этому решению его подталкивает и гадальщик-кореец, который предрекает мальчику большие несчастья, пройдя через которые, он достигнет могущества и станет опорой Поднебесной. Мальчик действительно оказывается необыкновенно одаренным и во всем достигает больших успехов — и в поэзии, и в науках, и в музыке. Его называют Блистательным Гэндзи.

Велика скорбь императора по утраченной возлюбленной, но со временем он обретает утешение, взяв во дворец даму, которая необычайно на нее похожа (она поселяется в павильоне Глицинии — Фудзицубо и традиционно именуется Фудзицубо). Дама эта принадлежит к императорскому роду, поэтому остальные дамы, и в первую очередь Кокидэн, вынуждены смириться с тем, что император оказывает ей особое расположение. Гэндзи, которого отец почти не отпускает от себя, часто бывает в покоях Фудзицубо и постепенно привязывается к ней, тем более что, как все говорят, она похожа на его мать. Когда мальчику исполняется 12 лет, ему «покрывают голову», то есть совершают обряд инициации, и соединяют брачными узами с дочерью Левого министра (известной под традиционным прозвищем Аои — Мальва), которая на несколько лет его старше. Супруга ему не по душе, его сердце принадлежит Фудзицубо.

Глава 2

ДЕРЕВО-МЕТЛА (ХАХАКИГИ)

Глава начинается со знаменитого «Разговора в дождливую ночь»: Гэндзи (ему 17 лет), его ближайший друг То-но тюдзэ (сын Левого министра, родной брат его супруги Аои) и еще несколько юношей пытаются установить, какая именно женщина может считаться идеальной. Каждый делится с друзьями собственным опытом, рассказывая истории из своей жизни.

На следующий день Гэндзи попадает в дом правителя Кии, где как раз гостят сестра (традиционное прозвище Нокиба-но оги — Мискант у стрехи) и мачеха хозяина (традиционное прозвище Уцусэми — Пустая скорлупка цикады). О последней он слышал весьма благоприятные отзывы, а разговор с правителем Кии возбуждает в нем еще большее любопытство. Ночью он тайком пробирается в ее покои, но встречает решительный отпор. Не желая мириться с поражением, Гэндзи приближает к себе младшего брата Уцусэми, Когими, надеясь, что тот поможет ему встретиться с ней. Он еще раз приезжает в дом правителя Кии, но Уцусэми прячется от него.

Глава 3

ПУСТАЯ СКОРЛУПКА ЦИКАДЫ (УЦУСЭМИ)

Гэндзи не может смириться с тем, что Уцусэми не уступает ему, и с помощью Когими тайно проникает в дом правителя Кии. Сквозь щель в перегородке он наблюдает, как Уцусэми и Нокиба-но оги играют в го. Ночью Гэндзи пробирается в спальню, но, заметив его приближение, Уцусэми потихоньку выскальзывает и прячется, оставив в спальне свою падчерицу, с которой Гэндзи и приходится провести ночь. Утром, забрав сброшенное Уцусэми верхнее платье, он уходит. По дороге он попадает на глаза старухе-служанке, которая принимает его за одну из прислужниц, и ему чудом удается ускользнуть незамеченным. Вместе с Когими он уезжает в свой дом на Второй линии, где печалится, вспоминая неприступную Уцусэми. Напи-

санное им стихотворение Когими тихонько относит сестре, но та только бранит его. Нокиба-но оги недоумевают, не получив положенного послания.

Глава 4 ВЕЧЕРНИЙ ЛИК (ЮГАО)

События, описываемые в этой главе, происходят примерно в то же время, что и в предыдущей. Гэндзи — 17 лет.

Однажды, направляясь к своей возлюбленной Рокудзё-но миясудокоро (даме с Шестой линии), Гэндзи по дороге заезжает навестить свою кормилицу. Ожидая, пока ему отворят ворота, он замечает рядом небольшой домик, на ограде которого белеют цветы тыквы-горлянки «югао» (вечерний лик). Девочка-служанка выносит веер, на котором написано пятистишие. В сердце Гэндзи пробуждается интерес к живущей в доме женщине, он поручает Корэмицу (сыну кормилицы и своему приближенному) разузнать, кто она. По некоторым признакам Гэндзи догадывается, что дама, приславшая ему веер, — бывшая возлюбленная его друга То-но тюдзё, о которой тот рассказывал в «дождливую ночь», сетуя на ее неожиданное исчезновение вместе с маленькой дочерью. Гэндзи начинает встречаться с женщиной (традиционно именуемой Югао), все больше привязывается к ней, но она внезапно умирает. Гэндзи настолько тяжело переживает эту утрату, что заболевает. Он забирает к себе прислужницу Югао, даму по имени Укон, и хотел бы найти дочь Югао, но Укон, считая себя повинной в смерти госпожи, не решаетесь разузнавать о девочке.

Помимо истории любви Гэндзи к Югао, в этой главе впервые упоминается о тайной связи Гэндзи и Рокудзё-но миясудокоро, женщины, которая сыграла большую роль в его судьбе. А также дается дальнейшее развитие темы любви Гэндзи к Уцусэми: ее супруг, правитель Иё, возвращается в столицу и, узнав, что он вскоре собирается снова уехать, на этот раз с женой, Гэндзи пытается встретиться с ней, но безуспешно.

Глава 5 ЮНАЯ МУРАСАКИ (ВАКАМУРАСАКИ)

Заболевший лихорадкой восемнадцатилетний Гэндзи (в этой главе он имеет чин Тюдзё) отправляется в Китаюма, где живет мудрый монах, способный при помощи молитв и обрядов исцелять любые болезни.

Там, в доме настоятеля монастыря, он обнаруживает девочку (традиционное имя — Мурасаки), которая, лишившись матери, живет со своей бабушкой, монахиней. Девочка привлекает его внимание, у него возникает желание взять ее к себе в дом и воспитать из нее совершенную женщину. Его влечет к девочке еще и потому, что она напоминает ему Фудзицубо, предмет его тайной страсти. (Сходство объясняется тем, что отец девочки, принц Хёбукё, является единоутробным братом Фудзицубо.) Он обращается с соответствующей просьбой к монахине, но та отказывает ему — девочка еще

слишком мала. Вернувшись в столицу, Гэндзи не может забыть девочку и завязывает переписку со старой монахиней.

Тем временем Фудзицубо, заболев, переезжает из Дворца в свой отчий дом, где Гэндзи удается, благодаря посредничеству ее придворной дамы Омёбу, тайно встретиться с ней. Спустя некоторое время она понимает, что беременна.

Умирает старая монахиня, и девочку перевозят в столицу. От опекающих ее дам Гэндзи узнает, что отец, принц Хёбукё, хочет забрать ее к себе. Опередив его, он тайно перевозит девочку в дом на Второй линии и поселяет в Западном флигеле. Девочка постепенно привыкает к Гэндзи, он играет с ней, учит писать, поражаясь ее одаренности.

(В начале главы, когда Гэндзи со своими приближенными любуется горными пейзажами, один из его спутников рассказывает ему историю дочери бывшего правителя Харимы, которой впоследствии суждено сыграть большую роль в судьбе Гэндзи.)

Глава 6

ШАФРАН (СУЭЦУМУХАНА)

Время примерно то же, что и в предыдущей главе. Как-то от Таю, дочери своей кормилицы, Гэндзи узнает о бедственном положении дочери принца Хитати. По просьбе Гэндзи Таю устраивает ему встречу с девушкой (ее традиционное имя Суэцумухана — Шафран). При этом его выслеживает То-но Тюдзё и тоже начинает добиваться благосклонности дочери принца Хитати. Но девушка оказывается далекой от их идеалов — она и стихотворения не может толком сложить, да и собой не очень хороша. В конце главы Гэндзи рисует картинку вместе со своей юной воспитанницей, Мурасаки.

Глава 7

ПРАЗДНИК АЛЫХ КЛЕНОВ (МОМИДЗИ-НО ГА)

Время примерно то же самое, что и в предыдущей главе. Император Кирицубо, готовясь к торжественному выезду во дворец Судзакү (резиденция, в которой обычно живут экс-императоры) проводит во Дворце смотр танцам. Гэндзи вызывает всеобщее восхищение, исполняя танец «Волны на озере Цинхай».

Вскоре после посещения императором дворца Судзакү Фудзицубо уезжает из Дворца в отчий дом, и Гэндзи снова пытается увидеться с ней, но это ему не удается.

Он все больше привязывается к Мурасаки и отдаляется от своей супруги Аои.

Весной следующего года Фудзицубо наконец разрешается от бремени младенцем мужского пола, удивительно похожим на Гэндзи. Не имея возможности встретиться с ней, Гэндзи находит утешение в обществе своей юной воспитанницы.

Однажды во Дворце с ним заигрывает немолодая, но очень легкомысленная дама Гэн-найси-но сукэ, и он вступает с ней в любовную связь. Это не проходит мимо внимания Тюдзэ и он, как всегда соперничая с другом, тоже начинает с ней встречаться. Однажды, желая проучить Гэндзи, не посвятившего его в свои отношения с Гэн-найси-но сукэ, он к ужасу дамы разыгрывает сцену ревности.

Летом того же года Фудзицубо получает звание императрицы-супруги, а Гэндзи становится государственным советником, сайсё. (До этого он имел чин тюдзэ, поэтому с этого времени его начинают называть Сайсё-но тюдзэ.) Нёго Кокидэн возмущена.

Глава 8

ПРАЗДНИК ЦВЕТОВ (ХАНА-НО ЭН)

Весной того года, когда Гэндзи исполняется двадцать лет, во Дворце устраивается праздник в честь цветения сакуры. Гэндзи вызывает всеобщее восхищение, превзойдя всех в сочинении китайских стихов и с редким мастерством исполнив танец «Трели весеннего соловья». Задержавшись во Дворце, он предпринимает попытку проникнуть в павильон Глицинии и встретиться с Фудзицубо, но это ему не удастся. Заметив, что в находящемся напротив Дворце Кокидэн открыта дверца, он решает проникнуть туда, но тут на галерее появляется какая-то юная особа и произносит стихотворение о «туманной луне». Очарованный ею, Гэндзи проводит с ней ночь. На рассвете они расстаются, обменявшись веерами. Кто эта женщина, он точно не знает, но предполагает, что она одна из дочерей Правого министра, то есть сестра столь враждебно к нему настроенной Кокидэн. Женщина (ее традиционное имя Обородзукиё — Туманная луна) тоже вспоминает Гэндзи и печалится — очень скоро ей предстоит стать наложницей наследного принца (будущего императора Судзаку, старшего сына императора Кирицубо, брата Гэндзи).

Спустя некоторое время праздник цветов устраивает в своем доме Правый министр, и Гэндзи оказывается среди приглашенных. Там он убеждается, что женщина, с которой он случайно встретился во Дворце и которую не может забыть, действительно, Шестая дочь Правого министра.

Глава 9

МАЛЬВЫ (АОИ)

Между предыдущей главой («Праздник цветов») и главой «Мальвы» временной промежуток в один год. За это время император Кирицубо, отрекается от престола, передав его своему сыну от нёго Кокидэн (императору Судзаку). Новым наследным принцем (Принцем Весенних покоев) назначают сына императора Кирицубо от Фудзицубо (то есть фактически сына Гэндзи). Гэндзи исполняется двадцать два года и его производят в чин дайсё. Одна из главных сюжетных линий этой главы — отношения Гэндзи

с Рокудзё-но мясудокоро, о которой мельком упоминалось в предыдущих главах. Видя, что Гэндзи не хочет придавать их союз огласке, Рокудзё-но мясудокоро решает уехать из столицы вместе с дочерью, назначенной по случаю восхождения на престол нового императора жрицей в святилище Исэ. Связь Гэндзи с этой женщиной вызывает недовольство его беременной жены Аои. На церемонии Священного омовения жрицы святилища Камо (назначение которой тоже связано со сменой правления) происходит известный инцидент с каретами (курума-арасои): кареты Рокудзё-но мясудокоро, оказываются оттесненными в сторону каретами свиты Аои. В результате, чувствуя себя оскорбленной и униженной, Рокудзё-но мясудокоро приходит в болезненное состояние, во время которого ее душа, отделяясь от тела, преследует и мучит Аои. В результате та, родив мальчика (известного под традиционным именем Югири — Вечерний туман), умирает. Проведя дни скорби в доме Левого министра, Гэндзи возвращается в дом на Второй линии и скоро вступает в брачный союз со своей воспитанницей — Мурасаки.

Глава 10

СВЯЩЕННОЕ ДЕРЕВО САКАКИ (САКАКИ)

События, описываемые в этой главе, происходят в промежуток с осени того года, когда Гэндзи исполняется двадцать три, до лета того года, когда ему исполняется двадцать пять.

Осенью Гэндзи едет в Сага (местность к северо-западу от столицы), чтобы навестить Рокудзё-но мясудокоро, которая живет вместе с дочерью в так называемой Обители в лугах — жилище, где жрица обычно проводит некоторое время, прежде чем окончательно уехать в Исэ. Вскоре после этой встречи, которую можно считать прощальной, жрицу торжественно отправляют в святилище Исэ, и мать уезжает с ней.

Ухудшается состояние здоровья императора Кирицубо, отца Гэндзи, и он просит Гэндзи взять на себя заботы о наследном принце. Зимой император Кирицубо умирает, после чего власть в стране целиком переходит к семейству Правого министра, деда императора Судзаку. Безвольный император полностью подчиняется своей матери, императрице Кокидэн, которая настроена по отношению к Гэндзи и к связанному с ним семейству Левого министра чрезвычайно враждебно.

Дама, известная под прозвищем Асагао (Утренний лик), становится жрицей Камо, сменив Третью принцессу, которая в трауре по отцу, императору Кирицубо.

Обородзукиё, шестая дочь Правого министра, сестра Кокидэн, представленная ко двору императора Судзаку еще в бытность его наследным принцем, получает звание Найси-но ками. Она по-прежнему тайно встречается с Гэндзи. Император знает об этом, но он привязан к Обородзукиё и не хочет расставаться с ней.

Гэндзи не оставляет надежды на новую встречу с Фудзицубо, однако она по-прежнему непреклонна. Понимая, что будущее ее сына окажется под

угрозой, если Кокидэн, ставшая теперь императрицей-матерью, заподозрит ее в связи с Гэндзи, Фудзицубо решает принять монашеский постриг.

Осенью следующего года Гэндзи проводит несколько дней в обители Уринъин (монастырь буддийской секты Тэндай к северу от столицы), беседуя с монахами, любясь осенними лугами и размышляя о превратностях судьбы. У него впервые возникает желание принять монашество и освободиться от мирских дел. После возвращения в столицу Гэндзи живет в уединении, обмениваясь письмами с близкими ему женщинами.

В конце года Фудзицубо принимает монашеский постриг. Все чаяния ее устремлены на сына, и она рассчитывает на поддержку Гэндзи.

Летом следующего года Гэндзи, воспользовавшись тем, что Обородзукиё возвращается на время в отчий дом, снова начинает тайно встречаться с ней, и однажды их застаёт Правый министр. Вне себя от возмущения — ведь у него вполне определенные планы в отношении этой дочери, скорее всего, он рассчитывает сделать ее в будущем государыней-супругой, он сообщает об увиденном императрице-матери Кокидэн, и она приходит в ярость.

Глава 11

САД, ГДЕ ОПАДАЮТ ЦВЕТЫ (ХАНАТИРУСАТО)

Время то же самое, что в конце предыдущей главы. Гэндзи навещает одну из своих тайных возлюбленных, даму, известную под традиционным именем Ханатирусато. Она — сестра бывшей наложницы отца Гэндзи, императора Кирицубо. Гэндзи опекает обеих женщин, оставшихся после смерти императора без всякой поддержки.

Глава 12

СУМА

Весной того года, когда Гэндзи исполняется двадцать шесть лет, он, чувствуя, что тучи над ним сгущаются, решает покинуть столицу и отправиться в добровольное изгнание в Сума. Перед отъездом он прощается со своими близкими: навещает бывшего тестя, левого министра, который, попав в немилость, ушел в отставку, прощается с госпожой Мурасаки, пишет прощальные письма другим женщинам. Накануне отъезда Гэндзи заезжает к Фудзицубо, после чего навещает могилу покойного отца. В Сума он берет с собой лишь самых преданных приближенных.

Живя одиноко на пустынном морском берегу, Гэндзи тоскует по столице и иногда обменивается письмами со своими возлюбленными. С другой стороны отстраненность от государственных дел дает ему возможность заниматься на свободе искусствами, музыкой, и во всех областях он достигает большого мастерства. Весной следующего года, то есть через год после того, как Гэндзи покинул столицу, его навещает старинный друг То-но тюдзё, дела которого тоже идут не лучшим образом.

Один из приближенных Гэндзи, Ёсикиё, узнав о том, что неподалеку в бухте Акаси живет бывший правитель Харима, дочерью которой он когда-

то интересовался (об этом говорится в начале главы «Юная Мурасаки»), пишет к ней. Девушка ему не отвечает, но отвечает отец, который, узнав, что в Сума находится Блистательный Гэндзи, хочет воспользоваться обстоятельствами и породниться с ним.

В третьем месяце, когда Гэндзи в день Змеи совершает на берегу обряд очищения, на Сума обрушивается страшный ураган, и в ту же ночь Гэндзи видит сон, в котором некто призывает его вернуться в столицу.

Глава 13 АКАСИ

Ураган, описанием которого заканчивается предыдущая глава, продолжает бушевать. Гонец, прибывший от госпожи Мурасаки, сообщает, что этот ураган напугал и столичных жителей. Гэндзи снова снится странный сон: перед ним возникает император Кирицубо и приказывает покинуть Сума. На следующий день в Сума приплывает на лодке бывший правитель Харима (ныне Вступивший на путь из Акаси) и уговаривает Гэндзи переехать в Акаси. Дни проходят в возвышенных беседах с почтенным старцем, а спустя некоторое время Гэндзи начинает обмениваться письмами с его дочерью (ее традиционное имя — Акаси).

Тем временем императору Судзаку является во сне покойный отец и приказывает вернуть Гэндзи в столицу. После этого сна у императора начинают болеть глаза. Его мать, императрица Кокидэн, тоже чувствует недомогание. Тем не менее она запрещает сыну возвращать Гэндзи в столицу, и он не решается настаивать.

Гэндзи, к радости Вступившего на путь, начинает посещать его дочь, которая оказывается весьма достойной во всех отношениях особой.

Между тем император Судзаку все же решается поступить вопреки воли матери и издает указ о возвращении Гэндзи в столицу. Тот покидает Акаси, оставив там беременную госпожу Акаси. И она сама, и ее родители печалются, с тревогой глядя в будущее.

После возвращения в столицу Гэндзи восстанавливается в чинах и получает звание гон-дайнагона.

Глава 14 У БАКЕНОВ (МИОЦУКУСИ)

Гэндзи возвращается в столицу поздней осенью того года, когда ему исполняется двадцать восемь лет. Всем его домочадцы и приближенные устаиваются высоких чинов и званий.

Император Судзаку собирается отречься от престола и беседует о том с Обородзукиё, к которой испытывает глубокую привязанность. Она сочувствует ему, несмотря на то, что сердце ее по-прежнему принадлежит Гэндзи.

Весной следующего года наследный принц достигает совершеннолетия и вскоре, к негодованию императрицы Кокидэн, император Судзаку объявляет о своем решении передать ему престол. Бывший Левый министр,

тесть Гэндзи, становится опекуном десятилетнего императора Рэйдзэй (сына Гэндзи и Фудзицубо) и одновременно Великим министром. Новым наследным принцем (будущий император Киндзё) назначают сына императора Судзаку и нёго Дзёкёдэн. Гэндзи получает должность министра двора, а его друг, То-но тюдзё, становится гон-тюнагоном.

Гэндзи узнает о том, что у госпожи Акаси родилась девочка и отправляет в Акаси роскошные дары. Обеспокоенный тем, что в провинции его дочь не получит хорошего воспитания, он подыскивает для нее подходящую кормилицу. Госпожа Мурасаки, которой Гэндзи рассказывает о госпоже Акаси, ревнует, но старается скрывать это. Чтобы утешить ее, Гэндзи перестает навещать других своих возлюбленных.

Осенью Гэндзи выезжает в Сумиёси, чтобы отблагодарить богов за милости. По воле случая в то же время туда выезжает и госпожа Акаси. Но им удается только обмениваться посланиями.

Между тем бывшая жрица Исэ возвращается в столицу вместе с матерью и поселяется в доме на Шестой линии. Рокудзё-но мясудокоро заболевает и принимает постриг. Гэндзи навещает ее, и она просит его позаботиться о дочери. Спустя некоторое время Рокудзё-но мясудокоро умирает. Гэндзи, заручившись согласием Фудзицубо, планирует отдать ее дочь (традиционное имя Акиконому — Любящая осень) в покои императора Рэйдзэй, а пока перевозит ее в дом на Второй линии, взяв на себя роль опекуна. Таким образом он открыто игнорирует желание экс-императора Судзаку, собиравшегося взять жрицу к себе. Одновременно он навлекает на себя недовольство своего старинного друга То-но тюдзё, который обеспокоен появлением влиятельной соперницы рядом с его дочерью, нёго Кикидэн, давно уже прислуживающей императору Рэйдзэй. Между Гэндзи и То-но тюдзё впервые возникает конфронтация.

Глава 15 В ЗАРОСЛЯХ ПОЛЫНИ (ЁМОГИУ)

Главным действующим лицом этой главы является Суэцумухана, та девушка с красным носом, история знакомства которой с Гэндзи описана в главе «Шафран». Пока Гэндзи был в Сума, он не поддерживал с ней никаких отношений и не писал к ней. Не имея других покровителей, она очень бедствовала, но, отказываясь продавать свой дом и что-то менять в своей жизни, преданно ждала Гэндзи. Однако Гэндзи совершенно забыл о ней и даже после возвращения в столицу не давал о себе знать. И все равно Суэцумухана ждала его, не обращая внимание на насмешки окружающих. Отказавшись уехать с теткой в провинцию, она осталась в своем старом доме, покинутая почти всеми прислужницами. И ее верность была вознаграждена. Однажды весной Гэндзи, возвращаясь от своей возлюбленной, случайно проезжал мимо ее дома и, вспомнив о ней, выслал Корэмицу узнать, по-прежнему ли она живет здесь. Обнаружив, что все это время женщина ждала его, он был растроган, окружил ее заботами и с тех пор постоянно следил за тем, чтобы она ни в чем не нуждалась.

Глава 16

У ЗАСТАВЫ (СЭКИЯ)

События, описываемые в этой главе, происходят осенью, через год после возвращения Гэндзи в столицу. Гэндзи двадцать девять лет. Выехав в храм Исияма, чтобы отслужить там благодарственный молебен, он у заставы на горе Встреч — Оосакаяма-но сэки, случайно встречается с Уцусэми, женщиной, которой был увлечен, но которая отвергла его. (История их взаимоотношений описана в главах «Дерево-метла» и «Пустая скорлупка цикады».) Все время, пока Гэндзи был в изгнании, Уцусэми вместе с мужем жила в провинции Хитати, куда того назначили правителем. Недавно срок его службы кончился, и он с семьей возвращался в столицу. Эта случайная встреча пробуждает в сердцах Гэндзи и Уцусэми воспоминания о прошлом, и они обмениваются стихотворными посланиями. Вскоре после возвращения в столицу супруг Уцусэми умирает, а она принимает постриг.

Глава 17

СОПОСТАВЛЕНИЕ КАРТИН (ЭАВАСЭ)

События, описываемые в этой главе, связаны с концом главы «У баке-нов», где говорится о намерении Гэндзи отдать дочь Рокудзё-но миясудокоро (Акиконому) императору Рэйдзэй. За два года, которые прошли с того времени, Гэндзи (ему в этой главе тридцать один год) при содействии Фудзицубо удалось осуществить задуманное. Экс-император Судзаку не скрывает своего разочарования. В покоях императора Рэйдзэй оказываются две соперничающие друг с другом дамы — Акиконому, ставленница Гэндзи, и нёго Кокидэн, дочь бывшего друга Гэндзи, То-но Тюдзё, имеющего теперь звание Гон-тюнагона. Одним из предметов соперничества становится живопись, поскольку император Рэйдзэй является большим ее поклонником. Придворные дамы обсуждают достоинства и недостатки разных живописных произведений. При этом они отталкиваются, как правило, от содержания картин, то есть на первый план выдвигается скорее литературная сторона, чем художественная, очевидно большинство картин является иллюстрациями к существовавшим тогда повестям-моногатори. Дается оценка самым популярным в то время повестям, причем «Повесть о старике Такэ-тори» провозглашается прародительницей японских моногатори. В конце концов возникает идея устроить что-то вроде турнира в присутствии императора — Акиконому и Кокидэн должны представить принадлежащие им картины, из которых будут выбраны лучшие. Оба семейства — и Гэндзи, и То-но тюдзё — готовятся к турниру, отбирая наиболее значительные произведения из тех, что имеются в фамильных хранилищах, и заказывая новые. В назначенный день прислуживающие во Дворце дамы делятся на правых и левых, каждая группа выставляет последовательно свои картины. В результате лучшими признают живописный дневник, созданный самим Гэндзи в Сума, то есть побеждает Акиконому. После турнира организуется пиршество, на котором Гэндзи много рассуждает об искусстве, музыке. В конце главы Гэндзи снова говорит о своем желании принять постриг.

Глава 18

ВЕТЕР В СОСНАХ (МАЦУКАДЗЭ)

По времени эта глава является продолжением предыдущей. Сопоставление картин было весной, а действие этой главы происходит осенью и зимой того года, когда Гэндзи исполняется тридцать один год.

Завершается строительство Восточной усадьбы, примыкающей к дому на Второй линии, которое Гэндзи начал после своего возвращения в столицу из Сума, и там поселяется Ханатирусато. Флигели усадьбы предназначены для других дам, которые живут под покровительством Гэндзи. Он хочет перевезти в столицу госпожу Акаси, но она не соглашается, опасаясь, что ею будут пренебрегать. Однако ее волнует судьба дочери — девочку нельзя воспитывать в провинциальной глуши, это может дурно сказаться на ее будущем. Отец госпожи Акаси вспоминает о принадлежащей ему усадьбе к западу от столицы в окрестностях реки Ои и начинает перестройку дома, рассчитывая перевезти туда дочь. Узнав о планах старика, Гэндзи принимает деятельное участие в подготовке дома, затем посылает слуг за госпожой Акаси. Сокрушаясь о разлуке с остающимся в Акаси отцом, госпожа Акаси с матерью и дочерью, отправляется в путь. Вскоре после переезда их навещает Гэндзи, это его первая встреча с дочерью, которой уже три года. Вернувшись в столицу, Гэндзи обсуждает с госпожой Мурасаки судьбу девочки и просит взять ее на воспитание.

Глава 19

ТАЮЩЕЕ ОБЛАКО (УСУГУМО)

По времени глава продолжает предыдущую, события, в ней описываемые, занимают примерно год, то есть Гэндзи тридцать один—тридцать два года.

Гэндзи предлагает госпоже Акаси переехать в столицу и, не добившись согласия, просит ее передать дочь на попечение госпожи Мурасаки. Как ни тяжело госпоже Акаси расставаться с дочерью, она понимает, что для ее будущего это необходимо. В результате девочку перевозят в столицу, где госпожа Мурасаки берет на себя заботы о ней и быстро привязывается к ребенку. Гэндзи время от времени навещает госпожу Акаси.

Умирает бывший тесть Гэндзи, Великий министр, и Гэндзи принимает активное участие в подготовке поминальных обрядов. Заболевает Фудзицубо. На страну обрушиваются бедствия, которые считаются недобрыми предзнаменованиями. Гэндзи догадывается, что причина в том, что император Рэйдзэй не знает тайны своего рождения. Неведение императора тяготит и Фудзицубо, которая чувствует, что дни ее сочтены. Поручив Гэндзи заботиться о сыне, Фудзицубо умирает. Для участия в поминальных обрядах с гор спускается почтенный монах Содзу, он-то и открывает императору Рэйдзэй тайну его рождения. Император потрясен. Он говорит Гэндзи о своем желании отречься от престола в его пользу, но наталкивается на решительный отказ и ищет другой способ выразить свою сыновнюю почтительность.

Акиконому, снискавшая особую любовь императора, на время переезжает в дом на Второй линии. В беседе с ней Гэндзи говорит о своем желании построить большую новую усадьбу с садами, разбитыми соответственно четырём временам года. Акиконому признается ему в своей любви к осени.

Глава 20

УТРЕННИЙ ЛИК (АСАГАО)

Глава продолжает предыдущую, в ней описываются события, происшедшие осенью и зимой того года, когда Гэндзи исполняется тридцать два. На первый план выходит персонаж, о котором лишь мельком упоминалось в предыдущих главах, женщина, известная под традиционным именем Асагао (Утренний лик). Гэндзи был когда-то равнодушен к ней, но она упорно отказывала ему в близости, хотя время от времени и отвечала на его письма. В конце предыдущей главы сообщается о смерти ее отца, принца Сикибукё (традиционное имя — принц Момодзоно), брата императора Кирицубо, то есть дяди Гэндзи. (Асагао таким образом является его двоюродной сестрой.) После того как умирает принц Момодзоно, Асагао, бывшая до этого жрицей святилища Камо, в связи с трауром возвращается в столицу и поселяется в усадьбе своего отца, дворце Момодзоно, вместе со своей теткой, Пятой принцессой. Гэндзи приезжает к ним, якобы желая засвидетельствовать свое почтение Пятой принцессе, которая и ему приходится теткой. Асагао боится сплетен и отказывает Гэндзи, хотя ее дамы явно возмущены ее неуступчивостью, да и в столице, по которой уже расползлись слухи о новом увлечении Гэндзи, относятся к этому союзу довольно одобрительно.

Зимой Гэндзи предпринимает новые попытки сблизиться с Асагао, но та по-прежнему упорствует, она собирается принять постриг. Однажды в ее доме Гэндзи встречает Гэн-найси-но сукэ, с которой у него когда-то была любовная связь (комическая сцена его соперничества с То-но Тюдзё из-за этой особы описана в главе «Алые клены»).

Жалея госпожу Мурасаки, страдающую из-за его увлечения Асагао, Гэндзи некоторое время не покидает дома на Второй линии. По его просьбе девочки-служанки катают в саду снежные шары. Глядя на них, Гэндзи вспоминает Фудзицубо и рассказывает госпоже Мурасаки о женщинах, с которыми был когда-то связан. В ту же ночь во сне ему является Фудзицубо и упрекает его, говоря о своих мучениях в ином мире. Гэндзи заказывает молебны об успокоении ее души.

Глава 21

ЮНАЯ ДЕВА (ОТОМЭ)

События, описываемые в этой главе, охватывают примерно два года жизни Гэндзи с тридцати трех до тридцати пяти лет. Начало главы по времени совпадает с концом предыдущей. Гэндзи продолжает добиваться Асагао, но она не уступает.

Сыну Гэндзи, Югири, исполняется 12 лет, пора готовиться к церемонии совершеннолетия. После этой церемонии юноши из знатных семейств обычно получают придворный чин и начинают быстро продвигаться по службе, но Гэндзи выбирает для сына иной путь, решив, что тот должен несколько лет посвятить учению. В его рассуждениях по этому поводу и возникает знаменитая фраза — «только на основе китайских знаний дух Ямато может упрочить свое значение в мире». Югири проходит все положенные церемонии и становится учащимся Палаты Наук и образования. Он обижен на отца, но усердно овладевает знаниями, делая большие успехи.

Подходит время назначать императрицу-супругу, и Гэндзи добивается, чтобы этот титул получила дочь Рокудзё-но мясудокоро, Акиконому, снова вступая в конфронтацию с То-но тюдзё (имеющего теперь чин Удайсё), который прочил на это место свою дочь, Кокидэн. Этим выбором недовольны и многие другие, потому что императрицу-супругу принято было назначать из рода Фудзивара (к которому принадлежит То-но тюдзё), а не Минамото.

Примерно в то же время Гэндзи получает звание Великого министра, а То-но тюдзё становится министром Двора. Его младшая дочь (традиционно именуемая Кумои-но кари — Гусь в поднебесье) воспитывается в доме своей бабушки, госпожи Оомия, где часто бывает сын Гэндзи, Югири, который приходится ей двоюродным братом. Постепенно детская дружба переходит в любовь. Однако То-но тюдзё намеревается отдать младшую дочь наследному принцу, рассчитывая хотя бы таким образом укрепить свои позиции во Дворце, пошатнувшиеся после неудачи со старшей дочерью. Поэтому случайно узнав о связи Кумои-но кари с Югири, То-но Тюдзё приходит в ярость и разлучает влюбленных, забрав дочь к себе. Югири безутешен.

Тем временем подходит время праздника Нового урожая, на котором традиционно исполняют танец Пяти танцовщиц, Госэти. Одной из этих танцовщиц становится дочь ближайшего приближенного Гэндзи, Корэмицу. Югири случайно видит ее и не остается к ней равнодушным. Он начинает переписываться с ней, находя в этом некоторое утешение.

В начале следующего года (Гэндзи — тридцать четыре) император Рэйдзэй посещает дворец экс-императора Судзаку, и Гэндзи сопровождает его. По этому поводу во дворце Судзаку устраиваются поэтические турниры и музицирование. Югири отличается во время сочинения китайских стихов. Спустя некоторое время он успешно сдает положенный экзамен и становится магистром, а осенью получает придворное звание.

В том же году Гэндзи начинает строительство большой новой усадьбы на Шестой линии.

В следующем году (Гэндзи тридцать пять лет) отцу госпожи Мурасаки, принцу Сикибукё, должно исполниться 55 лет и приготовления к этому празднеству приобретают невиданный размах. К лету того же года заканчивается строительство усадьбы на Шестой линии, состоящей из четырех отдельных частей, соответствующих четырем временам года. В Юго-Восточной (весенней) части усадьбы поселяется госпожа Мурасаки, в Северо-Восточной (летней) — Ханатирусато, в юго-западной (осенней) — Акиконому, Северо-западная часть (зимняя) предназначена для госпожи Акаси. Поскольку переезд совершается осенью, Акиконому обращается к госпоже Мурасаки с посланием, в котором намекает на преимущество осени над весной.

Глава 22

ДРАГОЦЕННАЯ НИТЬ (ТАМАКАДЗУРА)

В этой главе вводится новая сюжетная линия — история дочери Югао (возлюбленной Гэндзи, героини главы «Югао») и То-но тюдзё.

После неожиданной смерти Югао четырехлетняя девочка (традиционное имя — Тамакадзура) осталась на попечении кормилицы и вместе с ней уехала на Цукуси (совр. Кюсю), куда получил назначение ее муж. Через шесть лет, перед самым возвращением в столицу, муж кормилицы, завещав своим домочадцам позаботиться о девочке, скончался. После его кончины семейство оказалось в бедственном положении и о возвращении в столицу нечего было и думать. Девочка тем временем выросла, слух о ее красоте распространился повсюду, и многие стремились заполучить ее в жены, но кормилица отвечала всем решительным отказом. Особенно упорен был некто Таю-но гэн, человек на Цукуси весьма влиятельный. Он пытался заручиться содействием сыновей кормилицы, обещая взамен свою поддержку, и младшие сыновья не устояли перед искушением. Опасаясь, что Таю-но гэн в конце концов добьется своего, кормилица и ее старший сын, Буго-но сукэ, тайком увезли девушку (ей был к тому времени двадцать один год) в столицу.

В столице они оказались на грани нищеты, но не теряли надежды. По настоянию Буго-но сукэ, девушка совершила паломничество сначала в храм Хатимана, потом в Хацусэ. Случилось так, что в это же время в Хацусэ вышла Укон (прислужница Югао, которую после ее смерти взял к себе в дом Гэндзи), и они случайно встретились. Вернувшись в столицу, Укон сообщила о девушке Гэндзи, и тот поселил ее в доме на Шестой линии под видом своей случайно найденной дочери и поручил заботам Ханатирусато. Красота девушки, очень похожей на свою покойную мать, не оставила равнодушным и его.

Появление Тамакадзуры на Шестой линии по времени совпадает с концом предыдущей главы. В преддверье нового года в покоях госпожи Мурасаки шьют праздничные наряды для всех обитательниц дома на Шестой линии, стараясь чтобы эти наряды оттеняли красоту каждой. Наряды рассылаются дамам с просьбой облачиться в них в один и тот же день. Дамы отвечают благодарственными письмами. Обнаружив среди них как всегда несуразное письмо Суэцумухана, Гэндзи беседует с госпожой Мурасаки о поэзии.

Глава 23

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ (ХАЦУНЭ)

Эта глава продолжает предыдущую. Год сменяется новым, и Гэндзи (ему в этом году исполняется тридцать шесть лет) обходит с новогодними поздравлениями всех живущих под его покровительством дам, которые по этому случаю облачаются в новые платья. Все обмениваются новогодними пожеланиями. Дочь Гэндзи по его просьбе пишет первое письмо матери, госпоже Акаси. Проводятся разные новогодние обряды и церемонии.

Глава 24 БАБОЧКИ (КОТЁ)

Действие этой главы происходит в конце весны — начале лета, то есть она продолжает предыдущую, разрыв между ними в два месяца с небольшим. Весенний сад дома на Шестой линии по-прежнему радует пышным цветением. В доме часто собираются гости, звучит музыка, исполняются танцы. Среди гостей немало воздыхателей Тамакадзуры — в этой главе и в нескольких последующих разрабатывается традиционная для хэйанской литературы тема «выбора женихов».

Тамакадзура получает письма от разных поклонников. Среди них — принц Хёбукё (традиционное имя Хотару — Светлячок), Удайсё (традиционное имя Хигэкуро — Чернобородый) и сыновья министра Двора (То-но Тюдзё), не знающие, что девушка — их сестра. Гэндзи наслаждается ситуацией «выбора женихов» и, читая письма, высказывает свое мнение об их авторах, одновременно давая наставления Тамакадзуре. Гэндзи явно сам увлечен девушкой, и госпожа Мурасаки страдает. Тамакадзура же тяготится явным желанием Гэндзи сблизиться с ней и жалеет, что о ней не известно ее настоящему отцу.

Глава 25 СВЕТЛЯЧКИ (ХОТАРУ)

Глава по времени следует за предыдущей, действие происходит летом того года, когда Гэндзи исполняется тридцать шесть. Тамакадзура страдает от домогательств Гэндзи, а тот, будучи увлечен ею, старается тем не менее руководить ее перепиской с поклонниками. Принц Хёбукё (Хотару), воодушевленный благосклонным тоном ответов Тамакадзуры, проникает в ее покои. Гэндзи неожиданно выпускает светлячков, и принц видит лицо девушки.

Жизнь в доме на Шестой линии проходит в удовольствиях и развлечениях. В Пятом месяце устраиваются состязания по Верховой езде и стрельбе из лука, посмотреть на которые съезжается вся столичная знать.

А в пору летних дождей обитательницы дома ищут спасения в чтении. Особенно увлекается чтением повестей Тамакадзура. Застав ее как-то за этим занятием, Гэндзи беседует с ней о литературе — знаменитые рассуждения о разных методах отображения действительности.

Позже он обсуждает содержание разных повестей и с госпожой Мурасаки, на этот раз речь идет о воспитательном значении литературы.

Министр Двора, имеющий всего двух дочерей, судьба которых складывается не совсем так, как ему хотелось бы, завидует Гэндзи, и, вспомнив о пропавшей дочери Югао, велит сыновьям приводить к нему всех женщин, которые будут называть себя его дочерьми. Однажды ему снится странный сон. Обратившись к толкователям, он узнает, что скоро получит известие о дочери, которую когда-то потерял и которая нашла себе другого отца.

Глава 26

ВЕЧНОЕ ЛЕТО (ТОКОНАЦУ)

Время действия то же, что и в предыдущей главе. Продолжение описания развлечений, которые устраиваются в доме на Шестой линии.

Гэндзи узнает, что министр Двора (То-но тюдзё) взял к себе в дом побочную дочь и не удерживается от выпадов в его адрес: он обижен, что тот по-прежнему пренебрегает Югири.

Продолжается разработка темы «выбора женихов» — Гэндзи обсуждает с Тамакадзурой ее поклонников. Стараясь проводить с ней как можно больше времени, он учит девушку игре на кото, попутно рассуждая о достоинствах японского кото и о важности умения играть на нем для девушки из хорошего семейства. Все больше увлекаясь своей приемной дочерью, он напряженно ищет выхода из этого затруднительного положения.

Слыша как все восхваляют красоту и достоинства приемной дочери Гэндзи, министр Двора (То-но тюдзё) завидует. Ему так и не удалось устроить судьбу своей младшей дочери, Кумои-но кари. Он уже готов смириться и отдать ее Югири, но не хочет делать первый шаг. Та же девушка (ее традиционное имя Оми), которую он взял к себе в дом, оказывается жалкой провинциалкой, и над ней все смеются. Он решает пристроить ее в свиту к нёго Кокидэн, своей старшей дочери, и объявляет ей об этом. Девушка радуется и пишет нёго письмо, которое повергает всех в недоумение.

Глава 27

НОЧНЫЕ ОГНИ (КАГАРИБИ)

Время действия — ранняя осень того же года.

Узнав о том, что в столице насмеются над новой дочерью министра Двора (То-но тюдзё), Гэндзи осуждает его. Конфронтация между бывшими друзьями все усиливается. Тамакадзура, которая до этого мечтала о том, чтобы о ней узнал ее настоящий отец, то есть министр Двора, узнав о судьбе Оми, начинает думать, что в конечном счете ей скорее повезло.

В этой короткой главе описан всего один эпизод — Гэндзи в покоях Тамакадзуры любителю факелами в саду, слушая как Югири с друзьями музицируют.

Глава 28

ПРОНИЗЫВАЮЩИЙ ПОЛЯ (НОВАКИ)

Глава продолжает предыдущую. Поздняя осень того же года (Гэндзи тридцать шесть лет).

Акиконому находится в доме на Шестой линии и любителю своим прекрасным осенним садом, когда на столицу обрушивается внезапный ураган. Югири, будучи заботливым сыном и внуком, курсирует между домом на Шестой линии и домом на Третьей линии, где живет его бабка — госпожа

Оомия. Зайдя в очередной раз в покои отца, он случайно видит госпожу Мурасаки (из-за страшного ветра ширмы сложены и покои просматриваются насквозь). Очарованный ее красотой, Югири сравнивает ее с цветущей вишней. Гэндзи обходит покои всех дам, желая подбодрить их, и Югири сопровождает его, пытаясь при этом подглядеть, как выглядят остальные дамы и сравнивая их между собой. Тамакадзура напоминает ему керрию, а дочь госпожи Акаси — глицинию. Случайно подглядев, как Гэндзи обнимает Тамакадзуру, Югири поражен. В дом на Третьей линии приезжает То-но тюдзё и жалуется матери на дочерей.

Почти все, происходящее в этой главе, описано с точки зрения Югири.

Глава 29

ВЫСОЧАЙШИЙ ВЫЕЗД (МИЮКИ)

Глава является продолжением предыдущей. Время действия — зима того года, когда Гэндзи исполнилось тридцать шесть и весна следующего года.

Гэндзи размышляет над будущим Тамакадзуры.

В конце года император Рэйдзэй торжественно выезжает на охоту в Охарано. Тамакадзура с другими дамами едет посмотреть на процессию, и красота императора пленяет ее. Кроме того, ей удается впервые увидеть родного отца и братьев, а также своих поклонников — принца Хёбукё (Хотару) и Удайсё (Хигэкуро), который производит на нее скорее неприятное впечатление.

Узнав, что Тамакадзура в восторге от императора, Гэндзи предлагает ей поступить на придворную службу. И тут же начинает готовиться к церемонии Надевания мо, предполагая провести ее весной. Решив, что пора открыться родному отцу девушки, Гэндзи приглашает его выступить на церемонии в роли «завязывающего шнура». Но То-но тюдзё соглашается только после того, как, воспользовавшись посредничеством госпожи Оомия, Гэндзи встречается с ним и открывает ему правду. Узнав о предстоящей церемонии, многие присылают свои дары, причем Суэцумухана опять заставляет Гэндзи краснеть.

После церемонии Надевания мо тайна Тамакадзуры становится известна ее родным братьям, и они радуются и печалются одновременно. Принц Хёбукё (Хотару) не может сдержать досады, узнав, что девушку решено отдать на службу во Дворец. Глава кончается комической сценой с Оми, которая недовольна тем, что у министра двора появилась еще одна дочь, и что она будет служить во Дворце, куда она сама рассчитывала попасть.

Глава 30

«ЛИЛОВЫЕ ШАРОВАРЫ» (ФУДЗИБАКАМА)

Продолжение истории Тамакадзуры. Между концом предыдущей главы и началом этой — разрыв в несколько месяцев, действие происходит осенью того года, когда Гэндзи исполняется тридцать семь.

Тамакадзура все еще не решается занять при дворе место найси-но ками и сетует на неопределенность своего положения. Скорее всего решение о ее назначении уже принято, и речь идет лишь о ее представлении ко двору. Хотя должность найси-но ками вполне официальная, не исключено, что она станет одной из императорских наложниц и навлечет на себя недовольство императрицы-супруги (Акиконому) и нёго Кокидэн (являющейся ее сестрой по отцу). Тамакадзура в трауре по скончавшейся за это время госпоже Оомия, то есть ее принадлежность семье министра Двора (То-но тюдзё) официально признана, хотя она по-прежнему живет в доме Гэндзи.

Император Рэйдзэй присылает распоряжение о введении ее в должность найси-но ками, и Гэндзи передает его через Югири, который дарит девушке веточку посконника — фудзибакама, сопроводив соответствующим стихотворением.

Югири и Гэндзи беседуют о будущем Тамакадзуры. Поклонники Тамакадзуры осаждают ее любовными посланиями, опасаясь, что скоро, будучи представленной ко двору, она станет для них недостижимой.

Глава 31

КИПАРИСОВЫЙ СТОЛБ (МАКИБАСИРА)

Продолжение истории Тамакадзуры. Описываемые события происходят с зимы того года, в котором Гэндзи исполнилось тридцать семь лет до следующей зимы. Между началом этой главы и концом предыдущей — разрыв в месяц или два. За это время Тамакадзуру начинает посещать Удайсё (Хигэ-куро). Этот союз для всех полная неожиданность, и сама Тамакадзура не испытывает к супругу никаких нежных чувств. Гэндзи недоволен, но в целом Удайсё нельзя считать таким уж неподходящим зятем: он является братом матери наследного принца, то есть занимает достаточно высокое положение.

Император Рэйдзэй тоже раздосадован, ибо теперь Тамакадзура для него потеряна, хотя он по-прежнему ждет, что она займет свою должность при дворе. Гэндзи настаивает, чтобы Тамакадзура хотя бы некоторое время провела во Дворце, формально приступив к своим придворным обязанностям. Ее супруг недоволен, но смиряется, рассчитывая, что из дворца перевезет Тамакадзуру к себе в дом.

Первая супруга Удайсё, дочь принца Сикибукё (брата Фудзицубо и отца Мурасаки), с которой он живет уже много лет и от которой имеет двоих сыновей и дочь двенадцати или тринадцати лет, больна душевной болезнью, у нее часто бывают припадки, один из которых не дает Удайсё увидеться с Тамакадзурой.

Узнав о том, что Удайсё хочет взять в дом новую супругу, принц Сикибукё забирает дочь с детьми к себе. Дочь Удайсё (ее традиционное имя Макибасира — Кипарисовый столб) перед отъездом сочиняет стихотворение о «кипарисовом столбе». Возмущенный Удайсё едет к принцу Сикибукё, но ему не удается встретиться ни с супругой, ни с дочерью.

Гэндзи, узнав о происшедшем, досадует, да и госпожа Мурасаки огорчена, ведь она невольно навлекла на себя упреки отца. Она беспокоится, что

в результате ухудшатся отношения между Гэндзи и принцем Сикибукё, которые и без того оставляют желать лучшего (когда Гэндзи уехал в Сума, принц, опасаясь попасть в немилость, прекратил с ним всякие сношения, и Гэндзи не может ему этого простить).

В начале следующего года Тамакадзуру торжественно представляют ко двору. Императора пленяет ее красота, но Удайсё торопит ее с отъездом и в конце концов император отпускает ее. Удайсё перевозит Тамакадзуру в свой дом. Гэндзи тоскует по ней и пишет ей письма. Зимой у Тамакадзуры рождается мальчик.

Закачивается глава комической сценой с госпожой Оми в покоях нёго Кикидэн.

Глава 32

ВЕТКА СЛИВЫ (МУМЭ-ГА Э)

Действие происходит весной того года, когда Гэндзи исполняется тридцать девять. Его дочери от госпожи Акаси уже одиннадцать лет, и он готовится к церемонии Надевания мо, намереваясь представить дочь ко двору сразу после церемонии совершеннолетия наследного принца.

Стремясь отметить совершеннолетие дочери с максимальной пышностью, Гэндзи занимается составлением ароматов, вовлекая в это занятие всех знакомых женщин. Накануне церемонии принцу Хёбукё (Хотару) поручается выбрать лучшие из приготовленных благовоний, и он в замешательстве — все благовония по-своему прекрасны. По случаю церемонии совершеннолетия дочери Гэндзи в доме на Шестой линии устраивается великопраздничное мероприятие с музицированием и сочинением стихов.

Спустя некоторое время проводится церемония совершеннолетия наследного принца, но Гэндзи решает на некоторое время отложить представление дочери ко двору: до него доходит слух, что многие сановники не хотят отдавать в покои наследного принца своих дочерей, опасаясь, что те не смогут соперничать с дочерью Гэндзи. Только после того, как в покоях принца появляется дочь левого министра, Гэндзи начинает подготовку к церемонии представления ко двору своей дочери. Он отбирает для нее лучшую утварь и особенное значение придает книгам. Собрав все самое лучшее, что есть в его хранилищах, он поручает разным людям переписать некоторые повести, в связи с чем беседует с госпожой Мурасаки о каллиграфии, оценивая почерки известных ему дам. Затем вместе с принцем Хёбукё (Хотару) они рассматривают присланное переписчиками, обсуждая достоинства и недостатки разных каллиграфических стилей.

Гэндзи волнует судьба Югири. Тому уже восемнадцать лет и многие знатные семейства стремятся заполучить его в зятья, но он не спешит ни с кем связывать свою судьбу, так как сердце его по-прежнему принадлежит дочери министра Двора (То-но тюдзё), Кумои-но кари.

Гэндзи беседует с сыном, поучая его, как должно выбирать супругу. Кумои-но кари тоже страдает, влюбленные лишь изредка обмениваются письмами.

Глава 33

ЛИСТЬЯ ГЛИЦИНИИ (ФУДЗИУРАБА)

Глава является продолжением предыдущей, она начинается с описания страданий Югири, разлученного с Кумои-но кари и обиженного на министра Двора (своего дядю), не желающего идти ему навстречу. На самом деле министр Двора понимает, что в данной ситуации брак с Югири будет для его дочери лучшим выходом и опасается упустить выгодного зятя: если он будет упорствовать и дальше, Югири может вступить в брачный союз с другой. В конце концов, не дождавшись никаких намеков ни от Гэндзи, ни от Югири, он не выдерживает и сам делает шаг к сближению. В день праздника цветения глициний Югири вступает в брак с Кумои-но кари. Этот союз несколько сглаживает противоречия между Гэндзи и То-но тюдзё.

В доме на Шестой линии между тем продолжают готовиться к церемонии представления ко двору дочери госпожи Акаси. Одновременно госпожа Мурасаки собирается на праздник святилища Камо. Югири обменивается письмами с дочерью Корэмицу, обиженной, что он вступил в брачный союз с другой.

После долгих размышлений Гэндзи решает, что во Дворец с девочкой поедет ее родная мать, госпожа Акаси и возьмет на себя дальнейшие заботы о ней. Велика радость госпожи Акаси и ее матери, старой монахини. Госпожа Мурасаки, впервые встретившись с госпожой Акаси, поражена ее утонченностью.

Гэндзи кажется, что все, им задуманное, выполнено, и он может осуществить наконец свое давнее желание — принять постриг. В следующем году Гэндзи исполняется сорок лет, и в столице ведутся приготовления к его чествованию. Император Рэйдзэй приравнивает его статус к статусу экс-императора.

В дни осеннего назначения министр Двора (То-но тюдзё) становится великим министром, а Югири — тюнагоном.

Югири поселяется вместе с Кумои-но кари в доме на Третьей линии, где жила когда-то их общая бабушка, госпожа Оомия (и где сам он родился).

В начале зимы император посещает дом на Шестой линии, по случаю чего устраивается великолепное празднество.

На этой главе заканчивается первая часть «Повести о Гэндзи». Все сюжетные линии завершены, роду Гэндзи обеспечено дальнейшее процветание.

Глава 34

ПЕРВАЯ ЗЕЛЕНЬ (ВАКАНА) 1

По времени эта глава следует за предыдущей. После того, как император Рэйдзэй посетил дом на Шестой линии, экс-император Судзаку, который тоже присутствовал на празднестве, заболел и решил принять постриг. Единственное, что его удерживает — беспокойство за судьбу тринадцатилетней дочери, Третьей принцессы, которая остается без всякой поддержки. Он понимает, что должен найти для дочери надежного супруга, кото-

рый обеспечит ей достойное положение. Примечательны его рассуждения о том, как женщине лучше вступать в брак — по собственной воле или повинувшись выбору родителей. Он перебирает разных претендентов и в конце концов ему приходит в голову мысль поручить принцессу заботам Гэндзи. Гэндзи в замешательстве: ему не хочется отказывать экс-императору, но появление в его доме юной супруги, имеющей к тому же столь высокое звание, может нарушить царящее в доме согласие.

В начале нового года (в котором Гэндзи исполняется сорок лет), проведя церемонию совершеннолетия Третьей принцессы, экс-император Судзаку принимает постриг. Гэндзи приезжает его навестить, и тот просит взять на себя заботы о его дочери. Гэндзи вынужден согласиться, хотя его мучают сомнения. Эта новость становится жестоким ударом для госпожи Мурасаки.

В конце первого месяца начинаются чествования по поводу сорокалетия Гэндзи. Первой его поздравляет Тамакадзура. Вскоре после ее посещения, в дом на Шестой линии переезжает Третья принцесса, которая разочаровывает Гэндзи: она слишком тщедушна и не очень умна.

Экс-император Судзаку удаляется в горную обитель, и его дамы разъезжаются кто куда. Гэндзи удается тайно встретиться с Обородзукиё.

Дочь Гэндзи, забеременев, на время переезжает на Шестую линию. Госпожа Мурасаки встречается с ней и с Третьей принцессой — Гэндзи делает все, чтобы женщины жили в мире и согласии.

В конце года сорокалетие Гэндзи отмечают госпожа Мурасаки и императрица Акиконому. Император Рэйдзэй, не зная как выразить свою сыновнюю почтительность, возвышает Югири, произведя его в чин Удайсё.

Весной следующего года дочь Гэндзи производит на свет мальчика. Об этом сообщают старому монаху из Акаси, и он присылает письмо, в котором объясняет, что побудило его желать брака дочери с Гэндзи, и завещает выполнить обеты, некогда данные им богам и буддам.

Одним из поклонников Третьей принцессы был сын нынешнего Великого министра (То-но тюдзё) Уэмон-но ками (его традиционное имя Касиваги — Дуб). Он надеялся, что экс-император отдаст дочь ему, и был очень огорчен, когда тот предпочел Гэндзи. Не в силах смириться, Касиваги постоянно докучает своими жалобами прислужнице принцессы, даме по имени Кодзидзю. Однажды во время игры в мяч в доме на Шестой линии Касиваги удается увидеть принцессу — кошка приподнимает полу занавеса, за которым та стоит. С того дня его сердцем завладевает безудержная страсть.

Глава 35

ПЕРВАЯ ЗЕЛЕНЬ (ВАКАНА) 2

Эта глава является продолжением предыдущей, события, описываемые в ней, происходят в течение шести лет. В начале главы Гэндзи сорок один год, в конце — сорок семь.

Касиваги находит утешение в том, что заполучает кошку Третьей принцессы. Югири, видя, как он задумчив, начинает догадываться о причинах. Макибасира, дочь Хигэкуро (в этой главе он становится Правым мини-

стром) и падчерица Тамакадзуры, та самая девица, что написала некогда песню о кипарисовом столбе, вступает в брак с принцем Хёбукё (Хотару), но ей не удается покорить его сердце.

Император Рэйдзэй заболевает и отрекается от престола. Новым императором становится сын императора Судзаку и нёго Дзёкёдэн (традиционное имя — император Киндзё). Наследным принцем назначают внука Гэндзи. Великий министр (То-но тюдзё) уходит в отставку.

Госпожа Мурасаки начинает поговаривать о принятии пострига, но Гэндзи решительно против.

Гэндзи вместе с госпожой Мурасаки отправляется в святилище Сумиёси, дабы вознести дары богам от имени монаха из Акаси.

Госпожа Мурасаки берет на воспитание Первую принцессу, старшую дочь нёго из павильона Павлонии (императрицы Акаси), Ханатирусато — побочную дочь Югири.

Экс-император Судзаку присылает письмо, в котором изъявляет желание увидеться с дочерью, и Гэндзи начинает готовиться к посещению дворца Судзаку, тем более что в следующем году экс-императору исполняется 50 лет. Особое внимание он уделяет занятиям музыкой. В начале нового года в доме на Шестой линии устраивается музицирование, в котором участвуют все живущие там дамы. Гэндзи рассуждает о временах года и музыке, а также беседует с госпожой Мурасаки о женских судьбах.

Госпожа Мурасаки, по-прежнему страдающая от ревности, заболевает. Гэндзи перевозит ее на Вторую линию и ухаживает за ней.

Касиваги получает звание тюнагона и вступает в брак со Второй принцессой, сестрой Третьей по отцу (ее традиционное имя Отиба — Опавший лист), но по-прежнему не может утешиться. В конце концов Кодзидзю поддается на его уговоры и устраивает ему встречу с Третьей принцессой. Принцесса страдает, чувствуя себя виноватой перед Гэндзи.

Госпоже Мурасаки становится все хуже, и Гэндзи не отходит от нее. В какой-то момент всем кажется, что ее дыхание прервалось, но заклинателям удается изгнать из нее злого духа (это оказывается дух Рокудзё-но миясудокоро), и она оживает.

Тем временем Касиваги продолжает тайно встречаться с Третьей принцессой, и скоро становится ясно, что она беременна. Приехав навестить ее, Гэндзи не может сдержать удивления. Случайно обнаружив письмо от Касиваги, он понимает, кто отец будущего ребенка, но молчит, считая, что таково возмездие, ниспосланное ему за его собственное преступление. Узнав о том, что их тайна раскрыта, Касиваги заболевает.

Гэндзи беседует с госпожой Мурасаки о достоинствах и недостатках женщин, размышляя о том, как лучше воспитывать малолетних принцесс, его внучек.

Между тем приближается конец года, и, несмотря на состояние Третьей принцессы, Гэндзи решает устроить ее встречу с отцом. В доме на Шестой линии проводятся предварительные музицирования и репетиции танцев, на которые собираются многие знатные люди столицы.

Состояние Касиваги ухудшается, он расстается со Второй принцессой и переезжает в отчий дом.

В конце года проводится празднование пятидесятилетия экс-государя Судзаку.

Глава 36 ДУБ (КАСИВАГИ)

Эта глава по времени является продолжением предыдущей. Наступает новый год, Гэндзи исполняется сорок восемь лет.

Касиваги чувствует себя все хуже. Родители призывают монахов и заклинателей, надеясь его исцелить. Тем временем Третья принцесса разрешается от бремени младенцем мужского пола. Ее состояние оставляет желать лучшего, и она принимает решение стать монахиней. Узнав о том, что здоровье ее не поправляется, экс-император Судзаку тайно приезжает в дом на Шестой линии и по просьбе принцессы совершает над ней обряд пострижения. Заклинателям удастся наконец изгнать преследующего ее духа, которым снова оказывается дух Рокудзё-но миясудокоро.

Слух о том, что у принцессы родился ребенок и что она приняла постриг, доходит до Касиваги, и состояние его резко ухудшается. Император, желая поддержать его дух, жалует ему чин гон-дайнагона. Поздравить его приезжает Югири. Беседуя с ним, Касиваги намекает на размолвку, якобы происшедшую между ним и Гэндзи, и просит друга походатайствовать о прощении. Еще он поручает Югири позаботиться о Второй принцессе. Вскоре Касиваги умирает.

Сын Третьей принцессы растет и, хотя он становится все более похожим на Касиваги, Гэндзи привязывается к мальчику.

Югири едет к вдове Касиваги, Второй принцессе, чтобы выразить ей свои соболезнования. Помня об обещании данному другу, он старается заботиться о ней и незаметно увлекается ею.

Глава 37 ФЛЕЙТА (ЁКОБУЭ)

Предыдущая глава кончается осенью того года, в котором Гэндзи исполняется сорок восемь лет, эта — начинается весной следующего.

В столице совершаются поминальные службы по Касиваги (прошел год со дня его смерти), в которых Гэндзи принимает активное участие. Экс-государь, печалась, что судьба обеих его дочерей складывается не так, как ему хотелось, пишет к Третьей принцессе и присылает ей ростки бамбука.

Югири продолжает навещать Вторую принцессу. Однажды, когда он приезжает в ее дом, они музицируют, и мать принцессы дарит ему флейту Касиваги. В ту же ночь ему снится покойный друг. Держа в руках флейту, он говорит, что у него были относительно нее иные планы. Тут Югири внезапно просыпается от детского плача. В доме переполох, все хлопочут возле заболевшего ребенка. Жена (Кумои-но кари) упрекает мужа за то, что он слишком поздно возвращается.

Югири не дает покоя увиденный сон, и он приходит к отцу, чтобы посоветоваться с ним. В покоях Гэндзи он застаёт детей императрицы Акаси и сына Третьей принцессы (его традиционное имя Каору — Ароматный), поразившего его сходством с Касиваги. Беседуя с отцом, Югири рассказывает ему о флейте и об увиденном сне, и Гэндзи забирает у него флейту. Югири догадывается, что он знает об отношениях Касиваги и Третьей принцессы и о том, чей на самом деле сын Каору.

Глава 38

СВЕРЧОК-КОЛОКОЛЬЧИК (СУДЗУМУСИ)

Действие этой главы происходит летом и осенью того года, когда Гэндзи исполняется пятьдесят. То есть между концом предыдущей главы, которая заканчивается осенью, и началом этой — разрыв примерно в полгода.

В пору цветения лотосов в доме на Шестой линии проводится освящение изображения Будды для моельни Третьей принцессы. К этому дню Гэндзи лично переписал для нее сутру Амида. В доме собирается вся столичная знать.

В том же году осенью Гэндзи заходит к покои Третьей принцессы, чтобы полюбоваться полной луной и послушать, как в траве стрекочут насекомые. Приезжают принц Хёбукё (Хотару), Югири и они вместе музицируют. Тут приходит гонец от экс-императора Рэйдзэй с приглашением пожаловать к нему. Все едут во дворец Рэйдзэй, где до самого рассвета музицируют и слагают стихи.

Перед отъездом Гэндзи навещает императрицу-супругу Акиконому и беседует с ней, они вспоминают о ее матери Рокудзё-но миясудокоро. Акикомому говорит о своем желании принять постриг, Гэндзи уговаривает ее не делать этого.

Глава 39

ВЕЧЕРНИЙ ТУМАН (ЮГИРИ)

События, описываемые в этой главе, происходят в то же время, что и события предыдущей. Главным действующим лицом здесь становится двадцатидевятилетний сын Гэндзи, Югири (в этой главе он имеет звание Удайсё).

Югири продолжает навещать Вторую принцессу, оправдывая себя тем, что таким образом выполняет волю покойного друга, но на самом деле, рассчитывая на сближение с ней.

Мать принцессы, миясудокоро, неожиданно заболевает и вместе с дочерью переезжает в Оно (местечко к юго-востоку от столицы). Осенью Югири едет их навестить. Он остается в Оно на ночь, надеясь сломить сопротивление принцессы, но это ему не удается. Миясудокоро, которой становится известно, что Югири провел ночь в их доме, возмущена тем, что он не приезжает на следующую ночь (по обычаю брачный союз считается

признанным официально, если мужчина проводит в доме женщины три ночи подряда) и пишет ему полное упреков письмо. Это письмо вырывает из его рук и куда-то прячет Кумои-но кари. Только к вечеру Югири случайно находит его и пишет ответ. Миясудокоро, так и не дождавшись письма, умирает. Узнав об этом, Югири едет в Оно, но принцесса, считая, что он виноват в смерти матери, не желает с ним встречаться и не отвечает на его письма. Она хочет остаться в Оно и принять постриг, но ее отец, экс-император Судзаку настаивает на переезде в столицу. Ее союза с Югири он тоже не одобряет, полагая, что принцесса крови не должна второй раз соединять себя брачными узами с простым подданным. Югири решает сделать вид, что союз между ними заключен уже давно с ведома ее матери. Он лично организует переезд принцессы в столицу, позаботившись о приведении в порядок ее дома на Первой линии, и ведет себя как полноправный супруг, хотя принцесса по-прежнему прячется от него и не желает уступать.

Обстановка в доме на Третьей линии тоже создается весьма напряженная: Кумои-но кари устраивает ему сцены ревности, а потом, забрав с собой младших детей, переезжает в дом отца и отказывается возвращаться.

Глава 40

ВЕЛИКИЙ ЗАКОН (МИНОРИ)

Действие этой главы разворачивается примерно через год после двух предыдущих. К тому времени Гэндзи исполняется пятьдесят один год.

Госпожа Мурасаки продолжает болеть. Она по-прежнему подумывает о принятии пострига, но Гэндзи не желает расставаться с ней. В конце весны, в пору цветения вишен, в доме на Второй линии проводят церемонию поднесения Будде сутры Лотоса, тысячу раз переписанной лично госпожой Мурасаки. На торжество, устроенное по этому поводу, съезжаются все дамы, живущие под покровительством Гэндзи, и множество знатных гостей.

К лету состояние госпожи Мурасаки еще более ухудшается. Узнав об этом, в отчий дом приезжает императрица Акаси (она к тому времени уже получила титул императрицы-супруги). Госпожа Мурасаки беседует с ней и с госпожой Акаси, говорит напутственные слова малолетнему Третьему принцу (традиционное имя Ниоу — Благоуханный), поручая ему заботиться о красной сливе и вишне, растущих возле ее покоев.

Осенью она умирает. После погребальных обрядов Югири остается в доме отца, и они предаются воспоминаниям и скорби. Гэндзи хочет принять наконец постриг, но боится показаться малодушным и медлит.

Глава 41

КУДЕСНИК-ДАОС (МАБОРОСИ)

Действие происходит на следующий год после смерти госпожи Мурасаки. Она скончалась осенью, а эта глава начинается с первых дней нового года. Гэндзи исполняется пятьдесят два.

Безутешный после кончины любимой супруги, он почти никого не принимает и проводит дни в беседах с прислуживающими в доме дамами, вспоминая о прошлом. Дочь возвращается во Дворец, оставив с ним Третьего принца (Ниоу). В этой главе снова возникает тема «Вечной печали» Бо Цзюйи, которая звучала в первой главе повести — «Павильон Павлонии». В конце года Гэндзи начинает готовиться к принятию пострига, прощаясь со своими близкими и сжигая старые письма.

Этой главой (точнее говоря следующей, несуществующей) кончается вторая часть «Повести о Гэндзи», повествующая о жизни самого Гэндзи.

СОКРЫТИЕ В ОБЛАКАХ (КУМОГАКУРЭ)

Текста этой главы не сохранилось, существует одно название, судя по которому в ней должна идти речь о принятии Гэндзи пострига, а затем о его кончине. Это название (если его действительно считать только названием) очень отличается от прочих: оно единственное является непосредственным обобщением содержания. Создается впечатление, что перед нами глава, состоящая из одной строки. Возможно, не желая описывать смерть главного героя, Мурасаки предпочла ограничиться одним указанием на ее, а может, эти слова вставил кто-то другой, стремясь восполнить восьмилетний перерыв, существующий между главой «Кудесник-даос» и главой «Принц Благоуханный».

В древних комментариях говорится: «этой главы не было с самого начала, ее содержание передано одним названием», «содержание главы «Соккрытие в облаках» осталось в душе у автора, наверное, ей не захотелось передавать его миру». Позже неоднократно предпринимались попытки написать эту главу. Но мне кажется, что достаточно ёмко и точно ее суть выражена в словах «Соккрытие в облаках» и всякие описания были бы излишни.

Глава 42 ПРИНЦ БЛАГОУХАННЫЙ (НИОУ-МИЯ)

Этой главой открывается третья часть «Повести», рассказывающая о потомках Гэндзи. Ее главными героями становятся внук Гэндзи, принц Ниоу, и Каору, сын Третьей принцессы (считающийся сыном Гэндзи, но на самом деле являющийся сыном Касиваги). В начале главы принцу Ниоу пятнадцать лет, Каору — четырнадцать. Описываемые события охватывают период в шесть лет.

Принц Ниоу, любимый сын императора и императрицы, живет в доме на Второй линии, когда-то принадлежавшем госпоже Мурасаки. После церемонии совершеннолетия, он получает звание Хёбукё.

Сына Третьей принцессы, Каору, опекают император Рэйдзэй и его супруга, императрица Акиконому, у которой нет собственных детей. После обряда совершеннолетия он получает придворное звание дзидзю, чуть

позже его производят в чин тюдзё. Юношу, до которого дошли кое-какие слухи, мучают сомнения относительно причин принятия матери монашества, но он не может никого спросить об этом открыто.

Каору и принц Ниоу дружат с детства, одновременно соперничая друг с другом. Но если принц Ниоу славится своей любвеобильностью и беспечным нравом, тюдзё Каору слывет человеком рассудительным и благонравным.

Оба юноши увлечены единственной дочерью императора Рэйдзэй.

Югири, сын Гэндзи, имеет теперь звание Правого министра. У него много дочерей. Старшую он уже отдал наследному принцу, младших тоже рассчитывает связать брачными узами с принцами крови. Шестую дочь, красотой которой он особенно гордится (ее мать — То-найси-но сукэ, дочь Корэмицу), он рассчитывает предложить Каору.

Югири берет на себя заботы о доме на Шестой линии и о дамах, которые жили на попечении его отца.

В начале года после соревнований по стрельбе из лука, проходивших во Дворце, Югири приглашает принцев и тюдзё Каору в дом на Шестой линии, где устраивается пиршество с музыкой и танцами. Каору вызывает всеобщее восхищение.

Глава 43

КРАСНАЯ СЛИВА (КОБАЙ)

Действие переносится в семейство младшего брата Касиваги, второго сына покойного великого министра (То-но тюдзё). Его традиционное имя Кобай — Красная слива. В этой главе он имеет звание адзэти-но дайнагон. После того, как скончалась его первая супруга, оставившая ему двух дочерей Ооикими и Нака-но кими, Кобай вступил в брак с Макибасирой, дочерью Хигэкуро (см. гл. «Кипарисовый столб») и вдовой принца Хотару, которая родила ему сына. От принца Хотару у Макибасиры есть дочь.

Старшую дочь, Ооикими, Кобай отдает во Дворец в покои наследного принца. Младшую он надеется сочетать браком с принцем Ниоу. Однажды, сорвав ветку красной сливы, Кобай отправляет ее принцу, естественно сопроводив стихотворением, в котором намекает на желание породниться с ним. Но принца Ниоу интересует не дочь, а падчерица Кобая, дочь покойного принца Хотару. Через ее сводного брата он передает ей письмо. Но девушка не имеет желания вступать в брачный союз.

Глава 44

БАМБУКОВАЯ РЕКА (ТАКЭКАВА)

Время примерно то же самое, что и в главе «Принц Благоуханный».

Действие переносится в семейство Тамакадзуры. У нее от Хигэкуро трое сыновей (Тюдзё, Бэн и То-дзидзю) и две дочери, которых Хигэкуро рассчитывал отдать во Дворец. После его неожиданной смерти, Тамакад-

зура остается без всякой опоры, единственный, кто о ней заботится — Югири. Сыновья ее так или иначе пристроены, но будущее дочерей внушает беспокойство. Император Киндзё то и дело напоминает, о том, что Хигэкуро собирался отдать их во Дворец, но Тамакадзура медлит, опасаясь, что их положение там окажется незавидным. Император Рэйдзэй тоже изъявляет желание взять к себе одну из ее дочерей.

У девушек много поклонников, один из самых активных — сын Югири и Кумои-но кари, которого называют Куродо-но сёсё. Он увлечен старшей дочерью. Тамакадзура готова отдать ему младшую, и то не сразу, а когда он получит более высокое звание. Впрочем, она предпочла бы видеть своим зятем Каору.

Придя поздравить ее с Новым годом, Югири советует отдать старшую дочь в покой экс-императора Рэйдзэй.

Ранней весной Каору и Куродо-но сёсё приходят в дом Тамакадзуры, музицируют с дамами и угощаются вином. В этот день и исполняется песня «Бамбуковая река». Видя, что домочадцы Тамакадзуры очарованы Каору, Куродо-но сёсё падает духом.

Он при каждом удобном случае навещает дом Тамакадзуры. Однажды ему удается подглядеть, как в пору цветения вишен ее дочери играют в го. Ставкой в их игре является вишня, которую каждая хочет считать своей. Выигрывает младшая сестра, и дамы по этому поводу сочиняют множество стихотворений.

После долгих раздумий Тамакадзура решает отдать старшую дочь экс-императору Рэйдзэй. Куродо-но сёсё — в отчаянии. Югири помогает ей готовиться к церемонии представления, хотя и обижен за сына.

Император Киндзё тоже недоволен, поскольку покойный Хигэкуро обещал девушку ему. Он вызывает к себе старшего сына Тамакадзуры и требует объяснений. Тот осыпает упреками мать.

Между тем экс-император Рэйдзэй быстро привязывается к новой супруге. В начале лета у нее рождается девочка, и экс-император Рэйдзэй вне себя от радости. Предпочтение, которое он оказывает дочери Тамакадзуры, навлекает на нее недовольство дам, прислуживающих нёго Кокидэн, и это осложняет ее жизнь во дворце Рэйдзэй.

Поскольку император Киндзё продолжает выказывать свое недовольство, Тамакадзура отдает во Дворец младшую дочь, передав ей свое звание — найси-но ками.

Она намеревается принять постриг, но сыновья уговаривают ее не делать этого.

Через несколько лет у ее старшей дочери рождается мальчик, и благосклонность к ней экс-императора Рэйдзэй увеличивается. Однако нёго Кокидэн чувствует себя обиженной, и между дамами начинаются раздоры. В результате дочь Тамакадзуры большую часть времени проводит в отчем доме. Тамакадзура сожалеет, что отдала ее во дворец Рэйдзэй, тем более, что ее прежние поклонники — и Куродо-но сёсё, и Каору — заняли у мире вполне достойное положение.

Глава 45**ХРАНИТЕЛЬНИЦА МОСТА (ХАСИХИМЭ)**

Первая из так называемых «десяти глав Удзи», повествующих о дочерях Восьмого принца.

Восьмой принц — сын императора Кирицубо, то есть младший брат Гэндзи. Они с супругой жили счастливо, но долго были бездетными, пока наконец у них не родилась сначала одна дочь — Ооикими, потом вторая — Нака-но кими. После рождения второй дочери супруга принца скончалась. Судьба принца сложилась не очень удачно, выдвинуться ему не удалось, и после того, как сгорел его дом, он переселился в Удзи, местечко к югу от столицы, где на берегу реки Удзи находилась принадлежавшая ему усадьба. Принц был склонен к отшельнической жизни и после смерти супруги не стал вступать в новый брак. Неподалеку от его жилища жил известный своей мудростью монах Адзари, сблизившись с которым, принц еще больше утвердился в желании принять постриг. Его останавливало лишь беспокойство за судьбу дочерей, которые к тому времени достигли совершеннолетия.

Адзари рассказывает о Восьмом принце экс-императору Рэйдзэй, и у присутствующего при этом Каору возникает желание встретиться с ним. Постепенно между ними завязывается переписка, и спустя некоторое время Каору сам приезжает в Удзи. Принц становится его наставником, и благодаря ему Каору еще более укрепляется в желании бежать мирских соблазнов и идти по пути просветления.

Проходит три года, и однажды Каору (ему около двадцати двух лет), приехав в Удзи, не застаёт принца: тот уехал на время в горный монастырь, где живет Адзари. Подъехав к усадьбе, юноша слышит, как кто-то играет на кото. Незаметно приблизившись к дому, он видит дочерей принца, перед одной стоит кото, перед другой — бива (эпизод с приманиванием луны плектром). Он совершенно очарован, и просит, чтобы ему разрешили поговорить с девушками. Ооикими приходится ответить ему лично. Потом инициативу разговора подхватывает одна из пожилых прислужниц. Обменявшись с Каору приветствиями, она намекает на свое желание рассказать ему какую-то старую историю. Выясняется, что когда-то она прислуживала покойному Касиваги. Зовут эту старую даму Бэн.

На рассвете за Каору присылают карету, и он уезжает в столицу, на прощание обменявшись с Ооикими стихотворными посланиями. Не в силах забыть ни дочерей принца, ни того, что сказала ему Бэн, он снова приезжает в Удзи. На этот раз принц оказывается дома, и Каору заводит с ним разговор о дочерях. Он снова встречается с Бэн, которая открывает ему тайну его рождения и передает письма Третьей принцессы и Касиваги.

Глава 46**ПОД ДЕРЕВОМ СИИ (СИИГАМОТО)**

Глава является продолжением предыдущей, события, в ней описываемые, занимают примерно два года.

Принц Ниоу (ему двадцать четыре года) на Вторую луну совершает паломничество в Хацусэ и на обратном пути останавливается в принадлежащей Югири усадьбе на берегу реки Удзи, где его встречает Каору (в этой главе он имеет звание сайсё-но тюдзё). Юноши играют в разные игры, музицируют, и звуки музыки долетают до расположенной на противоположном берегу реки усадьбы Восьмого принца. Он посылает Каору письмо, и тот навещает его. Принц Ниоу, завидуя другу, посылает девушкам письмо с веткой сливы. Ответ пишет Нака-но кими. После возвращения в столицу принц Ниоу начинает изредка обмениваться с дочерьми Восьмого принца письмами.

Восьмой принц постепенно слабеет и, чувствуя, что конец близок, просит Каору позаботиться о его дочерях. Девушкам же он наказывает ни в коем случае не вступать в брак, недостойный их высокого звания, пусть лучше навсегда останутся в горной усадьбе. К осени он удаляется в монастырь и там умирает. Сестры безутешны. Каору, к тому время получивший звание Тюнагона, готовит все необходимое для поминальных служб. Свои соболезнования присылает и принц Ниоу.

Спустя некоторое время Каору приезжает в Удзи и настаивает на встрече с Ооикими. После разговора с ней он чувствует себя окончательно очарованным.

Зимой в Удзи становится безлюдно и уныло. Однажды девушек навещает Каору и заводит разговор о принце Ниоу, намекая на то, что Нака-но кими могла бы стать его женой.

Сгорает дом на Третьей линии, где жила мать Каору, Третья принцесса, и она переезжает на Шестую линию. хлопоты, связанные с переездом, не оставляют Каору свободного времени, и только летом он снова выбирается в Удзи. Ему удается подглядеть, как сестры переходят из одной части дома в другую.

Глава 47

ТРОЙНОЙ УЗЕЛ (АГЭМАКИ)

По времени глава является продолжением предыдущей. Проходит год после смерти Восьмого принца, и сестры готовятся к поминальным службам.

Незадолго до окончания срока траура Каору навещает дочерей принца. Он снова намекает на свое желание связать судьбу с Ооикими, но девушка уходит от ответа. Одновременно он просит ее не отталкивать принца Ниоу, проявляющего явный интерес к Нака-но кими. Он пытается заручиться поддержкой Бэн, но та предпочитает не вмешиваться. Ночью Каору проникает в покои Ооикими, но встретившись с ее сопротивлением, не решается настаивать. Ей приходит в голову мысль предложить ему свою сестру, и, когда он приезжает снова и дамы помогают ему проникнуть в ее спальню, она тихонько скрывается, оставив Нака-но кими одну. Однако Каору не согласен на такую замену. Он решает свести Нака-но кими с принцем, надеясь, что тогда Ооикими уступит ему, и тайно привозит принца в Удзи. Принц приезжает в Удзи три ночи подряд и его союз с Нака-но кими можно считать заключенным, но Ооикими по-прежнему неприступна.

Принцу Ниоу не удается часто бывать в Удзи, и девушки чувствуют себя обманутыми. Будущее рисуется Ооикими в самых мрачных красках и в конце концов она заболевает. Между тем слух о том, что в Удзи у принца есть тайная возлюбленная, доходит до императора и императрицы, и они запрещают принцу покидать дворец. Его собираются сочетать браком с Шестой дочерью Югири.

Узнав, что Ооикими нездорова, Каору едет в Удзи. Он объясняет, почему принц не может приехать, и просит сестер набраться терпения.

Между тем до сестер доходит слух о предстоящей женитьбе принца на Шестой дочери Югири, и Ооикими совсем падает духом. Она не хочет жить и все больше слабеет. Приехав в Удзи, Каору застаёт ее в безнадежном состоянии. Он делает все, чтобы спасти ее жизнь, но тщетно, Ооикими умирает. Совершив положенные обряды, Каору проводит в Удзи весь срок скорби. Однажды в холодную снежную ночь приезжает принц, но Нака-но кими не хочет его видеть. Императрица, волнуясь за сына, тайно советует ему перевезти Нака-но кими на Вторую линию.

Глава 48

ПОБЕГИ ПАПОРОТНИКА (САВАРАБИ)

Наступает новый год. Нака-но кими скорбит по отцу и сестре. Адзари присылает ей первые побеги папоротника. Принц Ниоу, которому становится все труднее ездить в Удзи, решает перевезти Нака-но кими в столицу. Узнав об этом, Каору начинает готовиться к переезду. В назначенный день Нака-но кими переезжает в дом на Второй линии, и в горной усадьбе остается одна Бэн, которая, приняв постриг, не хочет возвращаться в столицу.

Югири обеспокоен судьбой своей Шестой дочери, на которую Ниоу не обращает особого внимания. Он готов предложить ее Каору, но тот не склонен вступать в брачный союз.

Между тем принц почти не покидает дома на Второй линии, и их взаимная привязанность с Нака-но кими все усиливается. Каору начинает раскаиваться, что уступил девушку принцу. Он время от времени навещает ее, и принц ревнует.

Глава 49

ПЛЮЩ (ЯДОРИГИ)

Начало главы по времени совпадает с главой «Тройной узел», Каору двадцать четыре года, он имеет звание тюнагона.

Каору и принца Ниоу многие мечтают заполучить в зятья. Сам император Киндзё готов отдать Каору свою дочь, Вторую принцессу. Призвав юношу к себе, он предлагает ему сыграть в го, дав понять, что ставкой в игре будет его дочь. Однако у Каору нет желания связывать себя брачными узами: с одной стороны он стремится к праведной жизни отшельника, с другой — не может забыть Ооикими.

Принц Ниоу под напором матери, которую осаждает просьбами ее старший брат, Югири, вынужден вступить в союз с его дочерью, хотя она ему и не по душе. Нака-но кими обижена и сетует на судьбу, жалея, что уехала из Удзи. К тому же она беременна.

Узнав о страданиях Нака-но кими, Каору раскаивается, что свел с ней принца, и досадует, что сам не связал с ней свою судьбу, как того хотела Ооикими. Время от времени он навещает Нака-но кими, и они беседуют о прошлом.

Принц Ниоу вступает в брак с Шестой дочерью Югири, Року-но кими, и она пленяет его сердце. Каору утешает страдающую Нака-но кими и постепенно сам начинает испытывать к ней нежные чувства. Надеясь отвлечь его, она рассказывает о побочной дочери Восьмого принца, которая похожа на ее покойную сестру, как две капли воды.

После долгого перерыва Каору едет в Удзи. Он решает перенести дом принца поближе к горному монастырю и превратить его в молельню, а на его месте построить новый. Монахиня Бэн рассказывает ему о побочной дочери Восьмого принца.

Каору производят в чин дайсё.

У Нака-но кими рождается мальчик, и принц счастлив. Дары по этому случаю присылают все знатные семейства столицы. Таким образом, положение Нака-но кими как супруги принца оказывается официально признанным.

Каору вступает в брачный союз со Второй принцессой. Тем не менее он продолжает докучать Нака-но кими изъявлениями нежных чувств и упрекать ее в жестокости.

Во дворце устраивается праздник по случаю цветения глицинии, на котором присутствует вся знать. Многие завидуют Каору, видя, как император благоволит к нему.

Спустя некоторое время Каору едет в Удзи посмотреть, как продвигается строительство нового храма, и сталкивается там с побочной дочерью Восьмого принца, о которой он слышал и от Нака-но кими, и от Бэн. Через щель в перегородке Каору удается разглядеть ее — она действительно очень похожа на Ооикими. Он просит Бэн свести его с ней.

Глава 50 БЕСЕДКА (АДЗУМАЯ)

Начиная с этой главы на первый план выходит младшая дочь Восьмого принца, традиционно именуемая Укифунэ — Лодка на волнах. Ее мать, госпожа Тюдзё, выйдя замуж за правителя Хитати, уехала с ним и с дочерью в провинцию. Вернувшись через несколько лет в столицу, она явилась к Нака-но кими засвидетельствовать ей свое почтение. К тому времени ее дочери было около двадцати лет. У правителя Хитати были дети от первого брака, а госпожа Тюдзё родила ему дочь и нескольких сыновей. Однако все ее заботы сосредоточены на старшей дочери, она мечтает о том, чтобы та заняла в мире достойное положение.

Правитель Хитати богат, и многие интересуются его дочерьми. У Укифунэ тоже есть поклонники, и мать собирается отдать ее в жены человеку, которого называют Сакон-но сёсё. Тот же, узнав, что девушка не родная дочь правителя Хитати, в последний момент отказывается от нее и вступает в брак с ее младшей сестрой. Возмущенная госпожа Тюдзё обращается к Нака-но кими с просьбой на некоторое время приютить у себя девушку, и та соглашается.

В доме на Второй линии, Укифунэ случайно попадает на глаза принцу Ниоу, и тот поражен ее красотой. Узнав о происшедшем, госпожа Тюдзё немедленно увозит дочь и прячет ее в строящемся доме на Третьей линии.

Приехав в очередной раз в Удзи, Каору спрашивает монахиню Бэн свести его с Укифунэ. Бэн, зная, где та находится, выезжает в столицу и, последовав за ней, Каору находит девушку. Не обращая внимания на протесты дам, он увозит ее в Удзи, полагая, что будет время от времени навещать ее.

Глава 51

ЛОДКА НА ВОЛНАХ (УКИФУНЭ)

Глава продолжает предыдущую. Принц Ниоу не может забыть увиденную в доме на Второй линии девушку и обвиняет Нака-но кими, подозревая, что та нарочно спрятала ее, та же, не желая выдавать Каору, молчит.

Однажды, увидев письмо Укифунэ, которое девочка-служанка при нем передала Нака-но кими, принц догадывается, что Каору прячет ее в Удзи. Тайно приехав туда, он убеждается, что не ошибся в своих подозрениях. Выдав себя за Каору, принц тайно проникает в покои Укифунэ. Они проводят вместе целый день, потом принц уезжает. После этого ему долго не удастся выбраться в Удзи, и он обменивается с девушкой письмами. Между тем в Удзи приезжает Каору, и его поражает происшедшая в девушке перемена.

В один холодный снежный день принцу все-таки удастся выбраться в Удзи, и он на лодке перевозит Укифунэ в тайное убежище, где они проводят два дня.

Между тем Каору уже назначил день для переезда Укифунэ в столицу. Девушка терзается, не зная как выйти из запутанного положения. А ее дамы и мать, ничего не зная о принце, готовятся к переезду, радуясь, что скоро она займет достойное место в доме Каору. Истинные обстоятельства известны только двум прислужницам — Укон и Дзидзю.

Случается так, что Каору узнает о тайных посещениях принца и пишет девушке письмо, намекая, что ему известно о ее измене. Укифунэ в смятении, а тут еще ее дамы рассказывают историю о женщине, которая имела двоих любовников, один из которых в конце концов убил другого. По требованию Каору сторожа никого не подпускают к усадьбе, и приехавшему как-то принцу не удастся проникнуть в дом. Укифунэ приходит к выводу, что единственный выход — умереть. Она задумывает потихоньку выскользнуть ночью из дома и броситься в реку. А на прощанье пишет несколько стихотворений для матери...

Глава 52

ПОДЁНКИ (КАГЭРО)

В Удзи все разыскивают неведомо куда пропавшую Укифунэ. Читая ее прощальные письма, Укон и Дзидзю догадываются, что она бросилась в реку, остальные пребывают в неведении. Посланцу принца говорят, что она скончалась. Пораженный принц посылает в Удзи своего приближенного, Токикату, и тому удается узнать от Дзидзю, что девушка покончила с собой. В Удзи приезжает госпожа Тюдзё, и дамы рассказывают ей о том, что случилось. Поспешно справляется ложный обряд погребения.

Узнав о случившемся, Каору раскаивается, что поселил девушку в таком глухом месте. И Каору, и принц Ниоу предаются скорби. Одновременно оба подозревают друг друга, и каждый старается выяснить, что же произошло на самом деле.

Далее действие переносится во Дворец. И принц Ниоу, и Каору часто бывают в покоях Первой принцессы. Однажды летом Каору удается подглядеть сквозь щель в перегородке, как дамы принцессы откалывают от ледяной глыбы кусочки льда и прикладывают их к телу, спасаясь от жары. Эта сцена так пленяет его, что он пытается воспроизвести ее в покоях своей супруги. Очарованный принцессой, он придумывает разные уловки, чтобы побольше узнать о ней.

Оба, и принц Ниоу, и Каору, находят утешение в том, что беседуют с дамами императрицы Акаси, обмениваясь с ними стихами и шутками и пытаясь подглядеть за интересующими их особами. Не остаются они равнодушными и к судьбе дочери покойного принца Сикибукё, госпожи Мия, которая после смерти отца оказалась в бедственном положении и вынуждена была пойти в услужение.

Глава 53

УПРАЖНЯЯСЬ В КАЛЛИГРАФИИ... (ТЭНАРАИ)

В этой главе место действия резко меняется и возникают совершенно другие персонажи. На первый план выходит некий Содзу, монах из Ёкавы. Его мать и сестра совершают паломничество в Хацусэ, и по дороге старая монахиня заболевает. Они останавливаются у своего знакомого в Удзи и сообщают об этом Содзу. Больную перевозят в опустевшую старинную усадьбу, с управителем которой Содзу знаком. Осматривая окрестности усадьбы, монахи находят в саду под деревом какую-то странную женщину. Они принимают ее за оборотня, но Содзу убеждает их в том, что это обычная женщина, которая нуждается в помощи. В конце концов женщину переносят в дом, и сестра Содзу, которой недавно приснился вещий сон о том, что к ней вернется покойная дочь, принимается ухаживать за ней. Постепенно той становится лучше, но она только плачет и говорит, что хочет умереть.

Когда старая монахиня выздоравливает, женщины возвращаются в свой дом в Оно. В конце концов Содзу удается изгнать духа, владевшего телом незнакомки, и больная приходит в себя. Она плохо помнит, что с ней про-

изошло, и целыми днями плачет. А оправившись, просит разрешения принять постриг, но монахиня отказывает ей. Женщина проводит дни в глубокой задумчивости, перебирая в памяти события прошлой жизни, сетуя на судьбу и записывая печальные стихи.

Однажды в Оно приезжает бывший зять монахини, Тюдзё. Он случайно видит женщину и, пленившись ею, стремится установить с ней более близкие отношения. Дамы готовы ему помогать, и девушка боится, что ему удастся добиться своего. И когда монахиня с прислужницами отправляется в Хацусэ, она уговаривает Содзу, остановившегося в Оно по пути в столицу, принять у нее монашеский обет. Он после некоторых колебаний соглашается, и девушка становится монахиней.

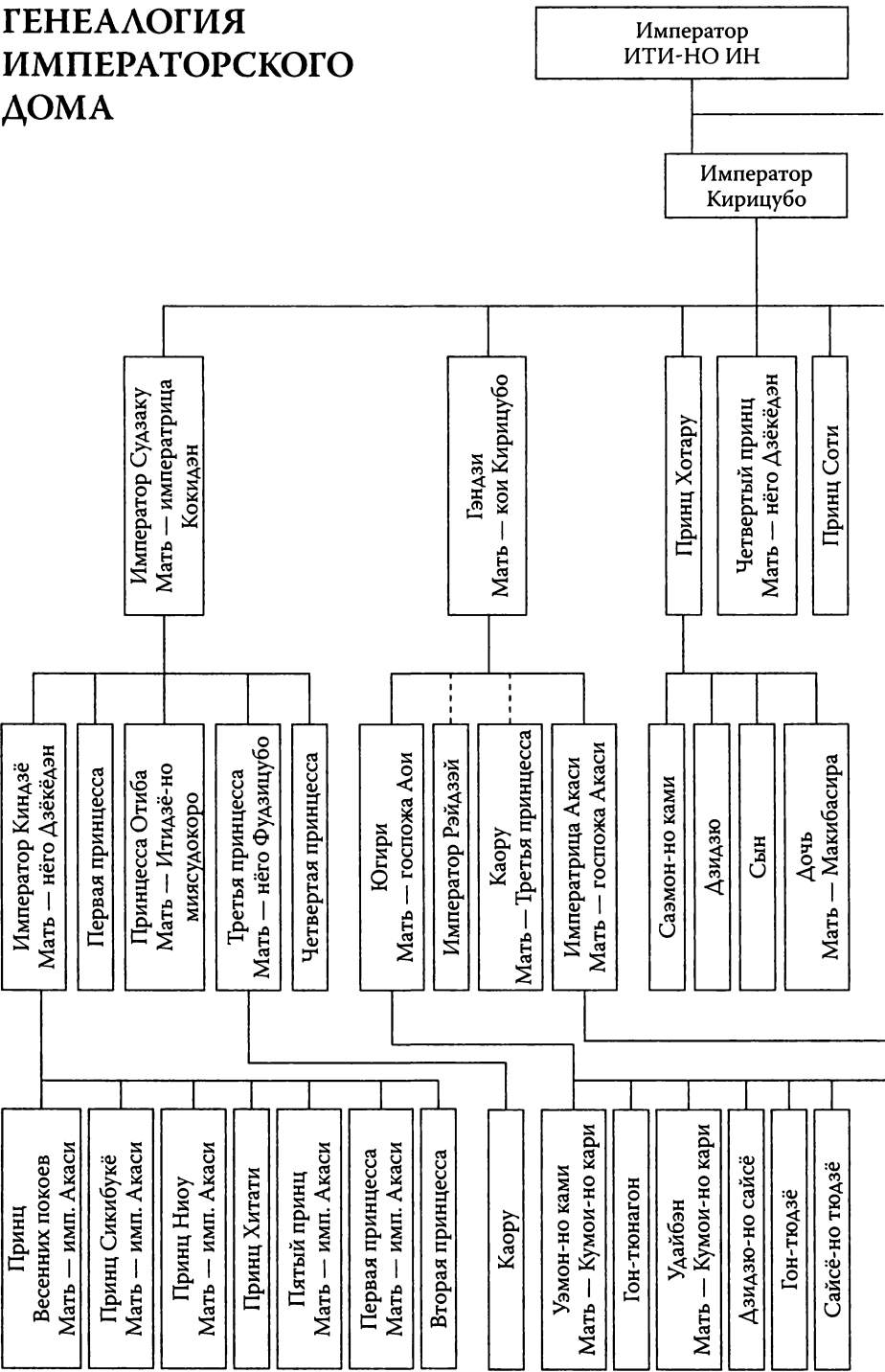
Приехав в столицу, куда его вызвали, чтобы читать молитвы об исцелении заболевшей Первой принцессы, Содзу в беседе с императрицей Акаси рассказывает о девушке из Оно. При разговоре присутствует возлюбленная Каору, Косайсё. Она сообщает об услышанном Каору и тот, потрясенный, решает узнать, действительно ли речь идет об Укифунэ. Для начала он едет в Ёкава, взяв с собой младшего сына госпожи Тюдзё.

Глава 54

ПЛАВУЧИЙ МОСТ СНОВ (ЮМЭ-НО УКИХАСИ)

Приехав в Ёкава, Каору беседует с Содзу и, незаметно переведя разговор на обитательниц Оно, расспрашивает о найденной в Удзи женщине. Содзу рассказывает ему все без утайки и винит себя в том, что разрешил женщине принять постриг. Каору просит его посредничества, он хочет встретиться с Укифунэ, и показывает Содзу ее младшего брата, Когими. Содзу отказывается быть посредником, но в конце концов соглашается передать в Оно письмо с Когими. По дороге в столицу Каору отправляет мальчика в Оно, объяснив ему, что он встретит там свою сестру. Письмо от Содзу читает монахиня и просит Укифунэ рассказать ей все. Та отказывается, оправдывая себя тем, что ничего не помнит, хотя, разумеется, узнает брата. Когими приносит письмо и от Каору, но Укифунэ не желает на него отвечать. Надежды Каору оказываются обманутыми, он начинает подозревать, что кто-то нарочно прячет девушку в Оно...

ГЕНЕАЛОГИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ДОМА

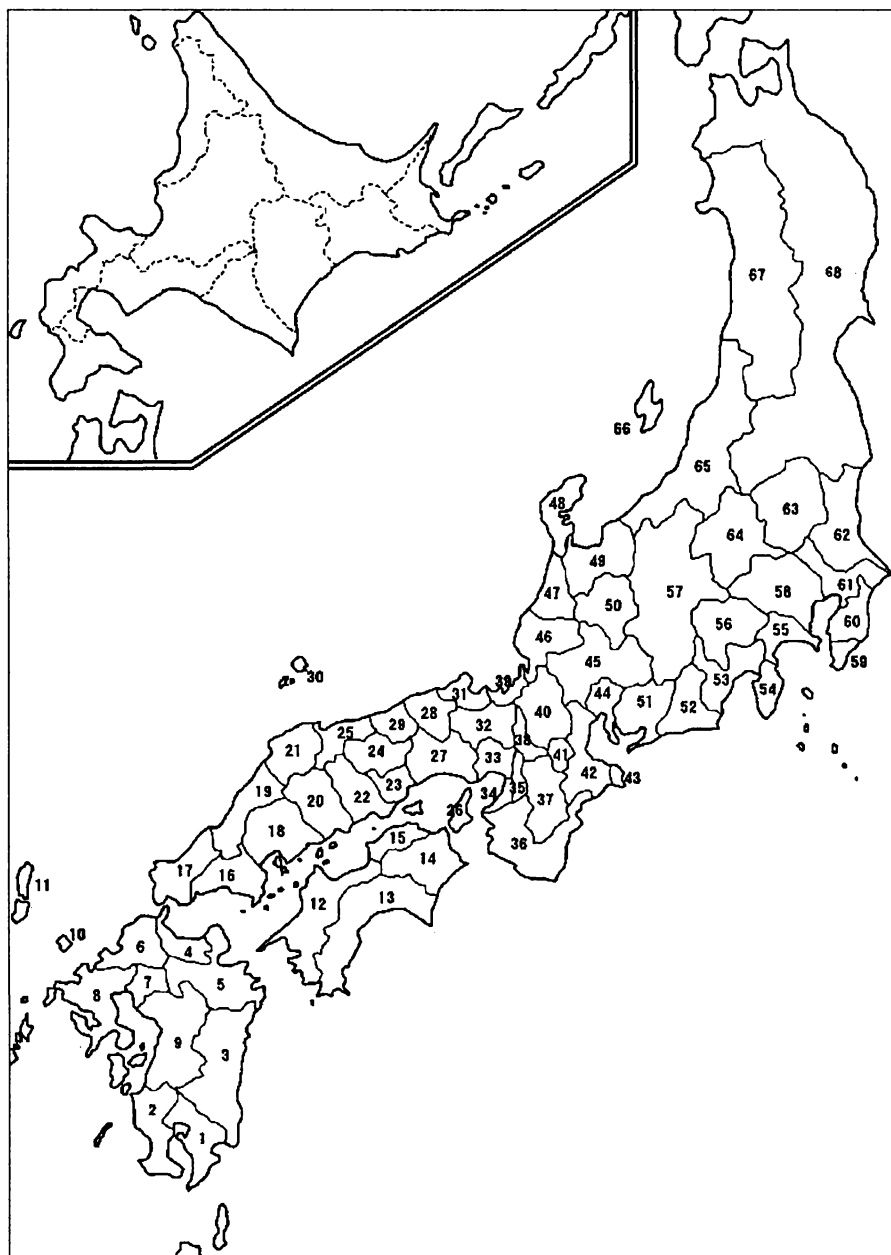

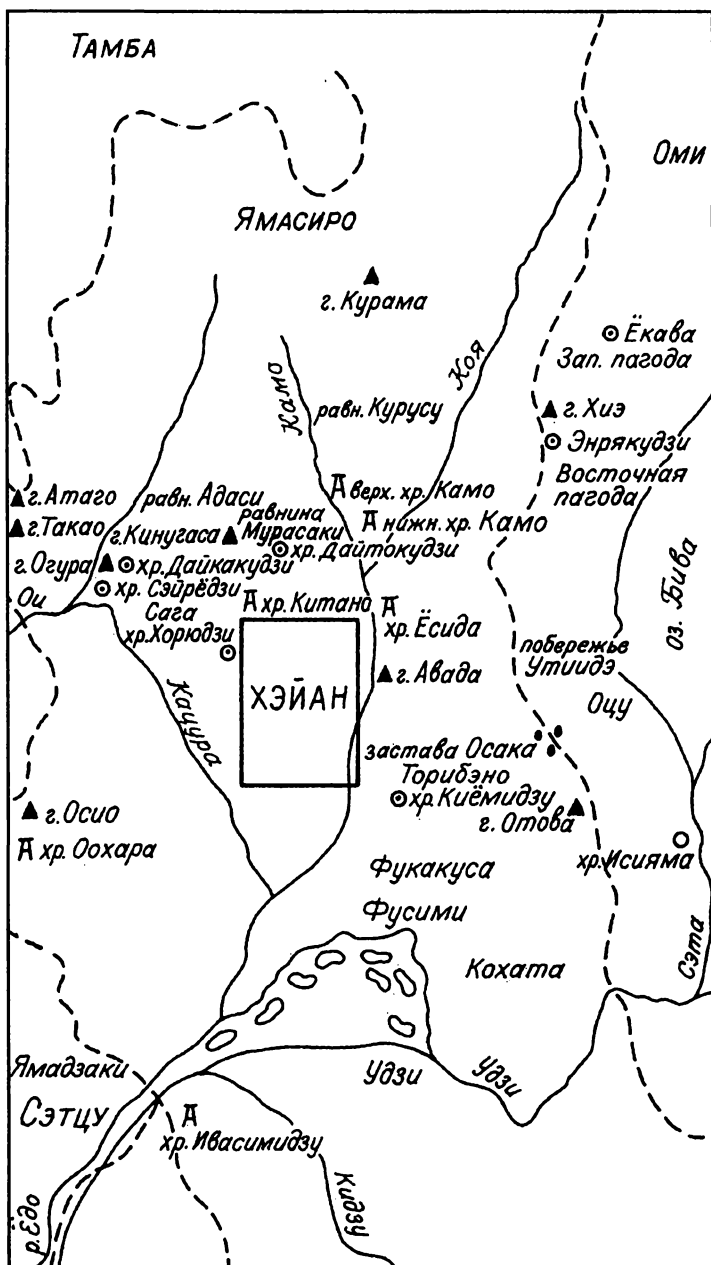
ОСНОВНЫЕ ПРОВИНЦИИ И СТОЛИЦА ЯПОНИИ В ЭПОХУ ХЭЙАН

1. Оосуми	24. Мимасака	47. Кага
2. Сацума	25. Хоки	48. Ното
3. Хюга	26. Авадзи	49. Эттю
4. Бидзэн	27. Харима	50. Хида
5. Бунго	28. Тадзима	51. Микава
6. Тикудзэн	29. Инаба	52. Тоотоми
7. Тикуго	30. Оки	53. Суруга
8. Хидзэн	31. Танго	54. Идзу
9. Хиго	32. Тамба	55. Сагами
10. Ики	33. Сэтцу	56. Каи
11. Цусима	34. Идзуми	57. Синано
12. Иё	35. Кавати	58. Мусаси
13. Тоса	36. Кии	59. Ава
14. Ава	37. Ямато	60. Кадзуса
15. Сануки	38. Ямасиро	61. Симоса
16. Суо	39. Вакаса	62. Хитати
17. Нагато	40. Оми	63. Симоцукэ
18. Аки	41. Ига	64. Кодзукэ
19. Ивами	42. Исэ	65. Этиго
20. Бинго	43. Сима	66. Садо
21. Идзумо	44. Овари	67. Дэва
22. Биттю	45. Мино	68. Муцу
23. Бидзэн	46. Этидзэн	

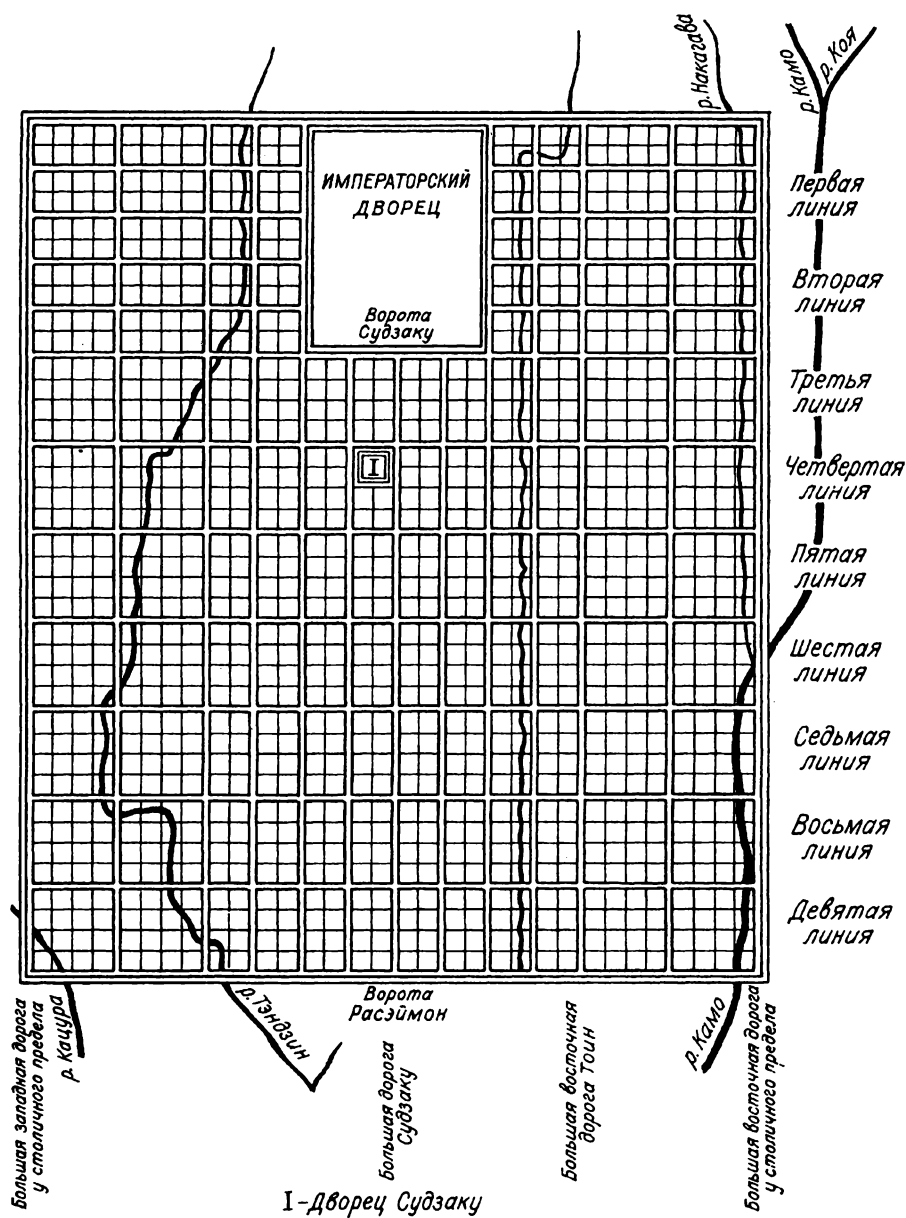
ОСНОВНЫЕ ПРОВИНЦИИ И СТОЛИЦА ЯПОНИИ

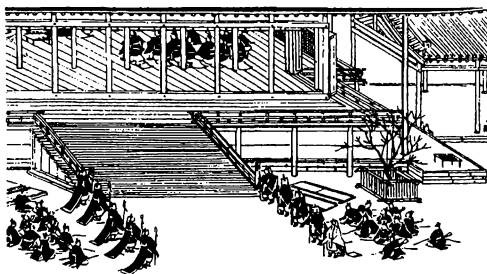
Основные провинции Японии

Окрестности столицы Хэйан

Столица Хэйан

ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОРЦОВЫЙ КОМПЛЕКС И АРИСТОКРАТИЧЕСКАЯ УСАДЬБА В ЭПОХУ ХЭЙАН

Амикудэн (дворец Спокойного счастья) — здание близ главных внутренних ворот Сёмэймон в западной части дворцового комплекса. Здесь помещались придворные лекари.

Анкимон (ворота Спокойной радости) — внутренние ворота северо-восточного дворцового комплекса.

Бутокумон (ворота Доблестной добродетели) — внутренние западные ворота дворцового комплекса.

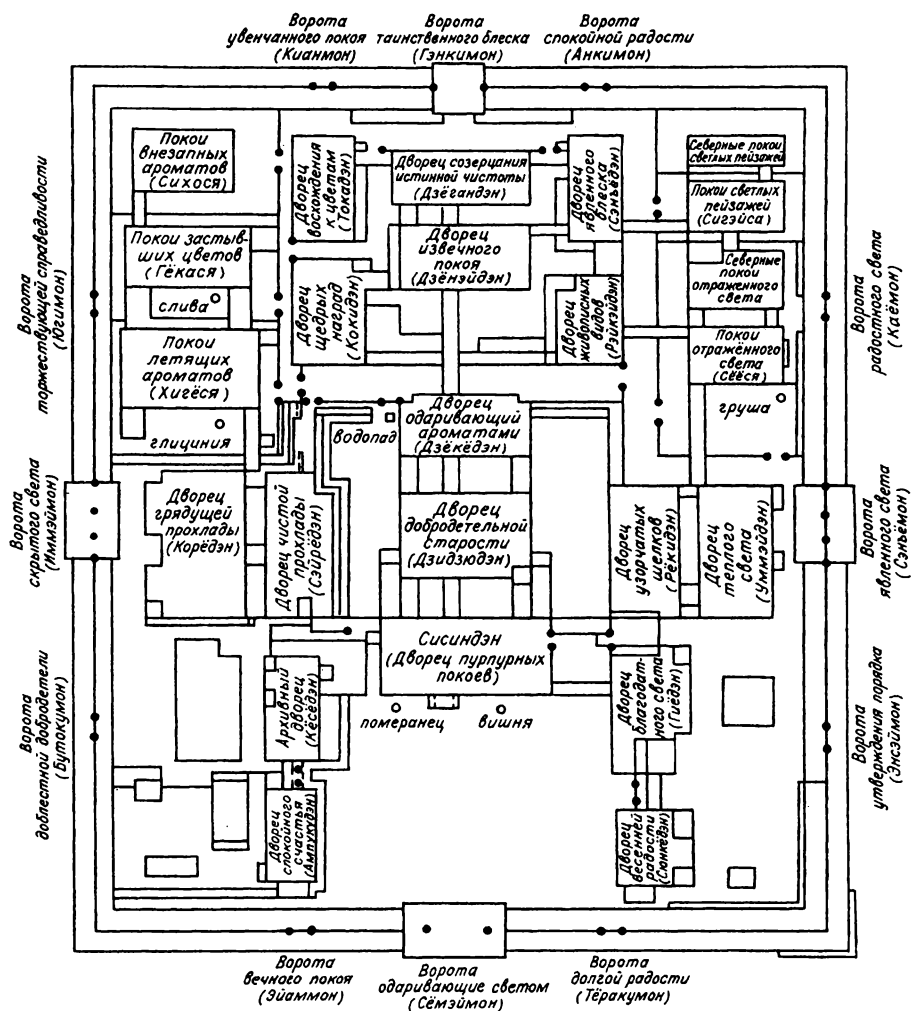
Гёкася (покои Застывших цветов) — находятся в северо-западной части дворцового комплекса. Обычно там жили придворные дамы. У входа росли красная и белая сливы, поэтому иначе это здание называли Умэцубо — Сливовый павильон.

Гиёдэн (дворец Благодатного света) — расположен с восточной стороны от дворца Сисиндэн (главного здания дворцового комплекса). В Гиёдэн хранились фамильные ценности императорского семейства, там же проходили обсуждения важных государственных дел. Дворец Гиёдэн соединялся галереей с северной частью дворца Сյункёдэн. Галерея носила название Сакон-но дзин (Левая караульня), там помещались воины излевой личной императорской охраны.

Гэнкимон (ворота Таинственного блеска) — северные внутренние ворота дворцового комплекса.

Дзёгандэн (дворец Созерцания истинной чистоты) — находится в северной части дворцового комплекса. Его зани-

ДВОРЦОВЫЙ КОМПЛЕКС И АРИСТОКРАТИЧЕСКАЯ УСАДЬБА

мали чиновники, ведавшие делами женских покоев дворца. Там же находились покои Высочайшего ларца (Микусигэдоно), где шились и хранились наряды для императорского семейства.

Дзёкёдэн (Дворец Одаривающий ароматами) — здание, расположенное в центре дворцового комплекса, севернее Дзидзюдэн. Здесь устраивались пиршества, проводились поэтические турниры и музицирования.

Дзёнэйдэн (Дворец Извечного покоя) — находится в северной части дворцового комплекса. В Дзёнэйдэн жили императрицы и наложницы высших рангов. Как правило, именно там устраивались танцы «пяти танцовщиц» («госэти»), поэтому дворец называли также дворцом Пяти танцовщиц — Госэтидэн.

Дзидзюдэн (Дворец Добродетельной старости) — здание в центральной части дворцового комплекса, севернее Сисиндэн. Сначала в этом дворце

жил сам император, позже, когда местом постоянного пребывания высочайшей особы стал дворец Сэйрёдэн, здесь стали устраивать торжественные пиршества, проводить соревнования по сумо, игры в мяч и пр.

Иммэймон (ворота Сокрытого света) — внутренние дворцовые ворота. Находятся с западной стороны комплекса.

Каёмон (ворота Радостного света) — внутренние дворцовые ворота. Находятся с восточной стороны комплекса, недалеко от покоев Сёёся.

Кёсёдэн (Архивный дворец) — находится с западной стороны от Сисиндэн, напротив Гиёдэн. Здесь размещался Императорский архив — Курододокоро. В юго-западной части дворца располагались мастерские (цукумодокоро), где изготовлялась утварь для высочайшего семейства.

Кианмон (ворота Увенчанного покоя) — внутренние северо-западные ворота дворцового комплекса.

Кокидэн (дворец Щедрых наград) — находится в северо-западной части дворцового комплекса, непосредственно за Дзёкёдэн. Как правило, в Кокидэн жили самые влиятельные наложницы.

Корёдэн (дворец Грядущей прохлады) — расположен к западу от Сэйрёдэн. Обычно здесь жили наложницы высших рангов.

Рёкидэн (дворец Узорчатых шелков) — расположен к северо-востоку от Сисиндэн. В Рёкидэн хранилась утварь и одеяния для синтоистских ритуалов.

Рэйкэйдэн (дворец Живописных видов) — находится в северо-восточной части дворцового комплекса. Здесь жили императрицы или наложницы высших рангов.

Сёёся (покои Отраженного света) — находятся в восточной части дворцового комплекса и состоят из Северного и Южного строений. Южное называется также Грушевым павильоном (Насицубо), поскольку перед ним растет груша. В покоях Отраженного света жили императорские наложницы, часто здесь размещался и наследный принц.

Сёмэймон (ворота Одаривающие светом) — центральные ворота дворца.

Сигэйса (покои Светлых пейзажей) — находятся в северо-восточной части дворцового комплекса. Южное строение называется также павильоном Павлонии (Кирицубо), поскольку перед входом растет павлония. Здесь жили менее влиятельные наложницы.

Сисиндэн (дворец Пурпурных покоев) — главное здание дворцового комплекса. Находится в южной его части, поэтому иногда называется также Южным дворцом (Надэн). У входа с восточной стороны растет вишня, с западной — померанец.

Сихося (покои Внезапных ароматов) — находятся в северно-западной части дворцового комплекса. Обычно здесь жили придворные дамы, а также размещался глава Правой личной императорской охраны (Удайсё), когда оставался на ночь во дворце. Недалеко от входа в покои Внезапных ароматов находилось сожженное молнией дерево, поэтому это здание называли Грозным павильоном (Каннарицубо).

Сэйрёдэн (дворец Чистой прохлады) — расположен к северо-западу от Сисиндэн. Здесь обычно жил сам император, а также устраивались некоторые церемонии (Утреннее поздравление в первый день года и пр.).

В восточном саду дворца — ручей, образующий небольшой (высотой примерно 20 см) водопад. Около этого водопада постоянно дежурил кто-нибудь из придворных (так называемый страж Водопада).

Сэньёдэн (дворец Явленного блеска) — расположен в северной части дворцового комплекса. В Сэньёдэн жили императорские наложницы.

Сэньёмон (ворота Явленного света) — восточные внутренние дворцовые ворота.

Сюнкёдэн (дворец Весенней радости) — расположен к юго-востоку от Сисиндэн. Здесь хранилось оружие и амуниция.

Тёракумон (ворота Долгой радости) — внутренние дворцовые ворота. Находятся с юго-восточной стороны комплекса.

Токадэн (дворец Восхождения к цветам) — расположен в северной части дворцового комплекса. Здесь жили императрицы и наложницы высших рангов.

Уммэйдэн (дворец Теплого света) — находится с восточной стороны от Сисиндэн. В покоях этого дворца хранились регалии императорской власти — зеркало, яшма и меч.

Хигёся (покои Летящих ароматов) — расположены с северо-западной стороны от Сэйрёдэн. Это здание называют также павильоном Глицинии (Фудзицубо), потому что перед входом растет глициния. В Хигёся жили императрицы и императорские наложницы.

Эйаммон (ворота Вечного покоя) — внутренние дворцовые ворота (юго-западные).

Энсэймон (ворота Утверждения порядка) — внутренние дворцовые ворота (юго-восточные).

Югимон (ворота Торжествующей справедливости) — внутренние дворцовые ворота (западные).

Аристократическая усадьба в эпоху Хэйан

- 1 — Главный дом
- 2 — Восточный флигель
- 3 — Западный флигель
- 4 — Галерея
- 5 — Срединные ворота
- 6 — Галерея
- 7 — Срединные ворота
- 8 — Галерея
- 9 — Павильон над Источником
- 10 — Павильон для Рыбной Ловли
- 11 — Пруд
- 12 — Срединный остров
- 13 — Служебные помещения
- 14 — Каретная

СТРУКТУРА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЭПОХУ ХЭЙАН

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ (ДАЙДЗЁКАН) (табл. 1)

Высший административный орган. Главой Государственного совета был Великий министр (*дайдзёдайдин*). В начале эпохи Хэйан великими министрами становились, как правило, принцы крови, но к концу X в. это звание перешло к регентам и канцлерам. Должность чисто номинальная.

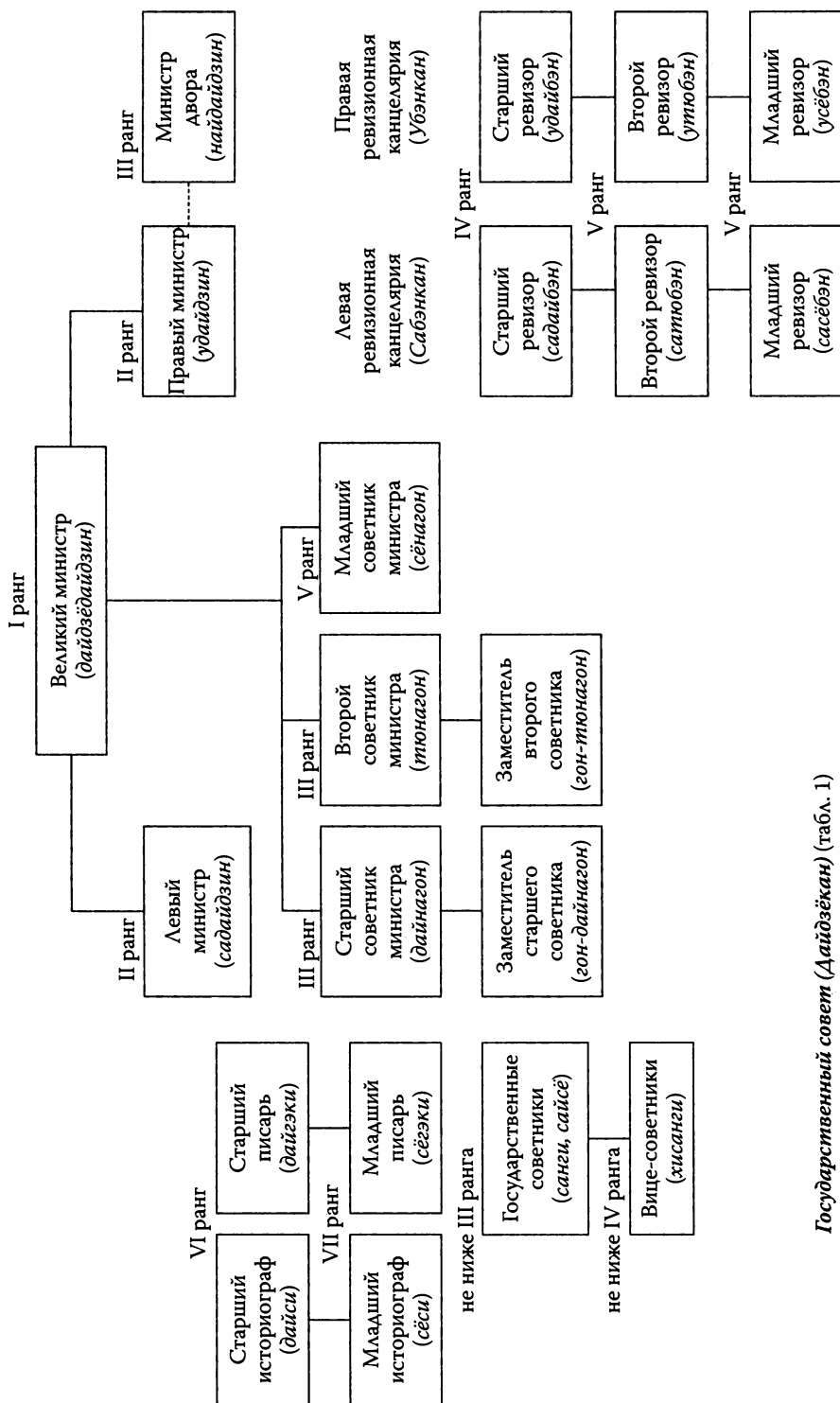
Левый министр (*садайдин*) — фактически основная фигура в Государственном совете, занимавшаяся делами правления.

Правый министр (*удайдин*) замещал левого министра в его отсутствие. Ведал подготовкой и проведением различных придворных церемоний.

Министр двора (*найдайдин*) — должность, не предусмотренная кодексом Тайхорё. Министр двора непосредственно занимался делами императорского семейства и замещал левого и правого министров в их отсутствие.

Первым министром двора был Фудзивара Каматари (614–669) — один из высших сановников при дворе императора Тэндзи (626–671), основатель рода Фудзивара. После него министры двора не назначались, и только в конце VIII в. эта должность была восстановлена, хотя бывали периоды, когда во главе Государственного совета стояли только три министра — великий, левый и правый.

Старший советник министра (*дайнагон*) непосредственно подчинялся великому министру. Ведал всеми делами в случае отсутствия министров. Кодекс Тайхорё предусматривал

наличие четырех дайнагонов, но вскоре их число сократилось до двух. При императоре Уда (887–897) была учреждена должность заместителя старшего советника (*гон-дайнагон*), в результате чего старших советников стало трое. Впоследствии число заместителей увеличилось, и соответственно увеличилось число старших советников (их стало сначала восемь, затем шесть). *Гон-дайнагон* со временем обычно становился *дайнагоном*.

Второй советник министра (*тюнагон*) — должность, не предусмотренная кодексом Тайхорё. Возникла, когда число старших советников (*дайнагонов*) сократилось до двух. В 756 г. была введена должность заместителя второго советника (*гон-тюнагон*). Заместитель второго советника со временем, как правило, становился вторым советником. Выполнял те же функции, что и старший советник.

Младший советник министра (*сёнагон*). Основной обязанностью младшего советника была передача императорских указов. У него хранились императорская печать, печать Государственного совета и «колокольчик императорского посланца» (который вручался каждому придворному, отправлявшемуся куда-то по распоряжению императора). По звону этого колокольчика придворного должны были обеспечить на станциях всем необходимым для дальнейшего передвижения. Кроме того, младший советник должен был переписывать набело основные указы и постановления.

После того как в 810 г. был учрежден Императорский архив (*Курододокоро*), многие функции младших советников перешли к архивариусам (*куродо*), и в их ведении остались только колокольчик и печати.

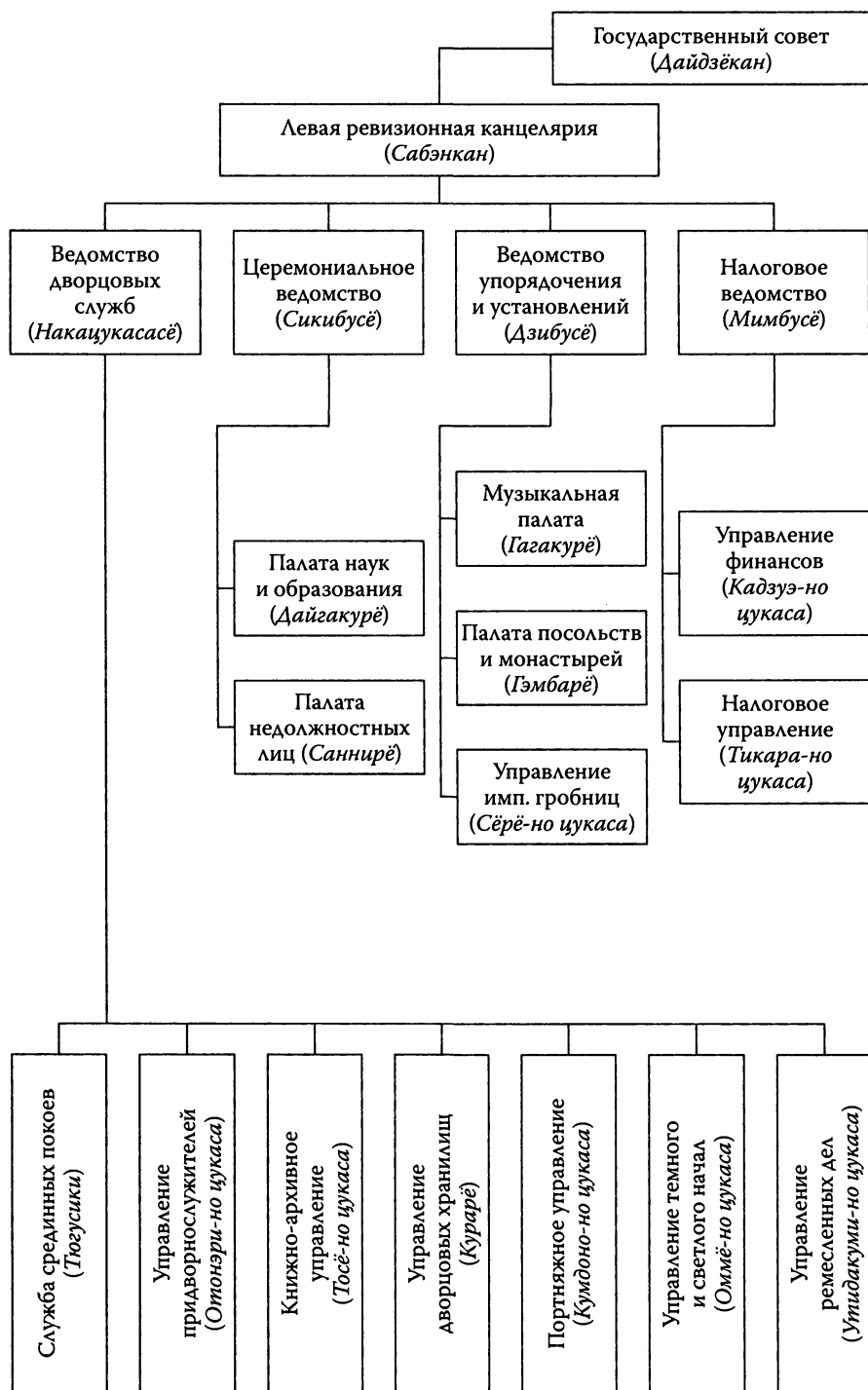
Левая и Правая ревизионные канцелярии (*Сабэнкан*, *Убэнкан*) — подчинялись непосредственно Государственному совету. Ревизоры осуществляли контроль за восемью ведомствами. Каждая канцелярия надзирала за деятельностью четырех ведомств (табл. 2), имея в своем распоряжении всю их документацию. Ревизоры, как правило, назначались из среды ученых.

Государственные советники (*санги*, *сайсё*) — должность, не предусмотренная кодексом Тайхорё. Советники входили в состав Государственного совета и привлекались к обсуждению важнейших государственных дел наравне с министрами и их советниками (дайнагонами). Обычно на эту должность назначали людей, известных своей ученостью. Советники, как правило, одновременно занимали ведущие места в других ведомствах.

Вице-советники (*хисанги*) — лица Четвертого ранга (а не Третьего, необходимого для того, чтобы стать советником), по ряду причин допускаемые до участия в обсуждении государственных дел наравне с советниками.

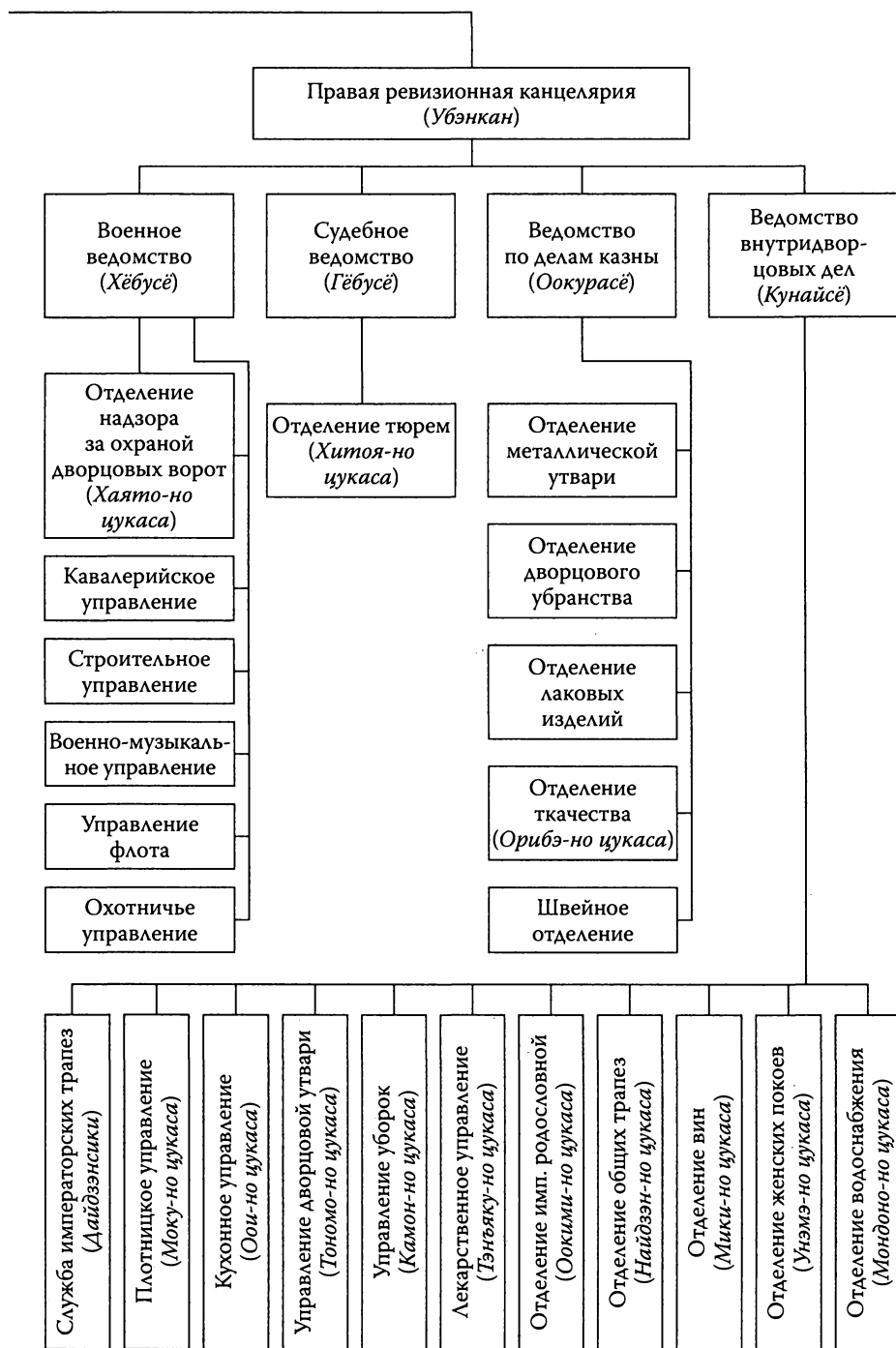
ВОСЕМЬ ВЕДОМСТВ (табл. 2)

1. Ведомство дворцовых служб (*Накацукасаё*) — ведало внутренними делами императорского дворца. Главой ведомства (Накацукасаё) становилось лицо Четвертого ранга, как правило принц крови. Одной из важнейших должностей в Ведомстве дворцовых служб являлась должность близкоприслуживающего (*дзидзю*). На эту должность обычно назначались

Восемь ведомств (табл. 2)

СТРУКТУРА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

юноши из знатнейших столичных семейств, имеющие Пятый ранг и недавно начавшие служить во дворце. *Дзидзю* должен был постоянно находиться при императоре, опекать его, следить за исполнением его желаний, наблюдать за точным следованием этикету. Нередко *дзидзю* имел также должность в Государственном совете, являясь советником министра (*дайнагоном* или *тюнагоном*) или государственным советником (*санги*).

Ведомство дворцовых служб имело в своем подчинении шесть управлений (*рё* или *цукаса*) и Службу срединных покоев (*Тюгусики*).

Начальниками управлений (*то*) назначались чиновники Пятого ранга. Главой Службы срединных покоев (*дайбу*) был чиновник Четвертого ранга.

2. Церемониальное ведомство (*Сакибусё, Нори-но цукаса*) — ведало проведением всех дворцовых церемоний и их подготовкой, занималось вопросами образования и контролировало деятельность гражданских чиновников.

Главой ведомства мог быть только принц крови не ниже Четвертого ранга. Глава ведомства (*сикибукё*) имел в своем распоряжении двух помощников, назначаемых из числа чиновников Пятого ранга. Старший помощник обычно являлся наставником императора.

Церемониальному ведомству подчинялась Палата наук и образования (*Дайгакурё*), непосредственно занимавшаяся подготовкой и обучением государственных чиновников. Глава Палаты наук (*то*) обычно определял порядок проведения больших праздников, руководил их подготовкой.

3. Ведомство упорядочения и установлений (*Дзибусё, Осамуру-цукаса*) — занималось различными тяжбами, ведало вопросами родословных, в семьях выше Пятого ранга разрешало споры о наследстве, браках, об установлении старшинства среди членов рода, руководило проведением похорон, подготовкой к государственным дням скорби, ведало монастырями и приемом иностранных послов.

Главой ведомства (*дзибукё*) могло быть лицо не ниже Четвертого ранга.

Ведомству подчинялось три управления, начальниками которых (*то*) назначались чиновники Пятого ранга.

Музыкальная палата (*Гагакурё*) — осуществляла подготовку танцоров и музыкантов для дворцовых празднеств, занималась обучением юношей из аристократических семейств танцам, пению и музыке.

Палата посольств и монастырей (*Гэмбарё*) — занималась отправлением послов в другие страны и приемом чужеземных посольств, ведала делами монастырей.

Управление императорских гробниц (*Сёрёрё*) — ведало организацией похорон для членов императорского семейства, осуществляла контроль над состоянием гробниц.

4. Налоговое ведомство (*Мимбусё*) ведало учетом населения, сбором налогов и назначением трудовых повинностей.

Главой ведомства (*мимбукё*) могло быть лицо не ниже Четвертого ранга.

Ведомству подчинялись два управления: Управление финансов (*Кадзү-но цукаса*), ведавшее учетом населения и контролировавшее финансовое остояние страны, и Налоговое управление (*Тикара-но цукаса*), ведавшее непосредственным сбором налогов и назначением трудовых повинностей.

Начальниками управлений (*то*) назначались чиновники Пятого ранга.

5. Военное ведомство (*Хёбусё, Цувамоно-но цукаса*) — занималось обучением воинов, подготовкой и формированием военных отрядов, ведало военной амуницией, конюшнями и пр.

Главой ведомства (*хёбукё*) назначался принц крови не ниже Четвертого ранга.

Военному ведомству первоначально подчинялось пять управлений: кавалерийское, строительное, военно-музыкальное, флота, охотничье. Позже управления были частично объединены, частично ликвидированы и в непосредственном подчинении Военного ведомства осталось только одно Отделение надзора за охраной дворцовых ворот (*Хаято-но цукаса*), которое контролировало деятельность дворцовой охраны.

Главой Отделения надзора (*ками*) был чиновник Шестого ранга.

6. Судебное ведомство (*Гёбусё*) — занималось рассмотрением прошений и назначением наказаний за провинности.

Главой ведомства (*гёбукё*) могло быть лицо не ниже Четвертого ранга.

Ведомству подчинялось Отделение тюрем (*Хитоя-но цукаса*), ведавшее вопросами содержания заключенных.

Глава Отделения (*ками*) назначался из числа чиновников Шестого ранга.

7. Ведомство по делам казны (*Оокурасё*) — учитывало и распределяло поступавшие из провинции доходы, устанавливало цены, ведало хранением золота, серебра, драгоценных камней.

Главой ведомства (*окуракё*) назначалось лицо не ниже Четвертого ранга.

Сначала ведомство имело в своем распоряжении пять управлений: металлической утвари, лаковых изделий, швейное, ткачества, дворцового убранства. Затем управления объединились или были ликвидированы, и осталось одно Отделение ткачества (*Орибэ-но цукаса*), глава которого (*ками*) имел, как правило, Шестой ранг.

8. Ведомство внутридворцовых дел (*Кунайсё*) — ведало всеми службами, связанными с внутренней жизнью дворца.

Глава ведомства (*кунайкё*) имел обычно Четвертый ранг.

Ведомству подчинялись: Служба императорских трапез (*Дайдзэн-сики*) во главе с дайбу, который назначался из чиновников Пятого разряда; пять управлений (*рё* или *цукаса*) во главе с *то*, назначавшимися из чиновников Пятого ранга, и пять отделений (*цукаса*) во главе с *сё*, имевшими, как правило, Шестой ранг.

ШЕСТЬ СЛУЖБ СТОРОЖЕВОЙ ОХРАНЫ (табл. 3)

1. Левая и Правая личные императорские охраны (*Саконоэффу, Уконоэффу*) — охраняли императорский дворец, сопровождали императора при выездах.

Во главе охраны стоял старший военачальник (*дайсё*), имевший Третий ранг. В середине эпохи Хэйан *дайсё*, как правило, одновременно являлся министром или советником министра (*дайнагоном* или *тюнагоном*).

Личная императорская охрана (<i>Коноэфу</i>)	Правая личная императорская охрана (<i>Саконэфу</i>)	Дворцовая охрана (<i>Хээфу</i>)	Правая дворцовая охрана (<i>Ухээфу</i>)	Привратная охрана (<i>Эмонфу</i>)	Левая привратная охрана (<i>Сэмонфу</i>)	Правая привратная охрана (<i>Уэмонфу</i>)
III ранг	Старший военачальник (<i>са</i>)дайсэ	Старший военачальник (<i>у</i>)дайсэ	Начальник стражи (<i>са</i>)хээ-но kami	Начальник стражи (<i>у</i>)хээ-но kami	Начальник стражи (<i>са</i>)эмон-но kami	Начальник стражи (<i>у</i>)эмон-но kami
IV ранг	Второй военачальник (<i>са</i>)тюдзэ	Второй военачальник (<i>у</i>)тюдзэ	Помощник начальника стражи (<i>са</i>)хээ-но сукэ	Помощник начальника стражи (<i>у</i>)хээ-но сукэ	Помощник начальника стражи (<i>са</i>)эмон-но сукэ	Помощник начальника стражи (<i>у</i>)эмон-но сукэ
V ранг	Младший военачальник (<i>сакон-но</i>)сэсэ	Младший военачальник (<i>у</i>)кон-но)сэсэ	Старший стражник (<i>са</i>)хээ-но дзо	Старший стражник (<i>у</i>)хээ-но дзо	Старший стражник (<i>са</i>)эмон-но дзо	Старший стражник (<i>у</i>)эмон-но дзо
VI ранг	Старший стражник (<i>сакон-но</i>)дзо	Старший стражник (<i>у</i>)кон-но)дзо	Младший стражник (<i>са</i>)хээ-но сёдзэ	Младший стражник (<i>у</i>)хээ-но сёдзэ	Младший стражник (<i>са</i>)эмон-но сёдзэ	Младший стражник (<i>у</i>)эмон-но сёдзэ
VII ранг	Младший стражник (<i>са</i>)сёсо	Младший стражник (<i>у</i>)сёсо	Помощники стражника старший, младший дайсакан, сёсакан	Помощники стражника старший, младший дайсакан, сёсакан	Помощники стражника старший, младший дайсакан, сёсакан	Помощники стражника старший, младший дайсакан, сёсакан

Шесть служб сторожевой охраны (табл. 3)

В подчинении у старшего военачальника находился второй военачальник (*тюдзё*). *Тюдзё* имел, как правило, Четвертый ранг и одновременно мог быть назначен государственным советником (*сайсё-но тюдзё*) или главным архивариусом (*то-но тюдзё*). В составе Личной императорской охраны было обычно два или четыре военачальника.

Младшие военачальники (*сёсё*) назначались из лиц Пятого ранга. Нередко они служили еще и в Ревизионной канцелярии (*бэн-но сёсё*) или в Императорском архиве (*куродо-но сёсё*). В составе Личной императорской охраны обычно бывало четыре младших военачальника.

Военачальники (*дайсё*, *тюдзё* или *сёсё*) сопровождали императора при выездах и во время особенно торжественных церемониях с луком и стрелами в руках.

Старшие стражники (*сёгэндзё* или *дзо*) постоянно находились при императорской особе. Обычно они имели Шестой ранг и служили одновременно в Императорском архиве (*куродо-но дзо*).

Младшие стражники (*сёсо*) и служители (*тонэри*) выполняли различные несложные обязанности во время обрядов и церемоний, из них формировалась охрана императорского дворца, они же совершали ежедневные ночные обходы.

2. Левая и Правая привратные охраны (*Саэмонфу*, *Уэмонфу*) — в отличие от Личной императорской охраны, которая охраняла непосредственно императорские покои, контролировали внешние подступы к императорскому дворцу.

Начальником привратной охраны (*эмон-но ками*) назначалось лицо Четвертого ранга, часто имевшее также звание советника министра или государственного советника.

Начальнику подчинялись помощник (*эмон-но сукэ*) и стражники (*дзо*, *сакан*).

Стражник *дзо* именовался также *югэй-но цукаса* (несущий колчан), ибо обычно в руках у него был лук, а за спиной — колчан со стрелами.

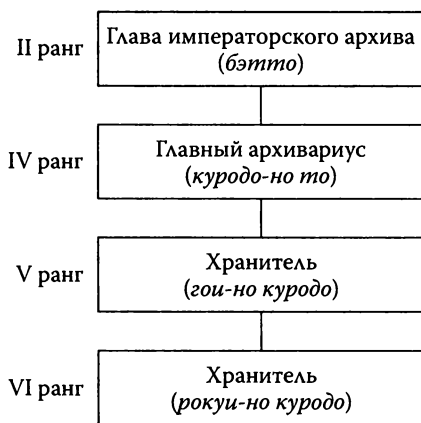
3. Левая и Правая дворцовые охраны (*сахёэфу*, *ухёэфу*) охраняли ворота императорского дворца, наблюдали за порядком во дворце, сопровождали членов императорского семейства во время торжественных выездов.

Звания те же, что и в Привратной охране.

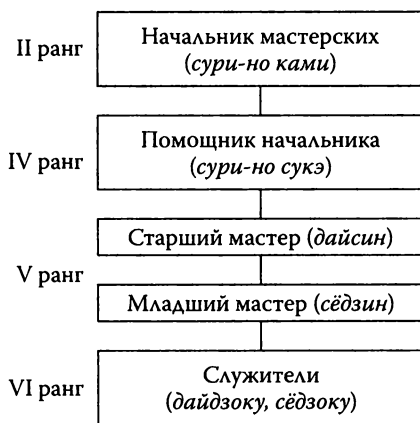
ИМПЕРАТОРСКИЙ АРХИВ (КУРОДОДОКОРО) (табл. 4)

Императорский архив не был предусмотрен кодексом Тайхорё, его учредили в начале IX в. Первоначально в ведении служителей Императорского архива находились самые ценные рукописи и императорские рескрипты, но очень скоро он стал ведать всеми дворцовыми делами. Архивариусы (*куродо*) всегда находились в покоях императора, передавали его поручения, распоряжались проведением церемоний. В их ведение постепенно попали гардероб и стол императора. Архивариусами обычно назначались юноши из знатных семейств, эта должность для многих становилась началом при-

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Императорский архив
(Курододокоро) (табл. 4)*

*Императорские мастерские
(Сурисики) (табл. 5)*

дворной карьеры. (Все самые могущественные особы из рода Фудзивара — Мититака, Корэтика, Митинага — начинали свою придворную службу с Императорского архива).

Главой Императорского архива (*бэтто*) назначалось лицо Второго ранга, как правило левый или правый министр, реже — старший советник министра (*дайнагон*).

Под началом у главы архива (должность чисто номинальная) были два главных архивариуса (*куродо-но то*), ведавшие различными сторонами дворцовой жизни. Они назначались из лиц Четвертого ранга, причем, как правило, один из них служил одновременно в Ревизионной канцелярии (*то-но бэн*), а второй — в Личной императорской охране (*то-но тюдзё*).

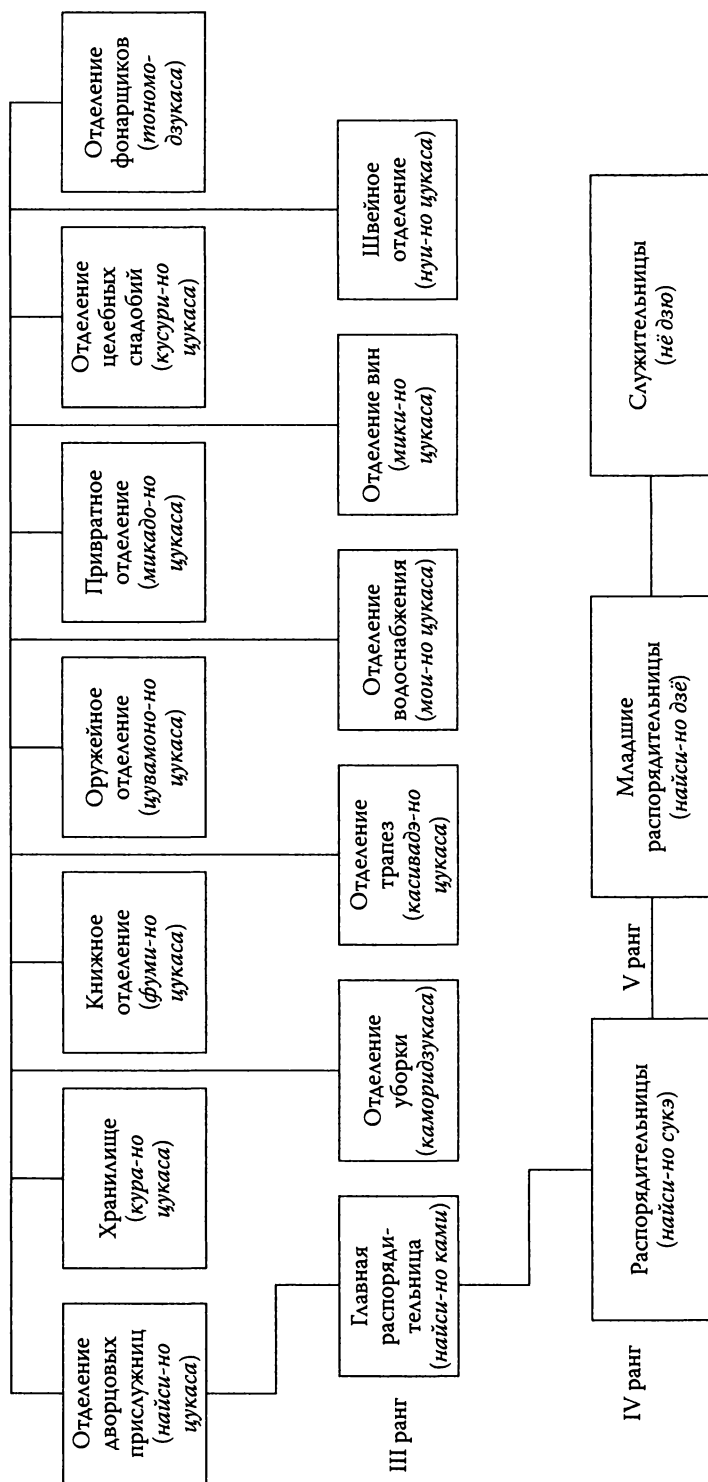
В распоряжении главных архивариусов были три хранителя Пятого ранга (*гои-но куродо*) и четыре хранителя Шестого ранга (*рокуи-но куродо*), выполнявшие мелкие поручения императора, прислуживавшие при высочайших трапезах. Хранители часто служили в Личной императорской охране (*Конозёфу*) или в Привратной охране (*Эмонфу*).

ИМПЕРАТОРСКИЕ МАСТЕРСКИЕ (СУРИСИКИ) (табл. 5)

Императорские мастерские занимались ремонтом и изготовлением утвари для императорского дворца. Учреждение, не предусмотренное кодексом Тайхорё. Глава мастерских (*дайбу*) имел Четвертый ранг.

ЗАДНИЕ (ЖЕНСКИЕ) ПОКОИ ДВОРЦА (КОКЮ) (табл. 6)

Кодекс Тайхорё предусматривал наличие определенного числа наложниц разных категорий в женских покоях дворца.

Задние (женские) покои дворца (Кокю) (табл. 6)

Наложниц высшей категории (следующих по значительности своего положения за императрицами) (*хи*) — две. *Хи* выбирались среди принцесс крови.

Наложниц средней категории (*фудзин*) — три. *Фудзин* выбирались из числа дочерей вельмож Третьего ранга.

Наложниц низшей категории (*химэ*) — четыре. *Химэ* выбирались из числа дочерей чиновников не ниже Пятого ранга.

В конце VIII — начале IX в. возникло новое звание — высочайшая наложница (*нёго*), которое вытеснило все прежние. Сначала *нёго* выбирались среди дочерей придворных сравнительно невысоких рангов (Четвертого или Пятого) и, в сущности, ничем не отличались от *химэ*, но к концу IX в. авторитет *нёго* значительно возрос, их стали выбирать среди дочерей не ниже Третьего ранга (как правило, они были принцессами крови или же дочерьми принцев крови, великих министров). При благоприятном стечении обстоятельств (чаще всего при наличии могущественного покровителя в лице отца, брата или дяди) *нёго* могла стать императрицей-супругой (особенно если у нее рождался сын).

Следующим по значительности званием после *нёго* стало звание смевающей платье (*кои*). Первоначально *кои* распоряжались гардеробом императора и выполняли его мелкие поручения, позже стали прислуживать и в его опочивальне, заняв в женских покоях следующее после *нёго* положение. *Кои* выбирались из числа дочерей советников министра Четвертого ранга и ниже.

Нёго или *кои*, имеющих детей или пользующихся особенным расположением императора, называли обычно служительницами императорской опочивальни (*миясудокоро*), так же называли наложниц наследного принца.

Мёбу — общее название для дам Четвертого или Пятого ранга.

Из наложниц категории *нёго* выбиралась императрица-супруга (*тюгу*). Помимо императрицы-супруги существовали еще императрица-мать (*котайго*) — мать правящего императора и великая императрица-мать (*тайкотайго*) — мать предыдущего императора. Первоначально императрица-супруга называлась *кого*, а слово *тюгу* (срединные покои) обозначало всех трех императриц. Кодекс Тайхорё предусматривал Службу срединных покоев (*Тюгусики*), которая занималась делами всех трех императриц. Однако при императоре Итидзё (991–1010) регент Фудзивара Митинага сумел добиться звания императрицы-супруги для своей дочери Сёси, игнорируя тот факт, что при императоре уже была одна императрица-супруга. В результате Тэйси, сохранив за собой звание *кого*, покинула дворец, а Сёси воцарилась в императорских покоях, получив новое звание *тюгу*. С тех пор супругу правящего императора стали называть *тюгу*, а супругу отрекшегося императора — *кого*.

Императорским наложницам и императрицам прислуживали придворные дамы (*нёбо*). Существовало три разряда придворных дам — высший (*дзёро*), средний (*тюро*) и низший (*гэро*).

Так же назывались дамы, находящиеся в услужении у дочери или супруги знатного сановника.

Одним из самых почитаемых женских придворных званий было звание хранительницы Высочайшего ларца (*микусигэдоно-но бэтто*). Хранитель-

ница Высочайшего ларца возглавляла мастерские, расположенные в покоях Высочайшего ларца дворца Дзёгандэн, где шились и хранились наряды императорского семейства. Это звание получали, как правило, придворные дамы (*нёбо*) высших разрядов. Иногда девицы из знатных семейств поступали на службу во дворец хранительницами Высочайшего ларца, а через некоторое время удостоивались звания *нёго*.

Кодекс Тайхорё предусматривал двенадцать служб, ведавших различными сторонами жизни женских покоев.

Важнейшим среди них было Отделение дворцовых прислужниц (*найси-но цукаса*). Дамы, в него входившие, прислуживали в высочайших покоях, передавали повеления императора, выполняли его поручения, обучали служанок и надзирали за ними, сопровождали императриц при выездах, следили за соблюдением правил этикета в женских покоях.

Во главе Отделения стояли две главные распорядительницы (*найси-но ками*), которые выбирались из числа дочерей сановников Третьего ранга, часто на эту должность назначались дочери великих министров.

Найси-но ками находились постоянно в императорских покоях и передавали указания императора остальным служительницам.

Найси-но ками подчинялись четыре распорядительницы (*найси-но сукэ*) и четыре младшие распорядительницы (*найси-но дзё*), которые выбирались из числа дочерей чиновников соответственно Четвертого и Пятого рангов. Помимо распорядительниц в Отделении дворцовых прислужниц было около ста служительниц (*нёдзю*).

МЕСТНЫЕ ВЛАСТИ

В каждую провинцию (а их в древней Японии было 74) назначался правитель (*ками*) сроком на четыре года.

Провинции делились на разряды (*дайкоку*, *дзёкоку*, *тюгоку* и *гэкоку*). Самым выгодным считалось назначение в *дайкоку* — великие провинции. В провинции Хитати, Кадзуса, Кодзукэ правителями назначались только принцы крови. Неблагоприятным для карьеры считалось назначение в провинцию низшего разряда — *гэкоку*.

Часто правители сами в провинции не ездили и, оставаясь в столице, посылали туда своих помощников (*сукэ*).

Правители, уезжавшие из столицы и поселявшиеся в своей провинции, назывались наместниками (*дзурё*). Наместники постепенно становились значительной силой на местах, сплачивая вокруг себя местную знать.

Контроль над местными властями осуществляли особые надзиратели (*адзэти*), подчинявшиеся Государственному совету. В эпоху Хэйан эта должность стала чисто номинальной, как правило, на нее назначались советники министра (*адзэти-но, дайнагон, адзэти-но тюнагон*).

Управление Западных земель (*Дадзайфу*) (табл. 7) ведало провинциями на острове Цукуси (современный Кюсю) и прилежавшими к нему мелкими островами. В обязанности Дадзайфу входили охрана этих земель,

ПРИЛОЖЕНИЕ

сбор налогов с местного населения, поддержание дипломатических отношений с западными соседями, контроль над частными владениями и монастырями. Главой управления (*соти*) назначалось лицо Третьего ранга, часто принц крови.

Если главой Управления был принц крови, то его обязанности выполняли либо заместитель (*гон-но соти*), либо старший управляющий (*дайни*), назначаемые из числа чиновников Пятого ранга. *Гон-но соти* и *дайни* — взаимозаменяемые должности. При наличии в Дадзайфу *гон-но соти дайни* отсутствовал, и наоборот. На более низкие должности (*дайгэн*, *сёгэн*) назначались местные жители.

ДУХОВЕНСТВО

Уже в начале VII в. светскими властями была предпринята попытка навести порядок среди священнослужителей, распределив их по иерархическому принципу.

Высшим духовным саном стал сан *содзё*, по значению соответствующий Второму рангу придворного.

Позже возникли звания *дайсодзё*, *содзё* и *гон-содзё*.

Содзу — сан, следующий за *содзё* (позже возникли *дайсодзу*, *гон-дайсодзу*, *сёсодзу*, *гон-сёсодзу*). Соответствовал Пятому рангу придворного.

Рисси — младший из трех главных духовных санов, соответствующий Пятому рангу. В обязанности *рисси* входило принятие обета у вступающих в монашество.

Дзасу — первоначально настоятель любого монастыря, позже так стали называть только настоятелей монастыря Энрякудзи на горе Хиэ, иначе Хи-эйдзан (секта Тэндай).

Хидзири — так называли монахов-отшельников, как правило живущих в горах, но вне монастырей, в хижинах.

Адзари (санскр. *акарья*) — монах высшего класса, имеющий учеников. По значению в иерархической системе следовал за *рисси*.

ОСНОВНЫЕ ОБРЯДЫ, ПРАЗДНЕСТВА И ЦЕРЕМОНИИ

ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ

ОБРЯДЫ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ РОЖДЕНИЮ

За несколько месяцев до родов женщину (если она жила в доме мужа) перевозили в дом родителей. Там, выбрав благоприятный день, совершали обряд «надевание пояса» (*тякутай*), при котором на женщину торжественно надевали особый, так называемый приметный пояс (*сируси-но оби*), заранее приготовленный родственниками. Надевание пояса сопровождалось произнесением соответствующих молитв и заклинаний. Обряд совершался при участии монахов.

Незадолго до родов роженицу облачали в белое платье и меняли убранство ее покоев. Вешали белые занавеси и шторы, прислуживающие ей дамы тоже надевали белые одежды.

ОБРЯДЫ, СЛЕДУЮЩИЕ ЗА РОЖДЕНИЕМ

Перерезание пуповины (*ходзо-но навакири*),
Первое прикладывание к груди (*тицукэ*),
Первое купание (*оюдоно-хадзимэ*).

При рождении принца или принцессы этот обряд совершался в течение семи дней дважды в день — утром и вечером. Воду для Первого купания обычно брали из реки или колодца, расположенного в благоприятном направлении. Обряд купания совершали две специально приглашенные дамы. Одновременно двадцать придворных (десять — Пятого ранга и десять — Шестого) звоном тетивы отгоняли злых духов. Специально назначенный ученый читал благо-

приятные отрывки из классических китайских текстов. Для того чтобы не допустить в помещение злых духов, повсюду разбрасывали рис, сопровождая это разбрасывание (*утимаки*) произнесением особых заклинаний.

3-й, 5-й, 7-й
и 9-й день
после
рождения

Величание новорожденного (*убуяси*)

Вечером в эти дни родственники и близкие знакомые присылали дары для новорожденного и его матери: наряды, детские платья, праздничные рисовые лепешки-моти и пр. Для гостей выставлялось угощение, вино, слагались стихи в честь новорожденного, звучала музыка. Особое внимание уделялось пиршеству Третьего дня, оно продолжалось до самого рассвета. Одновременно совершались обряды, призванные защитить новорожденного от влияния злых духов, монахи беспрестанно молились богам-хранителям, просили даровать младенцу долголетие.

Одной из составных частей Величания был обряд Вкушения каши (*сусуригаю*), который совершался в каждую из четырех праздничных ночей. Заключался обряд в следующем: семеро специально для этой цели выбранных придворных, держа в руках плошки с кашей, ходили кругами (с востока на запад) по южному двору, похлебывая кашу и одновременно отвечая на вопросы вопрошателя, который сидел в жилых покоях на специальной циновке. В Третью ночь они обходили двор три раза, в Пятую — пять раз и т. д. Вопросы и ответы были связаны с пожеланиями долголетия и благополучия в жизни. Кашу для этого обряда готовили из риса, собранного в уезде Цуру (*цуру* — журавль — символ долголетия). По поверью, она обладала чудесной силой отгонять злых духов, успокаивать плачущих младенцев и предохранять их от болезней. На Седьмой день совершали обряд Присвоения имени (*мэцукэ*), во время которого младенцу давали детское имя. В один из этих дней проводились также церемонии Первого надевания платья (*кисоходзимэ*) — младенца торжественно облачали в его первый наряд. Как правило, первая одежда новорожденного шилась из пояса, который носила его мать во время беременности.

7-й день после
рождения

Первое обрезаение волос (*соригами*)

В этот день младенцу впервые подстригали волосы.

30-й день

Первые шаги (*юкихадзимэ, арикидзомэ*)

Взяв младенца на руки, делали несколько шагов в заранее выбранном благоприятном направлении (обычно в том, где находился дом его отца).

50-й день

Пятидесятый день (*ика*)

В этот день ребенка сажали лицом к благоприятной для него стороне света, и его отец или дед вкладывали ему в рот

кусочек специально для этого дня приготовленной лепешки (*ика-но моти*). Церемонию эту совершали, как правило, вечером. Для этого случая заранее готовили особую детскую утварь.

Через два месяца после рождения Первое вкушение рыбы (*манахадзимэ*)
Ребенку впервые давали отведать рыбы (чаще всего это был окунь) и мяса (горный фазан).

100-й день Сотый день (*момока*)
После пиршества по случаю Сотого дня совершали обряд Восстановления цвета (*иронаоиси*), во время которого меняли белое убранство покоев на обычное.

3 года Обрезание волос (*ками-соги*)
Впервые после обряда Первого обрезания волос ребенку стригли волосы. При этом его ставили на доску для игры в го.

3–4 года Надевание хакама (*хакамаги*)
Хакама — широкие штаны, неременный атрибут мужской и женской одежды в эпоху Хэйан. Обряд совершался независимо от пола ребенка. Надевание *хакама* проводилось обычно в вечернее время. Главная роль в этом обряде принадлежала завязывающему пояс (*косиюи*). Ее обычно поручали самому высокому лицу из близких родственников. Если *хакама* надевали на принца или принцессу, роль завязывающего пояс нередко брал на себя сам император. *Хакама* для этого обряда присылали самые знатные родственники. Во время Надевания *хакама* использовалась особая детская утварь (такая же, как при праздновании Пятидесятого дня).

7–11 лет Первая книга (*фумихадзимэ*)
Обряд совершали, когда мальчику подходило время учиться читать. Принято было совершать этот обряд в последнюю луну года. Заранее подбирали текст: что-нибудь из китайской классики, чаще всего отрывок из первой главы «Исторических записок» Сыма Цяня, «Основные записи о деяниях пяти императоров». В обряде принимали участие двое — читающий (*дзитоку*) и помощник (*дзито*). (Помощник участвовал только в том случае, если обряд совершался над принцем.) Читающий читал небольшой отрывок из подготовленного текста, помощник повторял прочитанное. После этого иногда читал сам мальчик.

После окончания обряда устраивалось пиршество, гости слагали китайские стихи, играли на различных музыкальных инструментах. Участники обряда получали богатые дары.

СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ

Мальчики
11–16 лет

Покрытие главы (*гэмпуку*)

Обряд совершался, когда мальчик достигал физической и духовной зрелости, т. е. в 11–16 лет. Во время обряда на голову мальчика надевали головной убор (*каммури*). При этом сначала распускали его детскую прическу (волосы разделены посередине пробором и с двух сторон закручены над ушами), выстригали волосы спереди и завязывали их узлом на макушке. Обряд Покрытия главы совершался вечером, пиршество после него продолжалось всю ночь. Это был один из самых значительных обрядов в жизни мужчины. Особенно почетной считалась роль покрывающего главу (*хикииэрэ*), т. е. того, кто стриг мальчику волосы и надевал на него головной убор. Если совершеннолетия достигал принц, эту роль, как правило, исполнял Великий министр.

После обряда мальчику вместо детского имени (*варавана*) присваивали истинное имя (*ими-на*).

В императорской семье такие обряды обычно устраивали в первые дни Первой луны (с 1-го по 5-й день). Если обряду подвергался принц, то чаще всего непосредственно за Покрытием главы следовал обряд Укладывания вместе (*сои-фуси*), который заключался в том, что мальчику выбирали супругу и укладывали их спать вместе (как правило, девочка, предназначенная для этой роли, была немного старше мальчика).

Девочки
12–14 лет

Надевание мо (*моги*)

После этого обряда девочка считалась взрослой, пригодной для замужества. Если в доме было несколько дочерей, обряд совершали одновременно над всеми сестрами.

Во время обряда на девочку надевали *мо* (складчатый шлейф, привязывающийся сзади к поясу лентами, принадлежность женского парадного одевания) и подвязывали волосы, которые до этого были распущены по плечам.

Во время обряда Надевания мо главную роль играли завязывающий пояс (*косиюи*) и подвязывающий волосы. В этих ролях могли выступать лица обоего пола, но обязательного высокого ранга.

Как правило, обряд Надевания мо проводился вечером. После совершения обряда девочке чернили зубы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ БРАКА

В древней Японии мужчины вступали в брак в пятнадцать, женщины — в тринадцать лет. Примерно с середины эпохи Хэйан обычными стали более ранние браки.

В день, заранее выбранный для заключения брака, мужчина посылал в дом женщины гонца с письмом, сообщаящим о его прибытии. Проведя ночь в доме женщины, мужчина возвращался в свой дом и рано утром отправлял ей письмо со специальным гонцом (*кинугину-но цукаи*), который помимо письма доставлял в дом женщины вино, угощение и подарки.

На 3-й день после заключения брака Обнаружение места (*токоро-араваси*)
На третий день после первой брачной ночи новобрачным подавали особые свадебные лепешки, так называемые лепешки Третьей ночи (*микаё-но моти*). Блюдо с лепешками красного и белого цвета подсовывалось под полог к изголовью новобрачных. Мужчина должен был съесть три лепешки, женщина — сколько захочет. Вкушение лепешек Третьей ночи означало заключение брачного союза.

В этот день в доме жены выставляли угощение для мужа и его свиты. Происходило знакомство мужа с родственниками жены. С этого дня брак считался официально признанным, и мужчина мог посещать дом жены в любое время.

ПРОЧИЕ ОБРЯДЫ

Особыми обрядами отмечалось достижение сорока, пятидесяти, шестидесяти, семидесяти, девяноста лет. Помимо приношений в храмы устраивались пиршества, гости слушали музыку, любовались танцами, слагали стихи. Размах пиршества зависел от положения хозяина. Принято было дарить столько предметов, сколько лет исполнилось виновнику торжества.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ И ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

Обычно умершего не трогали в течение нескольких дней, затем предавали сожжению (обычай, существовавший в Японии уже с VII–VIII вв.).

После обряда омовения тело облачали в новые одежды и помещали в гроб, куда клали также утварь, которой пользовался покойный при жизни, и бумажные фигурки *катасиро*, применяемые обычно при обрядах очищения. Существовало два места, специально предназначенных для сожжения — Отаги и Торибэно (оба находились неподалеку от храма Киёмидзу, в юго-восточной части современного Киото). На колеса кареты, которая везла останки к месту сожжения, наматывали полотно. Обряд сожжения совершался ночью. Возвращаясь в столицу, участники процессии, сопровождавшей останки к месту сожжения, проходили очищение в реке Камо (или какой-нибудь другой реке). Соприкосновение со смертью считалось загрязнением, и, чтобы очиститься от скверны, необходимо было в течение тридцати дней после погребения соблюдать строгое воздержание, не выходя из дома и никого не принимая.

Через каждые семь дней после смерти совершались поминальные службы — в дом умершего призывались монахи, заказывались молебны в храмах. В течение сорока девяти дней родственники умершего молились о его перерождении в Чистой земле. (Считалось, что со дня смерти до нового рождения проходит сорок девять дней.)

Домочадцы покойного облачались в траурные одежды, убирали обычную утварь, занавеси, ширмы, заменяя их траурными. Траурные цвета — от светло-серого до темно-серого. Чем более тесными узами был связан человек с покойным, тем темнее должно было быть его платье. К концу траура можно было носить более светлое платье, чем в начале. Срок траура зависел от степени родства и некоторых других обстоятельств. По императору, отцу, матери, мужу, господину траур длился один год. По бабке и деду с отцовской стороны — шесть месяцев. По прадедам с отцовской стороны, деду и бабке с материнской стороны, дядьям и теткам с отцовской стороны, жене, братьям, сестрам, родителям мужа — три месяца. По прочим родственникам — один месяц. По совсем дальним родственникам срок траура устанавливался в семь дней. По окончании срока траура возвращали обычное убранство покойного, совершали очистительные обряды и облачались в обычные одежды.

ОСНОВНЫЕ ПРАЗДНЕСТВА И ЦЕРЕМОНИИ

ПЕРВАЯ ЛУНА

1-й день

Поклонение Четырем сторонам (*сихохай*)

В стражу Тигра (с 3 до 5 часов утра) император в парадном облачении, выйдя в восточный сад дворца Сэйрёдэн, совершал ритуальные поклоны богам Четырех сторон света и могилам предков, моля их о том, чтобы стране было ниспослано благополучие. Поклонение Четырем сторонам проводили также в домах высшей знати.

Утреннее поздравление (*тёга*) или утреннее приветствие (*тёхай*).

Император во дворце Великого предела (*Дайгокудэн*) принимал поздравления от чиновников всех ведомств. К концу X в. вместо этой церемонии стали устраивать так называемое Малое поздравление (*кодзёхай*): император, оставаясь во дворце Сэйрёдэн, принимал поздравления только от высших сановников. После церемонии устраивался праздничный пир во дворце Сисиндэн.

*1-й, 2-й
или 3-й день*

Укрепление зубов (*хагатамэ-но иваи*)

По представлениям древних японцев, зубы были непосредственно связаны с возрастом, поэтому их укрепление вело к продлению жизни. В этот день желали друг другу долголетия, вкушая специально приготовленные круглые лепешки (так называемые зеркальные — *кагамимоти*), редьку, тыкву, форель, мясо кабана и оленя.

- 2-й день Великое пиршество двух покоев (*нигу-но дайкё*)
Вельможи высших рангов и придворные приходили с поздравлениями в покои императриц и в покои наследного принца, после чего для них устраивалось пиршество на восточной и западной галереях у ворот Гэнкимон.
- 2-й или 3-й день Прием чрезвычайных гостей (*риндзикаку*)
В доме регента (или канцлера) устраивалось угощение для принцев крови и высшей знати.
Посещение высочайших родителей (*тёкин-но гёко*).
Проводится в первые дни Первой луны. Император посещает дом экс-императора или императрицы-матери.
- Первый день Крысы День Крысы (*нэ-но хи*)
В первый день Крысы Первой луны принято было выезжать в окрестные луга, собирать молодые побеги сосен и первые травы, молясь о долголетию. Семь первых весенних трав (кресс-салат, яснотка, пастушья сумка, репа, резуха, мокричник, сушеница), по представлениям японцев, оберегали от всех болезней, сосны же символизировали долголетие. В императорском дворце в этот день устраивался пир для высшей знати.
- 5-й или 6-й день Повышение в ранге (*дзёи*)
Торжественное присвоение чиновникам более высоких рангов (от Пятого ранга и выше).
- 7-й день Праздник Белых коней (*аоума-но сэттиэ*)
В древней Японии существовало поверье, что если в начале года увидишь коня, то на весь год будешь застрахован от всяких несчастий. Поэтому в этот день служители Левого и Правого конюшен торжественно проводили двадцать одного коня мимо дворца Сисиндэн, и император любовался ими (число двадцать один — трижды семь — имело магическое значение). Коней проводили обычно и перед покоями императрицы. В заключение устраивалось торжественное угощение для участников церемонии. До X в. принято было водить вороных коней. Черный цвет с зеленым отливом — как предельное сгущение зеленого, зеленое же — символ весны, обновления. Праздник так и назывался — праздник Зеленых коней (*аоума*). Однако с начала X в. вороных коней заменили белыми, хотя название *аоума-но сэттиэ* сохранилось, слово *ао* (зеленый) стали писать иероглифом *белый*.
В этот же день ели так называемую «кашу из семи трав», которая, по поверью, предохраняла человека от всех болезней.

- 11-й, 12-й или 13-й день* Назначение на должности в провинции (*агатамэси-но дзимоку*), или Весеннее назначение (*хару-но дзимоку*)
Торжественное распределение должностей в провинциях. Производилось во дворце Сэйрёдэн.
- 14-й или 15-й день* Мужское песенное шествие (*отокодэка*)
Праздник, возникший в эпоху Нара и просуществовавший примерно до конца X в. Праздник начинался ночью. Император располагался в восточных покоях дворца Сисиндэн, приглашенные вельможи рассаживались на восточной галерее, где им подавалось угощение.
Танцоры во главе с шестью певцами и девятью музыкантами в особых шляпах с высокими тульями, украшенных искусственными цветами, проходили с песнями и танцами в восточный сад дворца Сисиндэн и трижды обходили его, после чего обращались к собравшимся с поздравлениями и пожеланиями. Исполнив несколько народных песен и получив вознаграждение, они отправлялись в покои императрицы, наследного принца, затем покидали пределы дворца и проходили по улицам столицы, заходя в усадьбы знатных сановников. По пути следования процессии были установлены специальные палатки, где участники ее могли выпить и перекусить. К рассвету процессия возвращалась в императорский дворец, где для всех устраивалось угощение. (Песенное шествие устраивалось не каждый год.)
- 16-й день* Женское песенное шествие (*оннадока*)
Император с вельможами располагались в Сисиндэн. Около сорока танцовщиц с песнями и танцами трижды обходили сад перед дворцом.
- С 15-го по 17-й день* Стрельба из лука (*дзярай*)
Принцы и придворные (выше Пятого ранга) соревновались в искусстве стрельбы из лука. На 15-й день состязания проходили в Военном ведомстве, на 17-й — перед воротами Кэнрэймон (южные внешние ворота императорского дворца). После окончания состязаний устраивалось пиршество для участников, победители получали дары.
- 18-й день* Состязания по стрельбе из лука в цель (*нориюми*)
Участники разделялись на две команды и по очереди стреляли в цель, установленную перед дворцом Ампукудэн, откуда на них смотрел император. После соревнований побежденные устраивали угощение для победителей. Глава выигравшей команды на следующий день приглашал участников к себе в дом и выставлял им угощение.

ПРИЛОЖЕНИЕ

21-й, 22-й,
23-й день
(день Крысы) Дворцовый пир (*найэн*)
Император собирал придворных во дворце Дзидзюдэн, где для них устраивалось угощение. Присутствующие сочиняли стихи на заданные темы, любовались танцами, услаждали слух пением и музыкой.

ВТОРАЯ ЛУНА

В дни Второй луны цветут и опадают вишни.

В один из дней Дополнительное назначение (*наосимоно-но дзимоку*).
Делались дополнения и поправки к назначениям на должности в провинции.

В один из дней Сезонные чтения сутры (*ки-но мидокё*)
Такие же чтения устраивались и на Восьмую (или Девятую) луну. В какой-то из дней монахи высших рангов призывались во дворец Сисиндэн, где в течение четырех дней непрерывно читали сутру Дайханья-харамитта-кё (Великая сутра Совершенной мудрости, санскр. Маха-праджнапарамита-сутра).

Во времена регентства сезонные чтения сутры Дайханья-харамитта-кё стали проводиться также в домах регента или канцлера.

Обычно в церемонии принимали участие сто монахов. Иногда чтение сутры устраивали не на Вторую, а на Третью луну.

День весеннего
равноденствия Праздник Другого берега (*хиган-э*).
Праздновался два раза в год в течение семи дней в пору весеннего и осеннего равноденствия. Приносили жертвы предкам и молились о достижении «другого берега» (*хиган*, санскр. *пара*) — мира умиротворения и просветления в противовес «этому берегу» — миру страстей и страданий.

Первый день
Обезьяны Праздник святилища Касуга (*Касуга-но мацури*)
Один из трех основных синтоистских храмовых праздников (остальные — Ивасимидзу и Камо). В святилище Касуга отправлялся культ богов-хранителей рода Фудзивара.

ТРЕТЬЯ ЛУНА

Цветут глицинии, керрии.

Первый день
Змеи День Змеи (*ми-но хи*), Очищение дня Змеи (*ми-но хи-но хараэ*)
В этот день выходили на берег реки и пускали по течению сделанных из бумаги кукол, предварительно проведя ими по

телу. Вместе с этими куклами, по поверью, уплывали все угрожавшие человеку беды и болезни.

*День Лошади,
в середине
луны.*

Чрезвычайное празднество святилища Ивасимидзу
(*Ивасимидзу-но риндзи-но мацури*)

Праздник, посвященный богу Хатиману, покровителю воинов. К празднику начинали готовиться примерно за месяц, назначали танцоров, музыкантов, распорядителей. За два дня до праздника проводилась главная репетиция в восточном саду дворца Сэйрёдэн в присутствии императора. В день праздника после церемонии очищения процессия отправлялась в святилище Ивасимидзу, где подносились богатые дары богу Хатиману и читались императорские указы. После этого исполнялись ритуальные пляски *адзума* и ритуальные представления *кагура*. На следующий день участники празднества возвращались в императорский дворец, где им устраивалась торжественная встреча.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛУНА

Цветут померанцы, начинает кричать кукушка.

1-й день

Смена одежда (*коромогаэ*)

В этот день снимали зимнее убранство покоев и заменяли его летним. Вешали новые занавеси, шторы. Снимали зимние платья и надевали летние. Оклеивали новой бумагой перегородки, стелили новые циновки. Церемония «смены одежды» проводилась во дворце и во всех аристократических домах.

8-й день

Омовение Будды (*камбуцу*)

Празднование дня рождения будды Шакья Муни. По преданию, он родился, когда его мать рвала цветы асока в роще на берегу реки. В это время Дракон, живущий в верховьях реки, пустил вниз по течению цветы гортензии. Речная вода с плавающими в ней цветами и послужила для первого купания младенца.

В этот день в блюдо с водой ставили специально привезенную из храма статую Будды-младенца и кропили ее освященной водой.

*День Петуха,
в середине
луны*

Празднество святилища Камо (*Камодзиндзя-но мацури*)

Самый значительный храмовый синтоистский праздник в эпоху Хэйан. Предание говорит о том, что во времена правления императора Киммэй (539–571) на страну обрушился страшный ураган, много дней подряд лил дождь, повергая население в ужас. Обратившись к гадалкам, император узнал, что каким-то образом навлек на себя гнев великих

богов святилища Камо. Тогда он послал в святилище гонцов с богатыми дарами, и очень скоро ураган стих, дождь кончился, и страна была спасена от гибели. После того как столица была перенесена в город Хэйан, император Камму (737–806) посетил оба святилища Камо (Нижнее, посвященное богине Тамаёри-химэ, и Верхнее, посвященное ее сыну, богу Вакэикадзути) и боги Камо стали считаться защитниками столицы. Обычай посылать в Камо жрицу после восшествия на престол нового императора (восходящий к началу IX в., до этого времени жриц посылали только в Исэ) придал святилищу еще большую значительность. Каждый год в середине Четвертой луны к святилищам Камо от императорского дворца отправлялась пышная процессия, состоявшая из множества карет и всадников. Крыши карет и головные уборы участников процессии были украшены листьями японской мальвы-аои (поэтому праздник назывался также Праздником мальвы) и багряника-кацура. Сначала перед дворцом Сэйрёдэн устраивались ритуальные танцы, которыми любовался император. Затем процессия, возглавляемая посланцем императора, покидала дворец. По пути следования процессии по обочинам дороги сооружались помосты, откуда можно было любоваться зрелищем. Процессия состояла из пешей охраны, лиц, несущих пожертвования от разных ведомств, паланкина со жрицей, всадников, танцоров, музыкантов.

Сначала процессия отправлялась в Нижний храм Камо, где исполнялись ритуальные танцы, подносились дары, оглашались императорские указы. Перед храмом трижды проводили богато украшенных коней. Затем процессия направлялась в Верхний храм Камо, где ритуал повторялся.

ПЯТАЯ ЛУНА

Цветут павлонии, цветы унохана, идут ливневые дожди, кричит кукушка, появляются светлячки

3-й день
(и 4-й)

Поднесение аира (*аямэ-но кэндзё*)

На Третий день воины из Шести служб сторожевой охраны ставят по обе стороны лестницы дворца Сисиндэн носилки, украшенные листьями аира и полынью (аир и полынь, по поверью, отгоняли злых духов, беды и болезни). На Четвертый день выстилали балки всех дворцовых зданий аиром и полынью, готовясь к празднеству Пятого дня.

5-й день

Празднество Пятой луны (*сацуки-но сэтиэ*), Празднество Пятого дня (*ицука-но сэтиэ*)

В этот день дарили друг другу и привязывали к столбам и балкам домов парчовые мешочки *кусудамы*, наполненные

ароматическим составом из аира и полыни и украшенные пятицветными шнурами. Мешочки оставались привязанными к столбам домов до Девятого дня Девятой луны.

Император устраивал для придворных угощение во дворце Буткудэн. Перед дворцом в это время проводились состязания по стрельбе верхом (подготовительные состязания проводились также на Третий и Четвертый день).

В этот день принято было украшать головные уборы аиром и носить платья с узором из листьев аира.

Соревнования по стрельбе проводились и на Шестой день.

ШЕСТАЯ ЛУНА

Конец лета. Цветут лотосы, гвоздики.

Последний день луны День Великого очищения (*оохараэ*)

Принцы крови и чиновники всех ведомств собирались перед воротами Судзаку, где проводился обряд всеобщего очищения, дабы защитить страну и народ от несчастий и бедствий. (Такой же обряд проводился в последний день Двенадцатой луны.)

СЕДЬМАЯ ЛУНА

Цветут патриния, колокольчики.

7-й день

Праздник Седьмой ночи (*танабата-но мацури*), Праздник Звезд (*хоси-но мацури*), Праздник встречи двух звезд — Ткачихи (Вега) и Волопаса (Альтаир)

Согласно известной китайской легенде, Ткачиха и Волопас, сочетавшись браком, перестали трудиться и проводили дни свои в праздности. В наказание боги разлучили их, разделив Небесной рекой (Млечным Путем) и разрешив встречаться лишь раз в году на мосту, наведенном сороками через Небесную реку.

В этот день принято было молиться о ниспослании успехов в овладении ремеслом.

26-й день

Праздник сумо (*сумай-но сэтсизэ*)

Еще с весны специальные посланцы начинали подбирать участников по всей стране. В этот день устраивались схватки борцов сумо в восточном саду дворца Дзидзюдэн.

28-й день

Победители предыдущих состязаний призывались во дворец Сисиндэн, в южном саду которого проводились еще семнадцать схваток; за ними наблюдал сам император. Победители исполняли ритуальные танцы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

29-й день Заключительные состязания, в ходе которых выбирался сильнейший. После состязаний глава Личной императорской охраны приглашал участников к себе в дом иставлял угощение.

ВОСЬМАЯ ЛУНА

Любуются луной, слушают пение сверчков.
Воспевают метелки мисканта (*сусуки*), цветущие кусты хаги, крики оленей в горах и улетающих диких гусей.

15-й день Любование луной (*цукими*)
Всю ночь любовались луной, услаждали слух музыкой, сла-
гали стихи.

День осеннего равноденствия Праздник Другого берега (*хиган-э*)
См. Вторая луна.

В один из дней Сезонное чтение сутры (*ки-но мидокё*)
См. Вторая луна.

ДЕВЯТАЯ ЛУНА

Цветут хризантемы, краснеют листья кленов в горах.

9-й день Праздник Девятого дня (*тёё-но эн*), Праздник Хризантем (*кику-но эн*)
В этот день придворные приглашались во дворец Сисиндэн, где пили особое «хризантемное» вино, угощались ледяной рыбой, выловленной в реке Удзи, любовались хризантемами в саду, слагали стихи. Накануне вечером цветы хризантемы прикрывали кусочками ваты, а утром пропитанной росой ватой протирали лицо. По поверью, роса с хризантем при-
носила долголетие.

В один из дней Осеннее назначение (*цукаса-мэси*)
Церемония распределения должностей в столичных ведом-
ствах.

В один из дней В дни Девятой луны один раз в правление проводилась це-
ремония Отправления жрицы в святилище Исэ. Жрица, до
этого дня проходившая двухлетнее (с момента вступления
императора на престол) очищение сначала во дворце, потом
в священной обители на равнине Сага, привозилась во дво-
рец Великого предела (Дайгокудэн), где император соб-
ственноручно вкладывал в ее волосы так называемый про-
щальный гребень (*вакарэ-но куси*). (Смысл этого обряда

заклучался в пожелании долгого правления. Расчесывая волосы, гребнем двигают по волосам только в одну сторону. Так же и жрица должна была двигаться только в одну сторону — уехать в Исэ и как можно дольше не возвращаться оттуда, ибо возвращение ее почти всегда было связано со сменой правления.) Затем жрица покидала дворец и отправлялась в Исэ. Свита из ста придворных сопровождала ее до границ города. Торжественное шествие проходило с музыкой и танцами.

ДЕСЯТАЯ ЛУНА

Начало зимы. Опадают листья.

1-й день луны

Смена одежда (*коромогаэ*)

Убирали летнее убранство покоев и заменяли его зимним. Вешали зимние занавеси и шторы, оклеивали новой бумагой перегородки, стелили новые циновки. Снимали летние платья и надевали зимние.

*Первый день
Свиньи*

День Свиньи (*иноко-но иваи*)

В первый день Свиньи вкушали особые лепешки (*инокомоти*), которые, по поверью, предохраняли от всех болезней. Кроме того, поскольку свинья — символ плодovitости, в этот день молились о ниспослании многочисленного потомства.

ОДИННАДЦАТАЯ ЛУНА

*День Быка
в середине
луны*

Смотрины пяти танцовщиц (*госэтитёдай-но кокороми*)

В этот день во дворец привозили танцовщиц (*госэти-но маихимэ*), заранее выбранных для участия в Празднике Обильного света. (Выбирали обычно пятерых танцовщиц — двух или трех из домов высшей знати и двух или трех из домов придворных и провинциальных чиновников.) Избранниц доставляли во дворец Дзёнайден, и император смотрел на них сквозь полог своей опочивальни (*тёдай*).

День Тигра

Танцовщиц перевозили в Сэйрёдэн, где они танцевали перед императором (*годзэн-но кокороми*).

День Зайца

Во дворец Сэйрёдэн приглашались девочки-служанки, сопровождавшие танцовщиц, и им тоже устраивались смотрины (*варава-горан*).

Праздник Нового урожая (*ниинамэ-но мацури*)

Свершив обряд очищения, император подносил зерно нового урожая (рис, просо, бобы и пр.) всем богам, благодаря

ПРИЛОЖЕНИЕ

их, после чего сам вкушал кушанья, из этого зерна приготовленные. Участники этой церемонии поверх парадного облачения надевали ритуальные одеяния *оми* (на белом фоне зеленовато-синий узор из трав и птиц).

День Дракона Праздник Обильного света (*тоё-но акари-но сэтиэ*)
Император во дворце Сисиндэн вкушал зерно нового урожая и угощал придворных вином, из этого зерна приготовленным. Гости любовались танцем Пяти танцовщиц, услаждали слух музыкой и пением.

Последний день Петуха Чрезвычайное празднество святилища Камо (*Камо-но риндзи-но мацури*)
Праздновалось так же, как Празднество святилища Ивасимидзу (см. Третья луна). Сначала проводилось в чрезвычайных случаях или как дополнение к основному празднеству Камо (см. Четвертая луна), но к концу X в. стало проводиться регулярно, каждый год.

ДВЕНАДЦАТАЯ ЛУНА

С 19-го дня в течение 3-х дней Имена будд (*обуцумё*)
Произнося по очереди имена будд, молились об очищении души.

Во дворце Сэйрёдэн ставилась ширма с изображением буддийского ада. Сюда же из дворца Дзидзюдэн приносили статую Будды и приглашали монахов, чтобы молились около нее.

Примерно то же самое происходило во всех аристократических домах.

30-й день (последний день луны) Изгнание злых духов (*цуйна, онияраи*)
В последний день года придворные надевали золотые маски с четырьмя глазами, к черным платьям прикрепляли красные шейфы. Одни, держа копье в правой руке и щит в левой, обходили дворец и, читая заклинания, трижды ударяли копьем по щиту. Другие звенели тетивой луков. Примерно то же происходило во всех домах.

ОСНОВНЫЕ ТАНЦЫ И МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПЬЕСЫ, ИСПОЛНЯВШИЕСЯ ВО ВРЕМЯ ДВОРЦОВЫХ ПРАЗДНЕСТВ И ЦЕРЕМОНИЙ

«**Морская синева**» (*Кайсэнраку*) — музыкальная пьеса, заимствованная из Китая. Как правило, исполнялась музыкантами, сидящими в лодках.

«**Великое умиротворение**» (*Тайхэйраку*) — танец китайского происхождения. Прообразом этого танца послужил, согласно преданию, известный танец с мечами, исполненный китайскими воинами Сян Чжуанем и Сян-бо при встрече в Хунмэне (начало III в. до н. э.). Танцевали его четыре танцора в полном воинском облачении, с копьями и мечами. Этот танец обязательно исполнялся во время церемонии восшествия императора на престол.

«**Возблагодарим Государя за милости**» (*Гаоон*). Мелодию сочинили в Китае в эпоху Тан (618–907), в Японию она была завезена в начале эпохи Хэйан при императоре Сага (786–842) и переработана японским музыкантом Ооиси Минэёси. Танец был создан непосредственно в Японии и исполнялся в самых торжественных случаях. Ни мелодия, ни танец до наших дней не дошли.

«**Волны на озере Цинхай**» (*Сэйгайха*) — танец китайского происхождения, попал в Японию в середине IX в. Исполнялся двумя танцорами с большими мечами за поясом, в одеяниях, украшенных орнаментом из волн и морских птиц. Сорок флейтистов (так называемые «музыканты круга») то

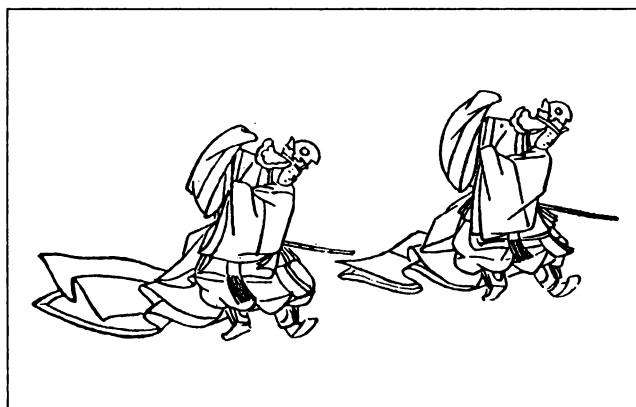
Танец «Великое умиротворение» (Тайхэйраку). Фрагмент

Танец «Возблагодарим
Государя за милости»
(Гаоон). Фрагмент

Танец «Желтая кабарга»
(Одзё). Фрагмент

Танец «Волны на озере Цинхай» (Сэйгайха). Фрагмент

расходились, выпуская танцоров, то смыкались вокруг них. Помимо «музыкантов круга» был еще и обычный оркестр, который вел мелодию попеременно с ними. Ведущий танцор во время танца исполнял песню «Волны на озере Цинхай» (на китайском языке), которую традиция приписывает поэту Оно Такамурэ.

«**Во хмелю**» (*Кансуйраку*) — музыкальная пьеса корейского происхождения. Во времена Мурасаки исполнялась без танца, хотя, по некоторым сведениям, первоначально существовал и танец того же названия.

«**Желтая кабарга**» (*Одзё*) — танец китайского происхождения, исполнялся при чествовании какого-нибудь важного лица. Предание говорит о том, что этот танец был создан по повелению китайского императора Чжун-цзуна (годы правления 705–710), желавшего почтить память своего советника Ван Сяоцзе, разгромившего войска западных варваров и погибшего в битве, имевшей место в долине под названием Хуан-чжун — Желтая кабарга. До наших дней дошла только мелодия. Известно, что танец исполнялся танцором в шлеме воина с палкой в руке.

«**Игра в мяч**» (*Дагюраку*) — танец китайского происхождения, завезенный в Японию в первой половине X в. Его танцевали четыре или шесть танцоров, движениями своими имитируя игру в мяч. Этот танец исполнялся, как правило, в дни различных состязаний.

«**Князь Лин-ван**» (*Рёо*) — танец китайского происхождения, исполнялся одним танцором в маске, с кнутом в руке. Изображал эпизод из жизни китайского князя Лин-вана, который, скрыв свое красивое лицо под устрашающе-уродливой маской, преследовал вражеское войско (период Чуньцю — 770–476 гг. до н. э.).

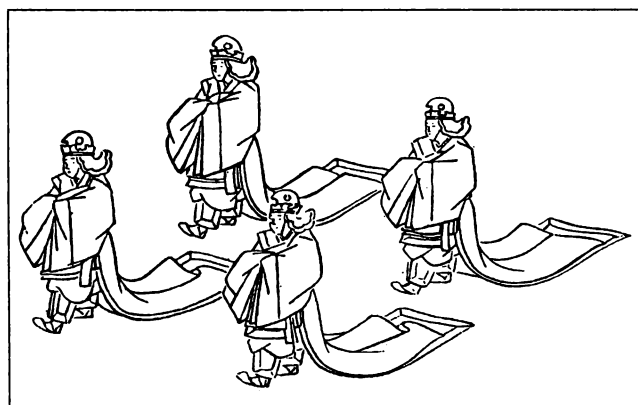
«**Многая лета**» (*Мандзайраку*) — танец китайского происхождения. Первоначально исполнялся шестью танцовщицами, но примерно с начала X в. его стали танцевать четыре танцора мужского пола. Танец исполнялся в исключительно торжественных случаях.

Танец «Игра в мяч» (*Дагюраку*). Фрагмент

Танец «Князь Лин-ван» (Рёо). Фрагмент

Танец «Многая лета» (Мандзайраку). Фрагмент

Танец «На согнутых ногах» (Ракусон). Фрагмент

Танец «Осенний ветер» (Сюфураку). Фрагмент

«**На согнутых ногах**» (*Ракусон*) — танец корейского происхождения, исполнялся двумя танцорами в страшных масках с клыками (у одного танцора маска была зеленого цвета, у второго — синего). Чаще всего этот танец исполняли во время состязаний по стрельбе из лука, сумо.

«**Осенний ветер**» (*Сюфураку*) — танец китайского происхождения, сочиненный якобы китайским императором Сюань-цзунем (712–756). В Японию проник в начале X в. Исполнялся четырьмя танцорами.

«**Парение бессмертных в лучах утреннего солнца**» (*Сэньюка*) — музыкальная пьеса, созданная непосредственно в Японии и исполнявшаяся в торжественных случаях. Соответствующего танца во времена Мурасаки скорее всего не было, хотя в известном японском трактате по музыке «Кёкунсё» (1233 г.) говорится, что танец того же названия исполняли обычно на мосту Сэта (неподалеку от озера Бива) во время проводов жрицы Исэ.

«**Радуюсь весне**» (*Кисюнраку*) — музыкальная пьеса китайского происхождения, до настоящего времени не дошла. Исполнялась во время весенних церемоний, а также в честь совершеннолетия наследного принца. Существовал и танец того же названия, который исполнялся четырьмя танцорами.

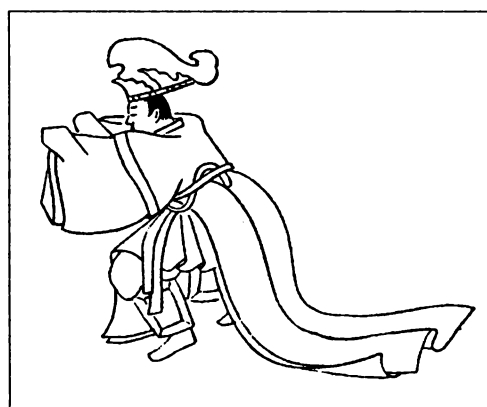
Танец «Радуюсь весне» (Кисюнраку). Фрагмент

«Танец бабочек» (Котё). Фрагмент

«Танец птиц» (Тори-но май). Фрагмент

Танец «Трели весеннего соловья» (Сюннотэн).
Фрагмент

Танец «Роца ив и цветов» (Рюкаэн). Фрагмент

«**Роца ив и цветов**» (Рюкаэн) — танец китайского происхождения, попавший в Японию в конце VIII в. Исполнялся четырьмя танцорами, до наших дней не дошел. Первоначально его танцевали женщины, но к концу X в. он превратился в мужской танец.

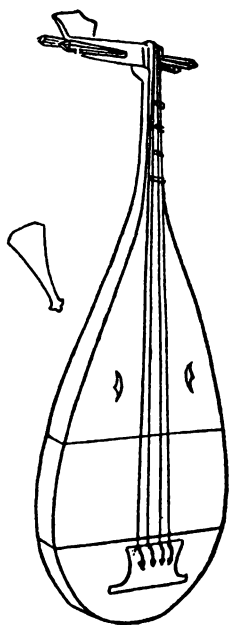
«**Танец бабочек**» (Котё) — детский танец корейского происхождения. Исполнялся четырьмя девочками в костюмах бабочек, в шапочках, украшенных цветами керрии, с ветками керрии в руках. Чаще всего этот танец исполнялся вместе с «Танцем птиц» во время буддийских церемоний.

«**Танец птиц**» (Тори-но маи) — детский танец, завезенный из Индии через Китай. Исполнялся четырьмя девочками в костюмах сказочных буддийских птиц калавинок, обычно во время торжественных буддийских церемоний.

«**Трели весеннего соловья**» (Сюннотэн) — танец китайского происхождения, до наших дней не дошел. Существует предание, что император танской династии Гао-цзун (650–684), услышав однажды пение соловья, повелел сложить мелодию, передающую это пение. Мелодия и танец проникли в Японию в самом начале VIII в. Танец исполнялся десятью, шестью или четырьмя танцорами в особых головных уборах, по форме напоминавших птичью голову.

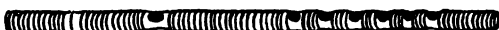
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В ЭПОХУ ХЭЙАН

Бива

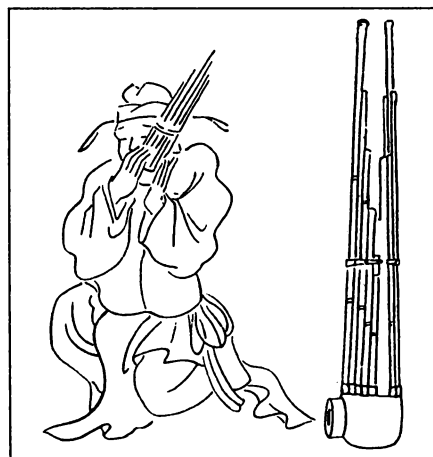
Продольная флейта («ёкобуэ»)

Корейская флейта («комабуэ»)

Флейта «хитирики»

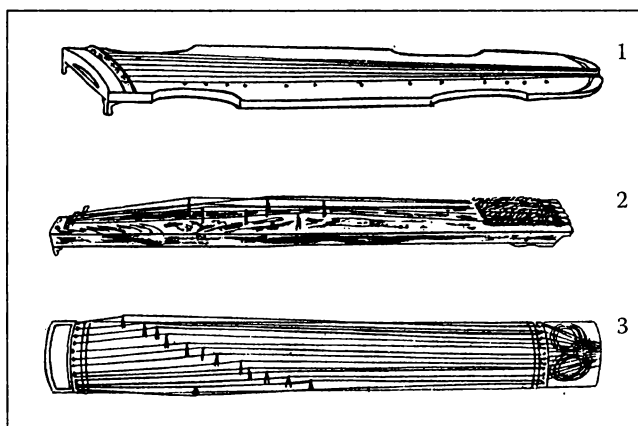

Флейта «сё»

Флейта «сякухати»

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. китайское кото («кин»);
2. японское, или восточное, кото («вагон», «адзумагато»);
3. кото «со»

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

КОЛОДЦЫ АСУКА (АСУКАИ)

Там, у колодцев Асука,
Я бы мог отдохнуть.
Йа-окэ!
Тени там так густы,
Так прохладны ручьи,
Есть хороший корм для коня.

ДРАГОЦЕННЫЙ КУВШИНЧИК (ТАМАДАРЭ)

Драгоценный
Кувшинчик вина

Выставил нам.
Хозяин, но где же ты?
Эй-йа!
Угощенье,
Ушел угощенье искать,
В Кююруги ушел.
Нарезать у берега
Нежных водорослей.

**НАШ ДОМ
(ВАИЭ)**

Вот он наш дом.
Занавеси, шторы
Задернуты плотно.
Благородный юноша, приди,
Станешь зятем моим.
Только чем же тебя
Я смогу угостить?
Розовые раковины, нежные моллюски,
Еж мохнатый морской — по душе ли?
Розовые раковины, нежные моллюски,
Еж мохнатый морской — по душе ли?

**ГОРЯЧИЕ ИСТОЧНИКИ ИЁ
(ИЁ-НО ЮГЭТА)**

В Иё на горячих источниках,
Сколько же там купален?
Да разве упомнишь?
Нет-нет,
Не перечесать их, не счесть.
Да, вот так-то.
Ах, неужели?
Может быть, ты-то и знаешь?

КАДЗУРАКИ

Прямо перед храмом
Кадзураки,
К западу от храма
Тоёра,
В колодце, что зовется «Лист эноки»,
Светлый жемчуг светится на дне.
Светлейший жемчуг светится на дне.
О-о-си-то-до...
О-си-то-до — жемчуг этот
Стране нашей процветание сулит,
Ну, а роду моему сулит он
Великое богатство.
О-о-си-то-до
То-си-то-до
О-о-си-то-н-до
То-си-то-н-до...

**ВОРОТА МОЕЙ ЛЮБИМОЙ
(ИМО-ГА КАДО)**

Моей любимой ворота,
Любимого ворота,
Как же трудно мимо пройти!
Вот если бы, как подойду,
Хлынул ливень —
Прикрывайся хоть рукой,
Прикрывайся хоть рукой —
Хлынул ливень.
Ах, кукушка!
Пусти меня в дом,
Дождь переждать,
Ну хоть под стрехой
Дай постоять.
О кукушка!

В ХИТАТИ

В Хитати
Тружусь я на поле своем.
В сердце твоём —
О да —
Нет ведь измены, любимый,
Чрез высокие горы ко мне
Ты пришел в дождливую ночь.

ЯМАСИРО

Там, в Ямасиро,
В местечке Кома,
Он живет — выращивает тыквы.
На
На-ё-я
Райси-на-я
Сай-си-на-я...
Выращивает тыквы.
«Будь моей», — сказал он мне,
И как мне быть теперь?
На
На-ё-я
Рай-си-на-я
Сай-си-на-я...
И как мне быть теперь?
И как мне быть теперь?
Харэ!

ПРИЛОЖЕНИЕ

И как мне быть теперь?
Может, сговоримся с ним,
Пока вызреют тыквы?
Я
Рай-си-на-я
Сай-си-на-я...
Пока вызреют,
Пока вызреют тыквы.

БЕСЕДКА (АДЗУМАЯ)

В беседке стою,
В беседке, а с крыши —
Слышишь? —
Дождевая капель.
Я до нитки промок,
Отвори же мне дверь поскорей.

Если б были запоры
И замки у меня — ах, тогда
Дверь, быть может, свою
Я смогла запереть от тебя.
Ну а так — ты толкни и войди,
Разве я другому жена?

ИСИКАВА

Ах, кореец один,
Кореец из Исикава,
Пояс отобрал у меня.
Вот беда, какая беда!

Какой же,
Какой же пояс?
Синий пояс —
Середина потерта немного.

Неужели отдашь,
Неужели отдашь ты свой пояс
С серединой, потертой немного?

**РЕКА НУКИ
(НУКИГАВА)**

Отмели, отмели на реке Нуки,
Изголовье мягкое из сплетенных рук.
Ах, ни единой ночи
Не спала на нем я,
Не дает с любимым видеться отец.
Только мне любимый
Стал еще милей.

Что ж, раз так, пойду
На базар в Яхаги
И куплю тебе башмаки я там.

Если покупать станешь башмаки,
Ты купи простые,
На подошве тонкой.
Я надену башмаки,
Подвяжу я пояс
И гулять отправлюсь
В Миядзи.

**ВЫСОКИЕ ДЮНЫ
(ТАКАСАГО)**

Высокие дюны,
Высокие дюны,
Высокие дюны.
На самой высокой вершине
Белым сверкает
Драгоценная камелия,
Рядом с ней — драгоценная ива.
Как бы их получить?
Са-му...
И тебя, камелия, и тебя, ива.
И белый шнурок, и цветной шнурок —
На вешалку два платья я повешу.
Драгоценная ива.
Ах, но что же это?
Са...
Ах, но как же,
Ах, но что же это?
Слишком поспешило сердце мое.
Лилия в саду.
Са...

ПРИЛОЖЕНИЕ

Лилия в саду
Утром расцвела,
Первая лилия.
Вот бы заполучить
Нежную лилию.

ЖИТЕЛИ ИСЭ (ИСЭБИТО)

Жителей Исэ
Чудаками почему
Называют люди?
Плавают в лодчонках
По волнам,
Плавают в лодчонках
По волнам.

МОРЕ ИСЭ (ИСЭ-НО УМИ)

У моря Исэ
На чистом берегу
За время отлива
Водорослей «не называй» соберем.
И ракушек наберем,
И жемчужин наберем драгоценных.

ЭТОТ КОНЬ (СОНОКОМА)

1

Крапчатого, как тростник,
Эй-я!
В рощу,
В эту рощу
Приведи молодого коня,
Крапчатого, как тростник,
Барсовой масти коня.

2

Этот конь,
Эй-я!
У меня,
У меня просит травы.
Травы наберу, его накормлю,
Воды наберу,
Травы наберу, его накормлю.

**ДЕВА ИЗ САКУРА
(САКУРАБИТО)**

О дева милая из Сакура,
Лодку останови свою.
На том далеком острове
В десять тё я поле возделал,
Посмотрю на него и вернусь,
Со-ё-я...
Завтра утром к тебе я вернусь,
Со-ё-я...

Говоришь-говоришь,
Будто завтра вернешься ко мне.
Но в далеком краю,
Знаю я, у тебя есть жена,
И ко мне, знаю я, не придешь.
Со-ё-я...
Знаю я, завтра ты не придешь,
Со-ё-я...

**ОБМЕНЯЕМСЯ ПЛАТЬЕМ¹
(КОРОМОГАЭ)**

Обменяемся платьем с тобой,
О юноша милый,
Платье мое —
Все в узорах из трав луговых,
Все в узорах из цветов хаги.
О юноша милый.

**БЛАГОСЛОВЕНЬЕ
(АНАТОТО)**

Благословенье!
День сегодняшний благословенный,
Эй-я!
В давние времена,
Харэ!
В давние времена
Бывали ли такие?
Эй-я!
День сегодняшний благословенный,
Аварэ!
Сокоёсия...
День сегодняшний благословенный...

¹ Обменяться платьем — означает провести вместе ночь.

**ЭТОТ ДВОРЕЦ
(КОНОДОНО)**

Этот дворец,
Говорят недаром, да,
Говорят недаром — полная чаша.
Листьями трехслойными сакикуса,
Аварэ!
Листьями трехслойными сакикуса,
Харэ!
Листьями четырехслойными
Крыши — одна над другой —
Вот такой прекрасный дворец!
Вот такой прекрасный дворец!

**БАМБУКОВАЯ РЕКА
(ТАКЭГАВА)**

К мосту через Бамбуковую реку,
К тому мосту,
Где Ханадзоно, сад цветов,
Харэ!
Где Ханадзоно, сад цветов,
Отпустите меня,
Отпустите меня туда,
Где юные девы.

**ЗЕЛЕНАЯ ИВА
(АОЯНАГИ)**

Из зелени ивы,
Из зелени ивы
Нити прядет,
Я-окэ-я...
Соловей,
Окэ-я...
Соловей
Шапочку плетет,
Оке-я,
Шапочка — цветок сливы.

**ПЕСНЯ СОЛНЕЧНОЙ ДЕВЫ
(ХИРУМЭ-НО УТА)**

Как же нам быть,
Какой способ найти,
Чтоб сияющую в небе

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Светлую деву солнца
Хотя бы на миг задержать,
Хотя бы на миг задержать?

Куда же, куда
Ее коня мы привяжем?
Дева утреннего солнца
Льет лучи свои на холмы,
На драгоценный тростник,
На драгоценный тростник.

УТКИ-МАНДАРИНКИ (ОСИТАКАБЭ)

Утки-мандаринки,
Уточки-такабэ,
Утки разные живут
В пруду Хара,
Эй-я!
У жемчужных водорослей не срезай корней,
Чтобы новые росли,
Чтобы новые росли...

ВЕТКА СЛИВЫ (УМЭ-ГА Э)

На ветку сливы сев,
Соловей,
Эй-я!
Будет петь до самой весны,
Харэ!
Будет петь до самой весны!
Но, увы, до сих пор,
Эй-я!
Снег все идет и идет!
Аварэ!
Со-ко-ёси-я...
Снег все идет и идет.

ТРОСТНИКОВАЯ ИЗГОРОДЬ (АСИГАКИ)

Тростниковую изгородь,
Изгородь из хвороста раздвинув,
Через нее перелез, эй-я
Перелез с драгоценной ношей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Кто же это, эй-я,
Кто же это, кто же,
Насплетничал, эй-я,
Кто наябедничал отцу?
Верно, это младшая невестка
Из того дома,
Дома, о котором слава
Громкая пошла,
Младшая невестка
Наябедничала отцу.

О боги,
О боги с небес далеких,
Подтвердите —
Не говорила ничего я никому.
Корни осоки
Никуда не годятся, негодные
Слышу я речи,
Негодные слышу я речи.

ЗАСТАВА РЕЧНЫЕ УСТА (КАВАГУТИ)

На заставе Речные Уста
Редкий плетень,
Редкий плетень,
Сколько ни стереги,
Харэ!
Сколько ни стереги,
Убегу и лягу я с любимым,
Убегу и лягу я с любимым,
На заставе редкий плетень...

МУСИРОДА

Там, в Мусирода,
Там, в Мусирода,
У реки Ицунуки,
Эй-я!
Журавли живут,
Журавли живут,
Эй-я!
Журавли живут.
Тысячу лет тебе, Государь, предвещая,
В танце кружатся,
Тысячу лет тебе предвещая,
В танце кружатся.

**ТЫСЯЧА ЛЕТ
(ТИТОСЭ)**

Тысяча лет,
Тысяча лет,
Тысяча лет — эй-я!
Тысяча лет — эй-я!
Десять столетий,
Тысяча лет — эй-я!
Многая лета,
Многая лета — эй-я!
Многая лета — эй-я!

**СУПРУГА И Я
(ИМО ТО ВАРЭ)**

Супруга и я
Вдвоем на горе Ируса.
Магнолии здесь растут
Их не трогай, не рви,
Пусть пышней расцветают,
Пусть быстрее расцветают.

**ВОСЕМЬ ДЕВ
(ЯОТОМЭ)**

Восемь юных дев,
Наши восемь юных дев,
Возникают восемь юных дев
На населенной богами
Высокой небесной равнине,
Возникают восемь юных дев.

**ДЕВОЧКА С ПРИЧЕСКОЙ АГЭМАКИ
(АГЭМАКИ)**

О девочка с прической агэмаки,
То-то...
На расстоянии хиро —
То-то...
Друг от друга легли мы, но,
Видно, передвинулись во сне,
То-то...
И почему-то оказались рядом,
То-то...

ПРИЛОЖЕНИЕ

**В НАЧАЛЕ ПУТИ
(МИТИ-НО КУТИ)**

В начале пути,
В уезде Такэо —
Вот я где, и о том
Моему отцу ты скажи,
О друг сердечный мой, ветер,
О юноша милый.

ЯПОНСКИЙ КОСТЮМ ЭПОХИ ХЭЙАН

МУЖСКОЙ КОСТЮМ

Парадное платье (*сокутай*) состояло из подвязанной кожаным поясом верхней одежды с широким рукавом (*хо, уэ-но кину, уэ-но ондзо*), безрукавки *кампи*, нижней одежды (*сита-гасанэ*) с длинным шлейфом, который либо поручали нести прислужникам, либо перекидывали через меч, еще двух или трех нижних платьев, широких штанов *хакама* (верхних и нижних), шапки с лентой сзади (у воинов лента закручивалась, у чиновников ниспадала вдоль спины). В правой руке придворный держал особую деревянную табличку (*сяку*), которая первоначально служила для записи указаний императора, потом стала чисто символическим атрибутом парадного мужского костюма. К парадному одеянию, кроме того, полагался меч. На ногах были кожаные или деревянные башмаки.

Цвет верхнего одеяния соответствовал рангу придворного. Согласно кодексу Ифукурё, вельможи Первого ранга должны были носить темно-лиловое платье, Второго и Третьего ранга — светло-лиловое, Четвертого ранга — коричневато-сиреневое, Пятого — светло-коричневое, Шестого — темно-зеленое, Седьмого — светло-зеленое, Восьмого — темно-синее.

К концу X в. был принят черный цвет для лиц Первого-Четвертого рангов. Остальные соответствия сохранились. Во времена Мурасаки высокие сановники носили черные платья, однако первая часть «Повести о Гэндзи» относится к более древним периодам, поэтому цвет парадных одеяний персонажей соответствует кодексу Ифукурё.

1. Парадное платье (сокутай)
2. Повседневная одежда (носи)
3. Охотничье платье (каригину)

Император обычно носил платье желтовато-зеленого цвета, а во время официальных церемоний появлялся в алом платье.

Шлейф нижнего одеяния был тем длиннее, чем выше ранг придворного. Цвет шлейфа зависел от времени года. (Зимой полагалось носить *ситага-санэ* либо желтое на вишневом или сиреновом исподе, либо светло-алое или светло-коричневое на темно-алом исподе. Летом — красновато-лиловое на белом исподе.)

Повседневная одежда (*носи*) для сановников высших рангов состояла из верхнего платья, напоминавшего верхнее платье парадного одеяния, только короче, шаровар *сасинуки*, присобранных у щиколотки шнурами. Вместо парадной шапки носилась часто высокая черная шапка *эбоси*. Цвет *носи* не имел сословных различий, а определялся, как правило, временем года и возрастом человека. Зимнее *носи* носилось с Десятой по Третью луну, летнее — с Четвертой по Девятую луну.

Молодые люди носили *носи* темно-фиолетового цвета, так называемой двойной окраски, при которой ткань красилась в синий цвет, а затем по си-

нему — в красный. Чем старше становился человек и чем более высокое положение он занимал, тем меньше для его одевания использовалось красной краски и платье приобретало сначала синий, потом все более бледный оттенок, а к старости превращалось в белое.

Лицам высшего ранга разрешалось носить носы с узором. Летом был в ходу орнамент из тройных ромбов, зимой — цветочный орнамент.

Шаровары у молодых людей были темно-лиловые, в зрелом возрасте — светло-лиловые, в преклонном — синие.

Иногда нижнее платье со шлейфом надевалось и с повседневным нарядом, тогда он становился полупарадным. Только очень знатные вельможи могли позволить себе появиться в таком наряде во время какой-нибудь церемонии.

Охотничье платье (*каригину*) первоначально действительно служило для охоты, но постепенно вошло в повседневный обиход. Сначала его носили простолюдины, потом стали надевать молодые люди из знатных семейств, когда выезжали инкогнито. Со временем охотничье платье распространилось в аристократической среде и стало широко использоваться как дорожное платье.

Платье *каригину* состояло из широких шаровар, недлинной (но с удлиненной, спускающейся до середины икры спинкой) куртки с широкими рукавами, которые могли в случае надобности подвязываться, и высокой шапки «эбоси».

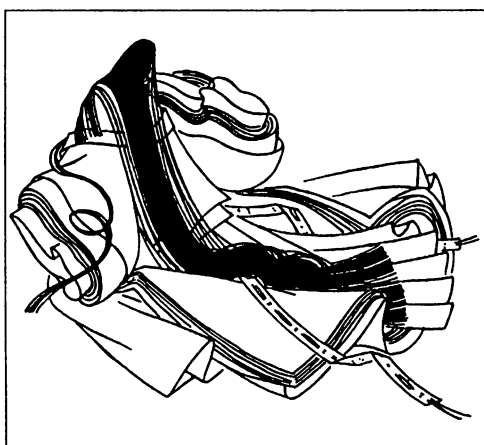
ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ

Женское парадное платье состояло из недлинной с широкими рукавами китайской накидки (*карагину*), украшенного вышивкой складчатого шлейфа *мо*, подвязывающегося сзади к талии, верхнего платья с широкими рукавами (*уваги*), нескольких (от трех до двенадцати) нижних платьев *утики*, широких штанов *хакама* (как правило, красных), привязывающихся у талии шнурами. Этот костюм обычно называли *дзюнихитоэ* — двенадцатислойным. За пазухой принято было носить листки тонкой бумаги для записей и прочих нужд, а в руках держать веер.

Китайская накидка была короче надетых под нее платьев и шилась из китайских тканей — парчи, шелка — в зависимости от звания. Цвета могли быть разнообразными. Запретными считались синий и красный цвета — их могли носить только очень важные особы. Все платья, за исключением самого нижнего (*хитоэ*), были двухслойными: лицевая сторона, украшенная вышивкой или тканым узором, была одного цвета, а гладкая изнанка — другого.

Парадное платье должны были носить все дамы в присутствии императора, в домах знати его носили прислужницы.

Повседневный женский костюм отличался от парадного прежде всего отсутствием *мо*, а также тем, что вместо китайской накидки надевалась вышитая шелковая накидка *оутики* (мало чем отличавшаяся от верхнего платья *уваги*) или накидка с прорезями *хосонага*.

*Женское парадное платье
(вид спереди и сзади)*

*Повседневный женский
костюм*

*Дорожный женский костюм
(цубосодзоку)*

Во всех случаях снизу надевалось тонкое однослойное нательное платье с широкими рукавами (*хитозэ*), которое носилось и зимой и летом.

Дорожный женский костюм (*цубосодзоку*) — одежда, в которой полагалось совершать паломничества в монастыри и пр. Одно из надетых друг на друга платьев набрасывалось на голову, а поверх него надевалась широкополая шляпа (*итимэгаса*).

Девочки носили в парадных случаях накидки кадзами из шелковой ткани или парчи с прорезями на рукавах, а в повседневной жизни — *акомэ*, однослойное платье с широким рукавом, по покрою похожее на обычное верхнее платье.

НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫЕ СОЧЕТАНИЯ ЦВЕТОВ В ОДЕЖДЕ

Азалия (*цуцудзи-гасанэ*) — белое платье на алой подкладке (реже — коричневое на светло-зеленой). Носится поздней весной.

Аир (*аямэ-гасанэ*) — зеленое на темно-алой подкладке. Носится летом.

Астра-сион (*сион-гасанэ*) — сиреневое на зеленой подкладке. Носится летом, осенью.

Вишня (*сакура-гасанэ*) — белое на розовой или сиреневой подкладке (реже — коричневое на красной). Носится весной.

Гвоздика (*надэсико-гасанэ*) — ярко-розовое на зеленой подкладке (реже — красное на сиреневой). Носится летом.

Глициния (*фудзи-гасанэ*) — лиловое на светло-зеленой подкладке (реже — темно-лиловое на сиреневой подкладке). Носится весной, летом.

Девичья краса (*оминаэси-гасанэ*) — желтое в зеленую клетку на зеленой подкладке (реже — темно-зеленое на светло-зеленой подкладке). Носится осенью.

Ива (*янаги-гасанэ*) — белое или желтоватое на зеленой подкладке. Носится весной, летом.

Керрия (*ямабуки-гасанэ*) — темно-желтое на светло-желтой подкладке. Носится зимой, весной.

Красная слива (*кобай-гасанэ*) — густо-алое на светло-коричневой подкладке. Носится весной.

Мальва (*аои-гасанэ*) — зеленое на лиловой подкладке.

Молодые побеги (*мозги-гасанэ*) — светло-зеленое на синей подкладке или светло-зеленое на темно-зеленой подкладке.

Унохана (*унохана-гасанэ*) — белое на светло-зеленой подкладке. Носится летом.

Хаги (*хаги-гасанэ*) — коричневое на зеленой подкладке. Носится осенью.

Хризантема (*кику-гасанэ*) — светло-коричневое на зеленой подкладке. Носится осенью.

ИЗМЕРЕНИЕ ВРЕМЕНИ В ЭПОХУ ХЭЙАН

В эпоху Хэйан в Японии был принят лунный календарь, заимствованный из Китая. Год делился на двенадцать (иногда тринадцать) месяцев, по 29–33 дня каждый. С Первой по Третью луну была весна, с Четвертой по Шестую — лето, с седьмой по Девятую — осень, с Десятой по Двенадцатую — зима. Дни луны назывались соответственно «двенадцати ветвям» (*дзиниси*): Крыса, Бык, Тигр, Заяц, Дракон, Змея, Лошадь, Овца, Обезьяна, Петух, Собака, Свинья.

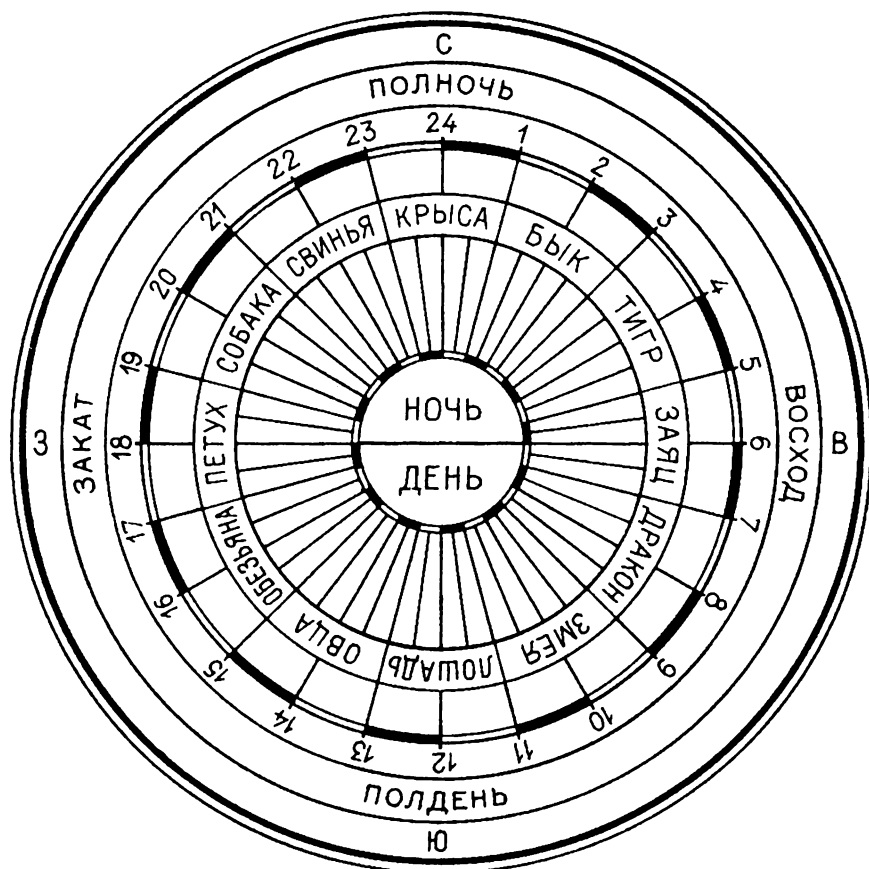
Составлением календарей ведал специальный календарник из Управления Темного и Светлого начал. Им же составлялись особые календари с указанием благоприятности или неблагоприятности тех или иных начинаний для каждого дня.

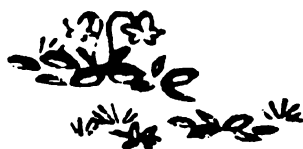
Сутки делились на двенадцать страж, также носящих имена «двенадцати ветвей». Каждая стража делилась на четыре коку. Одно коку соответствовало современным тридцати минутам.

Для определения времени использовали водяные часы, которые находились под наблюдением двух служителей Управления Темного и Светлого начал. Особо назначенный хранитель времени по указанию этих служителей бил в барабан определенное число раз, оповещая о наступлении той или иной стражи.

В монастырях в разное время дня справлялись разные службы, о начале которых возвещал удар колокола. Всего служб было шесть.

ИЗМЕРЕНИЕ ВРЕМЕНИ В ЭПОХУ ХЭЙАН

СВОД ПЯТИСТИШИЙ, ЦИТИРУЕМЫХ В «ПОВЕСТИ О ГЭНДЗИ»

1. *Неизвестный автор.* «Кокинвакарокудзё», 3365

Была ты жива,
Как привычную вещь, не ценили,
Не дарили приязнью,
Но вот — тебя нет, и сердце
Сжимается от тоски.

2. *Неизвестный автор.* «Кокинвакасю», 647

Явь, промелькнувшая
В ночи черной, как ягоды тута,
Ничуть не верней
Сновиденья, где каждая малость
Явственно ощутима.

3. *Фудзивара-но Канэсукэ.* «Госэнвакасю», 1103

Великий министр угощал в своем доме победителей состязаний в сумо, когда же пиршество закончилось, гости разошлись, но двое или трое из них остались и долго еще пили вино. Захмелев же, стали говорить о детях. Тут господин Канэсукэ и сказал:

Сердце родительское
Не во мраке как будто, и все же,
Видно, всем суждено
Блуждать от тревоги к тревоге
В постоянных думах о детях.

4. *Ки-но Цураяуки*. «Кокинвакарокудзё», 32166

Люди давно
В этот дом забыли дорогу,
Но грядущей весне
Даже густой подмаренник
Путь преградить не смог.

5. *Неизвестный автор*. «Кокинвакарокудзё», 33903

Так, я жива,
Но никто пусть об этом не знает.
От стыда трепещу
При одной лишь мысли: что думают
Сосны из Такасаго?..¹

6. *Исэ*. «Исэсю»

На ширме «Вечная печаль», принадлежавшей государю Тэйдзи-но ин:

Драгоценные шторы
Не поднимая, порой забывали,
Что бывает рассвет.
Думал ли я, что даже во сне
Не буду видеть тебя?

7. *Аривара-но Нарихира*. «Кокинвакарокудзё», 34155 (также «Исэ-моногатари», 1)²

В лугах Касуга
Расцветши, цветы мурасаки
На платье легли
Узором смятенным. Смятенье души,
Тоска по тебе — беспредельны.

8. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 1060

Сделаешь так —
Выйдет этак, а сделаешь этак...
Уж и не знаю,
Что сказать, постоянно
Попадаю впросак!

9. *Принц Мотоёси*. «Мотоёси-синно-сю»

По небу плывущий
Месяц и тот в моем доме
Находит приют.
А ты, видно, где-то за тучами
Проскользнуть стараешься мимо.

¹ Сосны из Такасаго — символ долголетия.

² Нумерация данов «Исэ-моногатари» дана по русскому переводу, см.: Исэ-моногатари. М., 1979.

10. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 287

Осень пришла,
Легли багряные листья
На тропинки в саду.
Никто не примнет их теперь,
Никто ко мне не заходит...

11. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 223

Захочешь сорвать —
Упадут и тотчас растают
Капли белой росы.
Под их тяжестью гнутся
Ветки осенних хаги.

12. *Осикоти-но Мицунэ*. «Кокинвакасю», 167

От соседей пришли с просьбой прислать им цветы «вечное лето», но,
пожалев цветы, ответил песней:

Лишь расцвели,
Не даю ни единой пылинке
Ложится на них —
«Вечное лето» — его разделить
Могу лишь с любимой супругой.

13. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 1110

Прекрасноликая дева в одиночестве о Государе тоскуя:

Я знаю: придет
Сегодня ко мне любимый.
Давно уж о том
Меня известил паук,
Плетущий в углу паутину.³

14. *Неизвестный автор*. «Сюивакасю», 804

Даже на миг
Краткий, словно коленце бамбука,
Остаться на ложе
В одиночестве праздном — и это
Счел бы я теперь испытаньем.

15. *Неизвестный автор*. «Кокинвакарокудзё», 32132

Есть в Вакаса гора
Нотисэ — «Увидимся после».
Снова встречаюсь с тобой,
Мой любимый, пусть даже сегодня
И расходятся наши пути.

³ Паук, плетущий в углу паутину, — знак близкой встречи с возлюбленным.

16. *Неизвестный автор. «Кокинвакасю», 811*

Хотя бы одним
Дай понять мне, что все-таки любишь:
Кто б тебя ни спросил,
Никому ты не признавайся,
Что в доме бывал моем.

17. *Неизвестный автор. «Синтёкусэнвакасю»*

К горе Встреч — Осака,
Надежду в сердце лелея,
Пришел, но, увы,
По-прежнему неприступна
Разделившая нас застава!

18. *Минамото-но Ситаго. «Сюивакасю», 735*

От любовной тоски
В чем обрету утешенье?
Ах, хотя бы во сне
Увидеть тебя, но ночами
Я теперь не смыкаю глаз.

19. *Саканоуэ-но Корэнори. «Кокинвакарокудзё», 33865*

Растет в Фусэя,
В далеком краю Сонохара,
Дерево-метла.⁴
Мнится — ты рядом, но вот еще миг —
И исчезаешь бесследно.

20. *Песня Оякэмэ, девы из провинции Будзэн. «Манъёсю», 709*

Во мраке ночи
Неспокоен путь, —
Луну ты подожди
И выходи, мой милый!
Хотя бы в этот миг мне на тебя взглянуть!⁵

21. *Неизвестный автор. «Сюивакасю», 727*

От тоски по тебе
Льются слезы и льдом застывают.
В эту зимнюю ночь
Удастся ли хоть на миг
Безмятежным забыться сном?

⁴ Дерево-метла — сказочное дерево, видимое только издалека, но исчезающее при приближении к нему.

⁵ Стихотворения из «Манъёсю» даны в переводе А. Е. Глускиной (см.: Манъёсю. М., 1971).

22. «Итидзёссёгосю» (домашняя антология Фудзивара-но Корэтада)
«Как живется вам в дни Второй луны?» — спросил, а женщина:

Просыпаюсь ночами,
Днем смотрю, уныло вздыхая, —
Так влекутся часы.
Почему-то этой весной на ветвях
Никак не набухнут почки...

23. *Фудзивара-но Корэтада*. «Госэнвакасю», 719
Посылая за оставленным в доме у женщины платьем:

У горы Судзука
Забыла рыбачка из Исэ
Платье свое.
Всякий может теперь увидеть,
Как поблекло оно от соли...

24. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 987

Где в целом мире
Тот уголок, что своим
Могу я назвать?
Где приют обрету в скитаньях,
Там и будет мой дом...

25. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 1007

Оглядевшись вокруг,
Я спросил у той, что стояла
От меня немного поодаль:
Видишь — там, впереди,
Что-то белое пышно цветет?
Как здесь эти цветы называют?⁶

26. *Аривара-но Нарихира*. «Кокинвакасю», 901
(также «Исэ-моногатари», 83)

Когда принцесса, мать асона Нарихира, жила в местечке Нагаока, Нарихира, на придворной службе находясь, не мог часто ее навещать, и вот на Двенадцатую луну от принцессы принесли письмо. Развернув его, он увидел, что на листке бумаги была начертана одна песня, и ничего кроме...

Неизбежной разлукой
Старость людям грозит, я знаю.
Оттого-то теперь
Мне еще больше прежнего
Хочется видеть тебя.

⁶ Стихотворение в форме сэдока — шестистишие с чередованием слогов 5-7-7-5-7-7.

Он же ответил:

Как я хочу —
Чтобы не было в мире
Неизбежных разлук.
Ради детей, что молят —
«Пусть живут они вечно!»

27. *Ки-но Томонори*. «Кокинвакасю», 562

Вечером
Сердце в груди пылает
Ярче, чем светлячки.
Но света не видно, не потому ли
Ты так холодна со мной?..

28. *Ума-но Кунихито*. «Манъёсю», 4458

Пусть даже течь навеки перестанет
Река Окинагагава,
Где ниодори дышат долго под водою,
Но в разговоре, друг, с тобою
Ведь не иссякнут никогда слова.

29. *Хэндзё*. «Кокинвакасю», 248

Когда государь Нинна был еще принцем, как-то изволил поехать он любоваться водопадом Фуру, а по дороге остановился отдохнуть в доме матери Хэндзё. Уподобив сад осеннему лугу (Хэндзё), между прочим сказал:

Дом заброшен давно,
И хозяйка совсем одряхла.
Может быть, потому
И в саду, и возле ограды —
Запустенье осенних лугов...

30. *Неизвестный автор*. «Ваканроэйсю», 722

Белые волны
Набегают на берег. Здесь век свой
Мне влачить суждено.
Я дитя рыбака, и пристанища
У меня постоянного нет.

31. *Фудзивара-но Наоико*. «Кокинвакасю», 807

Рыбачки срезают
В море травы, живет на их листьях
Рачок «ясама».
Виновата во всем, вот и плачу,
А тебя не стану корить.

32. *«Исэ-моногатари»*, 21

Даже если бы ночь
В себя вобрала тысячу
Осенних ночей,
Мы всего не успели б друг другу сказать
До первой утренней птицы.

33. *Неизвестный автор. «Сюивакасю»*, 900

Не спеши привыкать
К тому, к кому сердце стремится,
О ком думы твои.
Привыкнешь — и слишком тоскливо
Тебе будет в часы разлуки.

34. *Неизвестный автор. «Сюивакасю»*, 894

Безысходно длинны
И тоскливы бессонные ночи.
Меньше всех на земле
Стоит мне продолжать
Тщетную жизнь в нашем мире.

35. *Неизвестный автор. «Кокинвакасю»*, 631

Был напрасен урок,
Снова для толков досужих
Повод даю,
Ведь в этом мире так трудно
Быть ко всем равнодушной.

36. *Осикоти-но Мицунэ. «Гёкуёвакасю»*, 227

В столице давно
Цветы осыпались с веток,
Здесь же, в горах,
Протянувшихся вдаль грядою,
Вишни в полном цвету.

37. Источник цитирования не установлен

Если даже всех слов
Не успев исчерпать, прекращают
Свиданий искать,
Знайτε, это о том говорит,
Что к вам, увы, равнодушны.

38. *Сиромэ. «Кокинвакасю»*, 387

Когда Минамото Санэ уезжал из столицы на Цукуси, на горячие источники, расставаясь с ним в Ямасаки, сложила:

Когда бы хоть жизнь
Была нашим желаньям подвластна,
Разве теперь
Стала бы так печалиться
Расставаясь с тобой?

39. *Принц Мотоёси*. «Сюивакасю», 29

Лишь забрезжит рассвет,
Встав поскорее, спешу
На сливы взглянуть
В тревоге — не слишком ли сильно
Дул этой ночью ветер?

40. *Неизвестный автор*. «Кокинвакарокудзё», 34875

В Нанивадзу уже
Расцветают повсюду цветы —
Ведь весна так близка.
Просыпаясь от зимнего сна,
Расцветают повсюду цветы.

41. а) «Манъёсю», 3807

Мелок тот колодец — в нем
Даже тень горы видна
Той, что Мелкой названа.
Но моя любовь к тебе
Не мелка, как та вода.

б) *Неизвестный автор*. «Кокинвакарокудзё», 31861

Какая досада,
Хотела воды зачерпнуть,
Но мелок, увы,
Этот горный колодец —
Увлажнился лишь край рукава.

42. а) Источник цитирования не установлен

В облачении скорби
Гора Мрака, гора Курабу.
Средь отрогов ее
Заблудившийся вряд ли сумеет
Отыскать дорогу назад.

б) *Сонэ-но Ёситада*. «Сотансю», 494

Нам бы с милой вдвоем
На Темной горе поселиться,
На горе Огура,
Тогда краткость летних ночей
Не будет нас так печалить.

43. *Монобэ-но Ёсина*. «Кокинвакасю», 955

Я бы в горы ушел,
Где нет места мирским печалям,
Только как же уйдешь?
Все любимые, близкие — словно
Путы тяжкие на ногах.

44. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 732

По каналу челнок
Уплывает, но тотчас обратно
Вернуться спешит.
К тебе одной неизменно
Возвращаются думы мои.

45. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 867

Цветок мурасаки,
Он один лишь тому причиной:
В долине Мусаси
Все цветы, все травы вдруг стали
Бесконечно дороги сердцу.

46. *Фудзивара-но Корэтада*. «Госэнвакасю», 732

Послал женщине:

Тайком от людей
К тебе сердце давно стремится,
Отчего же
До сих пор неприступна
Застава на Встреч-горе?

47. *Неизвестный автор*. «Кокинвакарокудзё»

Мимо твоих ворот
Снова я не сумел пройти,
Хлынул ливень, да так —
Не успел рукавом прикрыться, —
Переждать в твоём доме позволь.

48. *Неизвестный автор*. «Кокинвакарокудзё», 34355

Не был там никогда,
Но услышу: «Долина Мусаси» —
И вздыхаю тайком.
А все оттого, что растут
В той долине цветы мурасаки.

49. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 1037

Раз теперь все равно,
Может, скажешь мне прямо,
Что тебе я не мил?

Почему же связались шнуры
В такой путанный узел?

50. *Неизвестный автор.* «Госэнвакасю», 684

Мои рукава
Уподобились, видно, горе
Суэ-но мацу:
Дня не пройдет, чтоб небесные волны
Не захлестнули их.

51. *Неизвестный автор.* «Манъёсю», 2321

Летающий пеной белый снег,
О, нынче ты не падай, я прошу,
Ведь нет никого,
Кто рукава мои — из белой ткани —
Высушить бы мог.

52. Источник цитирования не установлен

Всегда ярко-алым
Мне этот цветок казался,
Но не зря говорят,
Когда пресыщение приходит,
Блекнут даже цветы.

53. *Неизвестный автор.* «Сюивакасю», 798

Даже тонкое платье,
Отделяя нас друг от друга,
Вызывало досаду.
Так неужели меж нами встанет
Проведенная розно ночь?

54. *Сосэй-хоси* «Сюивакасю», 5

В годы Энги написал на ширме с изображением годовых праздников:

Жемчужиной новой
Новый год засияет пред нами.
Завтра с утра
Ждать с нетерпением будем,
Когда запоеет соловей.

55. *Неизвестный автор.* «Кокинвакасю», 28

Расщебечутся пташки,
Весне долгожданной радуясь,
В мире всякая малость
Обновляется, один только я
С каждым днем все больше старею.

56. *Аривара-но Нарихира*. «Кокинвакасю», 970

Часто посещал дом принца Корэтака, но вот тот принял постриг и поселился в местечке по прозванию Оно. Когда в начале года явился к нему с поздравлениями, у подножия горы Хиэ лежал глубокий снег. С трудом добравшись до жилища принца, почтительно склонился перед ним. Принца же застал в унынии и печали, когда же пришла пора возвращаться, сложил:

Каждый раз забываю,
А увидев, вздрогну — не сон ли?
Право, думал ли я,
Что придется когда-нибудь
К тебе сквозь снега пробираться?

57. *Неизвестный автор*. «Госэнвакасю», 199

В саду у ограды
Посадил сегодня гвоздику.
Вот цветы расцветут,
Любоваться я стану ими,
О тебе вспоминая тайком.

58. *Саканоуэ-но-ирацумэ*. «Сюивакасю», 967

Прилив начался,
И исчезли прибрежные травы.
Не так ли и ты?
Слишком редко тебя я вижу,
Слишком сильно томлюсь от тоски.

59. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 683

Рыбачки в Исэ
Утром, вечером в волны ныряют,
Морская трава
Всегда перед взором. Пока не наскучит
Хотел бы смотреть на тебя.

60. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 892

В роще Оараки
Травы поблекли, утратив
Юную свежесть.
И коням они не по вкусу теперь,
И косцы приходиться перестали.

61. *Фудзивара-но Санэакира*. «Санэакира-сю»

Прилетела кукушка,
О чем-то кричит... Не о том ли,
Что в Оараки,
В здешней роще решила она
Поселиться нынешним летом?

62. *Сестра Оно-но Комати*. «Госэнвакасю», 617

Отправила тому, кто не пришел:

У ворот
Срежу пучок мисканта
И накормлю
Коня твоего верного,
На котором ко мне прискачешь.

63. *Мать Минамото-но Арицуна*. «Кагэро-никки»

Раздвигаю бамбук —
И досадой полнится сердце:
Засохла трава —
Так может ли эта роща,
Полюбиться коню?

64. *Неизвестный автор*. «Синтёкусэнвакасю», 1285

В провинции Цу
У моста на реке Нагара
Ветхие сваи.
Дряхлею и я, печалюсь
О горькой своей судьбе.

65. *Неизвестный автор*. «Кокинвакарокудзё», 34107

Ярко-алое платье
Надену я снизу, чтоб люди
Не увидали.
Ведь если сверху надену,
Всем откроется тайна моя.

66. *Неизвестный автор*. «Синтёкусэнвакасю», 939

Настоящая боль
Приходит после разлуки.
Это я поняла,
Увидев — у Слезной реки
Даже дно обнажилось.

67. *Исэ*. «Кокинвакарокудзё», 32960

Срезают рыбачки
Морскую траву. Оплетает
Людская молва.
Но может ли это печалить,
Если кого-то любишь?

68. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 1108

Есть в Инугами
Гора Ложе, внизу протекает
Молчанья река.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Молчи же и имени людям
Не открывай моего.

69. *Оэ-но Тисато*. «Тисато-сю»

Читая собрание сочинений господина Бо (Цзюйи), в стихотворении «Весенняя ночь в Цзялине» встретил такую строку: «Не светло и не темно, луна — призрачно-тусклая...»

Светит не ярко,
Но за тучами не скрывается...
Ночью весенней
Что может сравниться
С туманной луной?

70. *Овари-но хамануси*. «Сёкунихонкоки»

Стоит ли, право,
Предаваться старцам печали?
В наш блистательный век
Даже деревья и травы,
Ликуя, кружатся в танце.

71. *Исэ*. «Кокинвакасю», 68

Некому
Вами теперь любоваться,
Горные вишни.
Вы бы лучше цвели,
Когда облетят другие...

72. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 1041

Не люблю я того,
Кто любит меня, и что же —
Не возмездие ли?
Меня тоже не любит тот,
Кого я давно люблю.

73. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 1080

У реки Сасанокума,
У реки Хинокума коня
Ты придержи
И водой напои. Полюбуюсь
Хотя б отраженьем твоим.

74. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 509

В море Исэ
Рыбу ловит рыбак, и качается
Поплавок на волнах.
Поплавок? Или сердце мое
Обрести не может покоя?

75. *Фудзивара-но Тосиюки*. «Кокинвакасю», 617

Послал женщине из дома асона Нарихира:

Томительно-долго
Льется дождь, и все прибывает
Вода в реке Слез.
Вот уже рукава промокли,
А встретиться не удастся...

76. *Аривара-но Нарихира*. «Кокинвакасю», 618

Ответил за женщину:

Видно, мелка
Река Слез, коли в ней промокают
Одни рукава.
Поверю тебе, когда скажут —
Его унесло течением...

77. *Идзуми Сикибу*. «Идзуми Сикибу-сю», 208

Когда забыл меня мой возлюбленный, я отправилась в храм Китано и, глядя на светячков, над священной рекой мерцающих, сложила:

В сердце тоска...
Гляжу — светячки над рекою,
А мнится — душа,
Драгоценным камнем сверкая,
Вдаль уносится, тело покинув.

78. *Осикоти-но Мицунэ*. «Кокинвакасю», 977

Долго не навещал одного человека и, когда при встрече он попенял мне за это, ответил:

Быть может, душа
Тело на время покинула
И к тебе улетела?
Ведь желаньям моим
Она не всегда послушна.

79. Источник цитирования не установлен

«Думать не стану», —
Твержу про себя, но не это ль
Называется «думать»?
«Говорить не буду», — сказав,
Ведь уже, увы, говорю...

80. *Кормилица матери Минамото-но Канэтада*. «Госэнвакасю», 1188

Когда скончалась матушка асона Канэтада:

Когда бы она
Не оставила нам на память
Это дитя,
Разве б теперь собирали
Цветы воспоминаний?

81. *Мибу-но Тадаминэ. «Кокинвакасю», 839*

Когда скончался Ки-но Томонори

Есть ведь другое время,
Почему же именно осенью
Он нас покинул?
Ведь осенней порою грустишь,
Расставаясь даже с живыми.

82. *Неизвестный автор. «Кокинвакасю», 695*

Тоскую в разлуке!
Вот бы сейчас увидеть,
Гвоздику Ямато,
Расцветшую у плетня
Бедной хижины горной.

83. *Источник цитирования не установлен*

Всегда моросит
В дни луны Богооставленной
Унылый дождь,
Но такими мокрыми прежде
Не бывали мои рукава.

84. *Источник цитирования не установлен*

Платье свое
Я подкрашу яркими красками,
Чтоб тебя привлекло,
Но как передать тебе
Свои тайные думы?

85. *Неизвестный автор. «Манъёсю», 2542*

С той поры как изголовьем стали вдруг
Нежные, как вешняя трава,
Первые объятия твои,
Проведу ли ночь я без тебя?
Ведь ты мил, а не противен мне...

86. *Неизвестный автор. «Манъёсю», 3048*

В Карибаноону,
Где цари охотятся,
Много на дубах больших ветвей...
Мы с тобою стали ненамного ближе,
Но тоска во много раз сильнее!

87. *Неизвестный автор. «Госэнвакасю», 458*

Сокрушительно быстрых
Тут обитель, и листья сакаки
Ярки, как всегда.

Не потускнела их зелень
И под осенним дождем.

88. *Какиномото-но Хитомаро*. «Сюивакасю», 924

Сокрушительно быстрых
Богов ограду священную
Преступил бы и ту.
Ведь жизнью своей теперь
Не дорожу я ничуть.

89. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 982

Под Мива-горой
Мой дом, и если ты любишь,
Приходи навестить.
Знаком тебе послужит
Криптомерия у ворот.

90. *Неизвестный автор*. «Сюисю», 577

Листья сакаки
Благоухают, и ими влекомые
Сегодня сюда
На встречу с богами пришли
Десятки-десятки родов.

91. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 701

Грохочущий бог,
Так грозно и страшно ступающий
По равнине небес,
Дано ли ему разлучить
Тех, кто стремится друг к другу?

92. «Ямато-моногатари», 72

Этот пруд и теперь
Перед взором лежит, как прежде,
Зеркалом чистым,
Но, увы, с нами уж нет
Того, кто в нем отражался.

93. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 951

Годы текут,
И лишь умножаются горести.
О, если б я мог
В горах Ёсино затеряться,
Ступив на тропинку средь круч.

94. *Неизвестный автор*. «Синкокинвакасю», 1260

В небесных вратах
Возникла луна предрассветная.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Гляжу на нее —
И в сердце тоска по той
Что со мною всегда жестока.

95. «Исэ-моногатари», 31

Старинную пряжу
Смотав в клубок, так нетрудно
Опять размотать.
Ах, когда б так же просто могли
Мы прошедшее нынешним сделать!

96. *Ки-но Цураюки*. «Кокинвакасю», 297

Приехали в Северные горы, чтобы нарвать алых веток клена, и там
сложил:

В горной глуши,
Не порадовав ни единого взора,
С веток упали
Багряные листья — как будто
Парчовый наряд в ночи.

97. *Фудзивара-но Такацунэ*. «Госэнвакасю», 78

Все уехали любоваться цветами, о том не сообщив, и вот — отправил им
вослед такую песню:

На горные вишни
Посмотреть собрался, но дымка
Преградила дорогу.
Как видно, не только люди
Бывают жестоки, увы.

98. *Неизвестный автор*. «Госэнвакасю», 1261

Раз супруг одной женщины уехал куда-то, сказав: «Скоро вернусь», но
дошло до него, что обменивалась она письмами с другим, и он долго не на-
ведывался к ней. Разузнав, в чем дело, и встревожившись, мать этой женщи-
ны написала к нему так:

«Скоро вернусь», —
Ты сказал, и, тебе поверив,
Жду до сих пор.
Неужели остаток дней своих
Придется прожить в ожиданье?

Он же ответил:

Долго вздыхал
О доле своей злосчастной,
Сокрушаясь тайком.
А в конце концов оказалось —
Истомил ожиданьем тебя.

99. *Сосэй-хоси*. «Госэнвакасю», 1094

Когда Государыня, бывшая жрица святилища Камо, приняла постриг, сорвал ветку сосны, росшей на островке посреди пруда в ее саду, и привязал к ней такое послание:

Наконец-то
Увидел Сосновый остров,
Известный по слухам.
Благородны и в самом деле
Рыбачки, живущие здесь.

100. *Ки-но Томонори*. «Кокинвакасю», 154

Или ночь так темна?
Иль, дороги не зная, блуждает?
Снова кукушка
Рядом кричит, все не может
Моего дома покинуть.

101. Источник цитирования не установлен

Опали цветы,
Разрослись деревья, и ветви
Переплелись.
Различить не могу те кусты,
Что когда-то сажал у ограды...

102. *Неизвестный автор*. «Кокинвакарокудзё», 33650

О минувших годах
Станем мы вспоминать, и вдруг —
Кукушка в саду...
Как только она догадалась?
Кричит, совсем как тогда.

103. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 139

Пятой луне
Навстречу расцвел померанец.
Его аромат
Вдыхая, вдруг вспомнил: так пахли
Когда-то ее рукава...

104. *Ки-но Томонори*. «Кокинвакасю», 405

По дороге встретив карету одной дамы, обменялся с ней посланиями, расставаясь же, сказал:

В разные стороны —
Концы нижнего пояса смотрят,
Расстаемся и мы.
Но, по миру скитаясь, когда-нибудь
Непременно свидимся снова.

105. *Осикоти-но Мицунэ*. «Кокинвакасю», 611

Не знаю, куда
Любовь заведет, не видно
Ни конца и ни края.
На одно надеюсь — свиданье
Блужданиям положит предел.

106. *Аривара-но Сигэхару*. «Кокинвакасю», 862

Уехал из дома, решив навестить друга, в стране Каи живущего, но по дороге внезапно заболел и, чувствуя, что близок конец, отправил посланца в столицу к своей матушке со следующим посланием:

Туда и обратно —
Путь недолог в страну Каи.
Так думал, и что же?
Оказалось, в последний раз
Вышел я за ворота дома.

107. «Исэ-моногатари», 33

Разве скажешь кому?
Молчу, хоть с волнением справиться
С каждым мигом трудней.
Да, такая, видно, настала
Пора — кручиниться молча.

108. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 708

В Сума рыбак
Соль добывает, дымок над костром,
Ветру покорный,
В те земли стремится, о коих
Никогда и помыслить не мог.

109. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 952

Куда мне идти?
Средь каких утесов я должен
Поселиться теперь,
Чтоб ничего не слышать
О горестях этого мира?

110. *Исэ*. «Кокинвакасю», 756

Как все похоже:
Сижу одна, предаваясь
Тягостным думам,
И луна с моего рукава
Глядит на меня сквозь слезы...

111. *Минамото-но Ватару*. «Госэнвакасю», 1334

На прощальном пиршестве перед отъездом из страны Дэва в столицу:

Что ждет впереди?
Не ведаю, горькие слезы
Струятся из глаз.
И даже рядом с собою
Ничего разглядеть не могу.

112. *Аривара-но Нарихира*. «Госэнвакасю», 1353 (также «Исэ-моногатари», 7)

Уехав в Восточные земли, тосковал по родной стороне, и как-то, переправляясь через реку и глядя на волны:

Все сильнее тоска
По тем, кого я оставил
Далеко позади.
Как я вам завидую, волны:
Уходя, возвращаетесь вы.

113. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 863

Платье мое
Внезапно покрылось росой —
По Небесной реке
Ладья проплывает, с весла
Брызги вниз, наверно, упали.

114. *Аривара-но Юкихира*. «Кокинвакасю», 962

В годы государя Тамура попал в немилость и уединился в местечке Сума, в стране Цу. Оттуда послал человеку, которого знал по службе во Дворце:

Коль тебя обо мне
Кто-то спросит, ответь ему так:
У залива Сума
С трав морских капли соли стекают,
И текут безрадостно дни...

115. *Фудзивара-но Канэсукэ*. «Кокинвакарокудзё», 33193

Канэсукэ из императорской охраны сложил на пиршестве у реки Камо, когда провожали в страну Каи Михару-но Арисукэ из Привратной охраны:

О тебе я скорблю,
Потоками падают слезы,
Стекая к реке.
Даже воды ее, должно быть,
Поднялись теперь еще выше.

116. *Неизвестный автор*. «Кокинвакарокудзё», 32724

Был напрасен урок.
Пусть белые волны шумят,
Гребни вздымая,
Снова спешу я нарвать
Трав морских у залива Сума.

117. Источник цитирования не установлен

Любимый всегда
Сидел, к тебе прислонившись.
Кипарисовый столб,
Навеки связанный с ним,
Ты особенно дорог сердцу.

118. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 766

Томлюсь от тоски,
Но с тобой не встречаюсь ночами.
Ах, неужели
И тропинки снов заросли
Буйной травой забвенья?

119. Источник цитирования не установлен

Расставаясь с тобой,
Тревожусь: когда доведется
Свидеться вновь?
А ведь даже не скажешь, что жизнь
Подошла к своему пределу...

120. *Отото-но Момоё*. «Сюивакасю», 685

Если умру
От тоски по тебе, что в том толку?
Ведь я хочу
Видеть тебя теперь,
Пока живу в этом мире.

121. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 184

Сквозь ветви струясь,
Лунный свет в наш сад проникает,
Говоря нам о том,
Что вот она, уже здесь
Тревожно-тоскливая осень.

122. *Аривара-но Юкихира*. «Сёкукокинвакасю», 876

Сложил, когда находился в стране Цу, в месте под названием Сума:

У странника
Рукава холодными стали.
Из бухты Сума,
Никаких застав не страшась,
Ветер морской налетел.

123. *Неизвестный автор*. «Кокинвакарокудзё», 34087

Одинокое ложе
В омут слез превратилось,
Такой глубокий —

Даже каменное изголовье,
И то бы, верно, всплыло.

124. *Осикоти-но Мицунэ*. «Гёкуёвакасю»

Поднимутся волны,
На берег из моря вынесут
Жемчужные травы.
Вот бы ветер подул оттуда,
Куда думы стремятся мои!

125. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 508

Нет, не время теперь
Меня осыпать упреками.
Сердце мое,
Как ладья, не знает покоя,
На волнах качаясь любви.

126. *Оно-но Такамура*. «Кокинвакасю», 961

Сложил в те времена, когда жил в изгнании в стране Оки:

Мог ли я думать,
Что ждет меня жизнь в глуши,
Тяжесть разлуки?
Что станут рыбацкие снасти
Привычны моим рукам?

127. *Неизвестный автор*. «Кокинвакарокудзё», 33175 (вариант в «Манъёсю», 1883)

Может быть, там,
За стокаменными стенами,
Царит вечная праздность?
Вот и сегодняшний день
Провели, украшаясь цветами.

128. *Неизвестный автор*. «Госэнвакасю», 1189

В те дни, когда предавался неизбежной печали, пришло письмо от весьма важной особы с изъявлениями сочувствия:

Для радости и для горя
Одно вместилище — сердце.
И можем ли мы
Отличить друг от друга
Слезы радости, слезы печали?

129. *Ки-но Цураюки*. «Тоса-никки»

У того, кто уйдет,
У того, кто останется, — равно
Рукава рекой слез
Потекут. С каждым мигом вода
Поднимается выше, выше...

130. *Ки-но Цураюки*. «Госэнвакасю», 1225

Как-то раз одна близкая Цураюки женщина приехала к нему в карете с прислуживающей во Дворце дамой, с которой связана была давней дружкой. Цураюки, желая принять гостью получше, спустился в сад и, помня о том, что там же была и другая, тайком передал ей:

До нитки промок
На волнах качаясь, но тут
Улыбнулось мне счастье —
Подул спасительный ветер
И принес челнок рыбака.

131. *Осикоти-но Мицунэ*. «Кокинвакарокудзё», 31210

Как сегодня близка
Луна, что там над Авадзи
В заоблачных далях
Виделась бледно-далекой,
Верно, все зависит от места...

132. Источник цитирования не установлен

Ночь темна, но уже
Прилетел и стучит так громко
Петушок-куина.
Видно, кто-то запер ворота
И его не впускает в дом.

133. Источник цитирования не установлен

За долгие годы
Привык к шуму ветра в соснах
Слух жителя гор.
И, пение струн услышав,
Он кото узнать не сумел.

134. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 503

Победила любовь —
Терпеть и скрывать свое чувство
Больше не в силах,
А ведь недавно думал —
Никогда этой тайны не выдам...

135. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 865

Где же теперь
Радость свою мне прятать?
Раньше бы знать —
Рукава у китайского платья
Попросила бы шире скроить.

136. Источник цитирования не установлен

Слово дали друг другу,
Но тебя еще не видал я
И томлюсь от любви.
Оттого-то душу мою
Все так теперь печалит.

137. *Неизвестный автор.* «Кокинвакасю», 1025

Я проверить хотел
Просто в шутку: смогу ль без тебя?
Отказался от встреч...
Но теперь мне, увы, не до шуток,
Нестерпима тоска.

138. *Минамото-но Санэакира.* «Госэнвакасю», 103
Прекрасной лунной ночью любуюсь цветами:

Как не сетовать мне?
Этой ночью луну и цветы,
Прекрасные равно,
Я хотел бы тому показать,
Кто их оценить сумеет.

139. Источник цитирования не установлен

С другом сердечным
Как хотелось бы мне попасть
На остров Тамацу.
Посмотреть, как мерцает луна,
Погружаясь на дно залива.

140. Источник цитирования не установлен

«Не забуду тебя», —
Я поклялся, но если ту клятву
Вдруг нарушу, тогда
Пусть нас рассудят с тобою
Боги горы Микаса.

141. *Неизвестный автор.* «Кокинвакасю», 1093

Коль оставляю тебя
И все клятвы забуду беспечно,
Пусть морская волна,
Взлетев до небес, перекатится
Через гору Суэ-но мацу.

142. *Укон.* «Сюивакасю», 870

Покинутая —
О себе не пекусь я,

ПРИЛОЖЕНИЕ

Боюсь за тебя:
Ты клятву давал и теперь
Жизнь твоя под угрозой...

143. Оэ-но Асацуна, «Нихонги»

Мог ли отец,
Могла ли мать не кручиниться,
Глядя на то,
Как трехлетний Бог-пьявка, сын их,
Все не может на ноги встать?

144. Источник цитирования не установлен

Побережье Удо
По-прежнему ли уныло?
Как свой век проживу?
Волны плещут... Каждую ночь
Я хотел бы видеть тебя.

145. *Неизвестный автор*. «Манъёсю», 799

Над горою ближней Оону,
Подымаясь, расстилается туман...
Из-за ветра —
Вздохов горести моей —
Подымаясь, расстилается туман...

146. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 409

Туман по утрам
Встает над бухтой Акаси.
В зыбкой дали
За островом челн исчезает —
В сердце — щемящая грусть...

Некоторые считают, что песню эту сложил Хитомаро.

147. *Неизвестный автор*. «Сюивакасю», 299

Пусть твой век, Государь,
Несокрушимым утесом высится.
Даже если порой
Камня платье из перьев коснется,
Не иссякнет крепость его.

148. *Неизвестный автор*. «Госэнвакасю», 64

Я хотел бы иметь
Рукава такие, чтоб небо
Можно было прикрыть.
Судьбу весенних цветов
Не могу я доверить ветру.

149. *Исэ*. «Кокинвакарокудзё», 32742

Залив Кумано
Позади оставляя, вдали
Теряется лодка.
И ты, меня оставляя,
Уходишь все дальше, дальше...

150. *Принц Мотоёси*. «Сюивакасю», 766

Истомила тоска,
И не все ли теперь мне едино?
О залив Нанива!
Пусть в волнах его я погибну,
Но добьюсь свиданья с тобой.

151. *Ки-но Цураюки*. «Кокинвакасю», 918

Как-то раз поехал в Нанива и на острове Тамино попал под дождь:

Захваченный ливнем,
Поспешил я на остров Плаща,
Островок Тамино,
Но разве могут слова
От дождя кого-то укрыть?

152. *Неизвестный автор*. «Сюивакасю», 1329

На закате звонит
Колокол в горном храме
Каждый раз об одном:
«Вот и этот день на исходе».
И печально сжимается сердце.

153. «Манъёсю», 1418

Песня радости, сложенная принцем Сики:

Настала весна,
Когда расцветать начинают
Вараби
У стремительных горных потоков,
Бегущих, сверкая, со скал...

154. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 948

Был ли наш мир
Всегда, с давних времен
Столь безотрадным?
Или таким он стал
Для одного меня?

155. *Неизвестный автор*. «Сюивакасю», 1203

Но кто и зачем
В этот дом захочет наведаться?

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тропинки в саду
Заглушила полынь, и давно уже
Никто не заходит сюда.

156. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 1091

Верные слуги,
Предложите скорее зонт
Своему господину.
Здесь, на Дворцовой равнине
Роса обильней дождя.

157. *Осикоти-но Мицунэ*. «Госэнвакасю», 1108

Закончил дела в Авадзи и, возвращаясь в столицу, сложил в доме асона
Канэсукэ в Авада:

Давно уж к земле
Годы пригнули того,
Кто ее посадил.
А сосна между тем все выше
Тянет ветви свои.

158. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 200

Вспоминая тебя,
Плачу, плакун-травой
Зарос старый сад.
Ожиданье томит, печальны
Голоса сосновых сверчков.

159. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 1098

Ветер летит
К вершине Каи и дальше —
К далеким горам.
Был бы он человеком,
Послал бы весточку с ним.

160. Источник цитирования не установлен

Сроднилось давно
В воде корни пустившее дерево
С камнями, с водой.
От них отделенное, станет ли
Тосковать? Иль забудет о них?

161. *Тайра-но Садафун*. «Кокинвакасю», 965

Сложил, уходя в отставку:

Хотя бы теперь,
Когда к концу приближается
Мне отмеренный срок,

Хотел бы не думать так часто
О горестях этого мира...

162. *Неизвестный автор. «Сюивакасю», 375*

Сумею ль найти
Знакомые прежде тропинки?
Луга, где бродил
Когда-то в минувшие годы,
Бурьяном густым заросли.

163. Источник цитирования не установлен

Что же будет со мной,
Коль окажешься ты далёко?
Ведь даже теперь,
Разлучаясь с тобою на миг,
Я не в силах избыть тоски.

164. Источник цитирования не установлен

Средь далеких вершин,
Где встают грядой восьмислойной
Белые тучи,
Даже там можно жить, коль судьба
Тебя вдруг туда занесет.

165. *Принц Корэтака. «Кокинвакасю», 945*

Средь далеких вершин,
Где тщетно искать просвета
В пелене белых туч,
Даже там можно жить, коль судьба
Тебя вдруг туда занесет.

166. *Фудзивара-но Окикадзе. «Кокинвакасю», 909*

Кого мне считать
Другом своим задушевым?
Как ни стара
Сосна Такасаго, я ведь с ней
Не был близок в былые годы.

167. *Исэ. «Кокинвакасю», 968*

Когда была в местечке под названием Кацура — Лунный багряник, —
получила письмо от средней принцессы с Седьмой линии, изволившей
беспокоиться о моем здоровье, и в ответ:

Это селенье
Называется так же, как дерево
С далекой луны.
Потому и живу я, надеясь
На ваших милостей свет.

168. *Неизвестный автор. «Госэнвакасю», 234*

Никогда не порвутся
Плюща драгоценные нити,
Но и в новом году
На одну только ночь откроется
Небесная переправа.

169. *Неизвестный автор. «Госэнвакасю», 706*

Супруг одной дамы, переменившись к ней, стал посещать какую-то другую женщину, а ей сказал: «Мне неудобно навещать тебя там, где ты теперь живешь, потому я и не прихожу». Она же, сменив жилье, стала ждать, но он все равно не появлялся:

Я сменила жилье,
Дни влачу в ожиданье, но ты
Все не приходишь.
Видно, в мире так много мест,
Куда «ходить неудобно»...

170. *Неизвестный автор. «Сюивакасю», 985*

Напрасны упреки,
Ничего не изменишь, по-прежнему
Он со мною жесток.
Что могу я сказать? Увы,
Остается лишь плакать горько...

171. *Хидари-но Ооимотигими (Фудзивара-но Токихира). «Кокинвакасю», 1049*

Если скроешься ты
В далеких землях заморских,
В горах Ёсино,
Неужели я не сумею
И там тебя отыскать?

172. *Татибана-но Суэмита. «Госэнвакасю»*

«Как там, в Такэкума,
Две сосны?» — спросит меня
Житель столичный.
А я ему так отвечу:
«Теперь их не две, а три».

173. *Источник цитирования не установлен*

Что наш мир?
Не плавучий ли, зыбкий
Мост сновидений?
Суждено по нему проходящим
Печалиться и страдать...

174. *Каницукэ-но Минэо*. «Кокинвакасю», 832

Когда скончался Великий министр Хорикава, после погребальных обрядов в горах Фуакауса сложил:

Вишни,
На лугах Фукаса растущие,
Если есть у вас сердце,
Этой весной черными
Расцветайте цветами!

175. *Неизвестный автор*. «Сюивакасю», 761

Та, кем сердце полно,
Не сродни ли росе, сверкающей
На листьях трав?
Стоит вспомнить о ней,
И рукава намокают.

176. *Неизвестный автор*. «Сюивакасю», 509

Весной лишь цветы
Пышным своим расцветом
Радуют взор.
Красота же мира волнует
Сильнее в осенние дни.

177. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 546

Так не бывает
Чтобы душа не томила
От любовной тоски,
Но осенними вечерами...
Самому становится странно.

178. *Накахара-но Мунэтоки*. «Госюивакасю», 82

Ах, когда б мы могли
Напитать лепестки этих вишен
Ароматами слив
И заставить их распуститься
На ветках зеленой ивы!

179. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 530

Горькая участь
Быть отраженьем огня
В бегущей воде:
В глубине под потоком слез
Сгорать от любовной тоски.

180. *Сосэй-хоси*. «Кокинвакарокудзё», 32582

Печально смотрю:
На воде тает легкая пена.
Этот горестный мир
Из-за кого же впервые
Показался мне безотрадным?

181. «Исэ-моногатари», 64

«Исцелюсь от любви» —
Совершил я обряд Омовенья
В Священной реке,
Но почему-то боги
Не приняли жертву мою.

182. «Сумиёси-моногатари»

Мимо твоих ворот
Я в этот миг прохожу.
Выйди же и взгляни:
Как измениться могут
Черты того, кто влюблен.

183. Источник цитирования не установлен

У рыбачек из Сума
Поблекли платья от соли.
Постылым
С годами становится то,
Что при тебе неотлучно.

184. *Сайгу-но нёго*. «Кокинвакарокудзё», 34134

В нашем мире, увы,
Привыкать к чему-то опасно.
Потому-то теперь
Далеки друг от друга мы, словно
Нити в платье рыбачки из Сума.

185. *Сётоку-тайси*. «Сюивакасю», 1350

Когда Сётоку-тайси ехал к какому-то человеку, живущему в горах Катаока, он увидел, что у дороги лежит умирающий путник. Конь принца остановился и не хотел идти дальше. Сколько ни понукали коня, сколько ни били кнутом, он не двигался с места. Тогда принц изволил спешиться, подошел к умирающему от голода человеку, снял свое лиловое платье и набросил на него, сказав:

Залиты солнцем
Склоны горы Катаока.
Лежит у дороги,
Умирая от голода, путник —
Ни родных у него, ни близких...

186. Источник цитирования не установлен

Сетовал я
На своей судьбы безотрадность,
Теперь же
Еще и о бедах чужих
Приходится мне вздыхать...

187. *Неизвестный автор*. «Сюивакасю», 545

Когда Минамото-но Сигэюки приехал в Оми к своей матери, внезапно ночью пришло письмо от внука с просьбой немедленно приехать, и он сообщил о намерении уехать, на что мать матери его ответила:

Мать матери своей
Ты навестить решил, за этим
Сюда приехал.
Как будто бы совсем тут ни при чем
Сын сына твоего...

188. *Фудзивара-но Митимаса*. «Госюивакасю»

Осталось
У меня одно лишь желание —
О том, что тебе
Больше не мил — услышать
Из твоих собственных уст.

189. Источник цитирования не установлен

Кого мне винить,
Ведь в любви лишь сердце повинно,
От нее не уйдешь,
С ней же жить — не будет конца
Этим жестоким мукам.

190. *Исэ*. «Кокинвакасё», 990

Продав дом свой, сложила:

Вряд ли мой дом
Так уж похож на омут
Реки Асука.
И все же сумел превратился
В стремнину звонких монет.

191. *Фудзивара-но Ёситака*. «Фудзивара-но Ёситака-сю»

Осенней порой
Вечерний сумрак особенно
Сердце тревожит.
Мискант гнется под ветром,
Листья хаги покрыты росой...

192. Источник цитирования не установлен

Ах, эти гуси
В небе, туманом затянутом,
На меня так похожи:
Ни на миг не светлеет небо,
И печали не видно конца.

193. *Неизвестный автор*. «Кокинвакарокудзё», 31301

Вдруг налетев,
Полнит истомой все тело
Осенний ветер.
А я ведь всегда считал его
Таким безразлично-холодным...

194. *Неизвестный автор*. «Сюивакасю», 579

Дар богам принесен
Не от меня, недостойного,
А от девы с небес,
Тоёка-химэ светлейшей,
От нее — этот дар богам.

195. *Какиномото-но Хитомаро*. «Сюивакасю», 668

На берегах Кумано
Расцвели пышным цветом лилии.
Лелею в душе
Мечту о тебе, пусть не просто
Встретиться мне с тобой.

196. *Минамото-но Мунэюки*. «Кокинвакасю», 24

Неизменностью
Славится зелень сосен,
Но с приходом весны
И она изменилась, стала
Еще ярче, чем прежде.

197. *Фудзивара-но Тамэёри*. «Сюивакасю», 1299

Печалюсь о том, что все больше старых друзей покидает этот мир:

«Ах, если бы он
Теперь оказался с нами!» —
О ком-то вздохнешь...
И, увы, с каждым годом все больше
Приходится нам вздыхать.

198. *Неизвестный автор*. «Манъёсю», 1230

Пусть миновали мы
Священный мыс Канэ,

Бедою страшной путнику грозящий,
Но все равно я не забуду никогда
О божестве грозном острова Сика.

199. *Мурасаки Сикибу*. «Мурасаки Сикибу-касю», 18

Ко мне принесли письмо из места по названию Хидзэн. Это ведь так далеко. И в ответ я написала:

Свидимся снова —
Одно лишь желание в сердце.
Думам моим
Ты свидетелем будь, бог Зеркала
Из Мацура, залива Сосен...

200. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 1009

У реки Хацусэ,
У реки Фурукава растёт
Двуствольная криптомерия.
Годы пройдут,
И с тобою мы снова встретимся,
Двуствольная криптомерия.

201. *Фудзивара-но Канэсукэ*. «Кокинвакарокудзё», 32430

Мольбы возношу,
Переправляясь с надеждой
Чрез реку Хацусэ.
Пусть течение несёт меня
К новым встречам, к счастливым мирам.

202. *Оно-но Комати*. «Кокинвакасю», 554

Когда совладать
Я не в силах с тоскою, ночами
Ягод тута черней,
Я ложусь на ложе свое,
Наизнанку вывернув платье.⁷

203. *Сосэй-хоси*. «Кокинвакасю», 356

Поздравляя Ёсиминэ-но Цунэнори с сорокалетием, послал ему от имени дочери своей:

Желаю тебе
С могучей сосной вековой
Сравняться годами.
А я бы жила, осененная
Тысячелетней кроной твоей.

⁷ В древней Японии существовало поверье: если ляжешь спать, вывернув платье наизнанку, то увидишь во сне любимого.

204. *Отото-но Куруноси*. «Кокинвакасю», 1086

Недаром в Ооми
Поставили гору Зеркальную:
Можно увидеть,
Сколько долгих-долгих веков
У тебя, Государь, впереди.

205. Источник цитирования не установлен

Хотя бы сегодня
Потешил нас соловей
Первою песней.
В том саду, где его не слышно,
Бессмысленно, право, жить.

206. *Неизвестный автор*. «Кокинвакарокудзё», 1820

Когда бы мой дом
Стоял у холма, покрытого
Цветущими сливами,
Разве стал бы я ждать в тревоге:
Запоеет ли в саду соловей?

207. *Мибу-но Тадаминэ*. «Кокинвакасю», 928

Увидев водопад Отова на горе Хиэ, сложил:

Вскипая, бурля,
Водопад этот падал когда-то,
Но годы прошли,
Он состарился, черных струек
Не увидишь в пене седой.

208. Источник цитирования не установлен

Из всех расставаний
Последнее — только оно
Достойно печали.
Никому ведь не ведомо, сколько
Может продлиться жизнь.

209. *Неизвестный автор*. «Санэакира-сю»

Продлится ли жизнь —
Даже того не знаем,
Хотя и готовы
В душе лелеять привычно
Мысль о верности вечной.

210. *Сосэй-хоси*. «Кокинвакасю», 56

В пору весеннего цветения, окинув взглядом столицу:

Посмотришь вокруг —
Ивы, цветущие вишни

Смешав воедино,
Столица весенней парчой
Раскинулась перед взором!

211. *Ки-но Томонори*. «Госэнвакасю»

Водную гладь
Скомкал узорчатым шелком
Весенний ветер.
Растопить он сумеет и лед,
Сковавший поверхность пруда.

212. Источник цитирования не установлен

В этом камешке малом,
Может быть, тоже сокрыты
Чувства-желанья.
Но как же им трудно
Наружу излиться...

213. *Исэ*. «Госэнвакасю», 810

Если захочешь
В Ёсино отыскать мой дом,
Сделай так, чтобы все
Увидали: в твоей прическе
Те же цветы, что в моей.

214. *Неизвестный автор*. «Кокинвакарокудзё», 35336

Истомила тоска,
Вот если бы сосны из Ота
Цветом своим
Тебе намекнуть сумели,
Как желаю встречи с тобой!

215. *Минамото-но Санэакира*. «Минамото Санэакира-сю»

Уже в годы богов
Недобрым люди считали
Время летних дождей.
Хотел бы с тобою встретиться,
Пока не настало оно.

216. *Минамото-но Сигэюки*. «Минамото Сигэюки-сю»

Молчанье хранят,
Но сердца их горят так ярко,
Потому светлячки
Мне были всегда милее
Насекомых, умеющих петь.

217. *Прини Томохира*. «Синкокинвакасю», 1801

Как тосклив этот дождь,
Беспросветны печальные думы.
Целый день напролет
Со стрехи падают капли,
И конца им не видно.

218. *Ки-но Томонори*. «Кокинвакасю», 153

В пору долгих дождей
Предаваясь печальным думам,
Не заметил, куда
Улетела из сада кукушка,
Не смолкавшая до полуночи.

219. *Ки-но Цураюки*. «Сёкукокинвакасю», 229

В дни Пятой луны,
Длинные корни пряча в воде,
Вырастает аир.
Знак долговечности, прочности
Видится людям в нем.

220. *Эгё-хоси*. «Эгё-хоси-сю»

На Пятый день Пятой луны забрел в живописнейшее место:

Ароматом влекомы,
Любоваться приходят люди
Цветами аира.
Но, право, странно — коням
Вовсе он не по вкусу.

221. *Онакатоми-но Ёримото*. «Ваканроэйсю», 157

Молодого коня
Перегнали сегодня другие.
Рис водяной,
Рядом с аиром растущий,
Не успел еще силы набрать.

222. *Сонэ-но Ёситада*. «Сотансю»

От стаи своей
Отбившись, летит одиноко
По небу гусь.
Отстав от других безнадежно,
Сетую на судьбу.

223. *Какиномото-но Хитомаро*. «Сюивакасю», 895

Из нежных забот
Мать и отец свили кокон,
В нем меня заключив,

Тяжко мне жить в неволе,
Не встречаясь с любимой.

224. *Аривара-но Нарихира*, 632 (также «Исэ-моногатари», 5)

Сблизившись с одной особой с Пятой линии из Восточного города, навещал ее время от времени. Поскольку встречался с ней тайно, то не мог входить в ворота, а пробирался сквозь разрушенную ограду. Так ходил много раз, но вот, видно прознав о том, хозяин дома поставил человека, чтобы сторожил и, придя, вынужден был уйти ни с чем. По этому поводу сложил:

Тайком от людей
По этой тропе хожу я.
О хранитель застав!
Хотелось бы мне, чтобы ты
Засыпал каждой ночью покрепче.

225. *Неизвестный автор*. «Сюивакасю», 897

Моя милая мать
Говорила: «Не следует днем
Отдаваться дремоте».
Но что еще остается,
Когда сердце терзает тоска?

226. *Сануки*. «Кокинвакасю», 1055

Жалоб людских
Слышал слишком уж много
Этот храм, потому
Вокруг него и возникла —
Роща печальных вздохов.

227. *Гёки*. «Сюивакасю», 1364

Лотос Закона
Его удалось обрести мне,
Собирая дрова,
Собирая весенние травы,
Черпая воду, его удалось обрести.

228. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 506

Тайная страсть —
Что в ней такого? — думал...
Как прутья плетня,
Близки мы, и все ж до сих пор
Увидеть тебя не могу...

229. *Кохатидзё-но миясудокоро*. «Госэнвакасю», 683

После того как государь Уда принял постриг, он позволял прислуживающим ему дамам находиться только за пологом и не звал их к себе. По этому поводу написала и прикрепила к занавесям:

ПРИЛОЖЕНИЕ

Подходишь к тебе
Ближе, ближе, кажется, миг еще —
И наступишь на тень...
Но кто же траву «не ходи»
Посадил здесь у входа?

230. *Неизвестный автор*. «Госэнвакасю», 609

Послал женщине, не ответившей на письмо:

Странно, и все же —
Чем ты холоднее становишься,
Тем сильнее любовь.
Что же я делать должен,
Чтобы тебя забыть?

231. Источник цитирования не установлен

Горечь в душе
Все растет. Трава «нэнунава»
В пруду Масуда.
Чем ты холоднее становишься,
Тем сильнее моя любовь.

232. Источник цитирования не установлен

Постарайся в плохом
Ты хорошее видеть, и пусть
Я так ничтожен,
Как ничтожна соринка на дне
Минасэ — подземной реки...

233. *Ки-но Томонори*. «Кокинвакасю», 607

О чувствах своих
Никому не скажу ни слова.
Река Минасэ
Течет под землю. Невидимо
Мое сердце стремится к тебе.

234. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 489

Дни бывают, когда
В Суруга, в заливе Таго
Не вздымаются волны.
Но дней таких не бывает,
Чтобы не тосковал по тебе.

235. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 699

Река в Ёсино.
Набегают на берег, вскипая,
Волны глициний...
Волнуется ль чье-нибудь сердце
Так же, как и мое?

236. *Неизвестный автор. «Кокинвакасю», 171*

Завернулся подол
Твоего платья, любимый,
Подкладки атлас
Шелковисто-нежен, прохладен
Ветер первых осенних дней.

237. *Неизвестный автор. «Кокинвакасю», 500*

Летней порой
От москитов повсюду
Разжигают костры.
Пламя это доколе
Будет меня сжигать?

238. *Фудзивара-но Тосиюки. «Кокинвакасю», 169*

Взор бессилен еще
Уловить те приметы, что ясно
Скажут: «Осень пришла»,
Но однажды, услышав шум ветра,
Вздогнешь вдруг: «Неужели?»

239. *Неизвестный автор. «Кокинвакасю», 694*

В долине Мияги
Гнутся редкие кустики хаги
От обильной росы.
Ждут они ветра, а я
Жду тебя, мой любимый.

240. *Неизвестный автор. «Сюивакасю», 40*

Зелень лугов
Густой пеленою окутала
Весенняя дымка.
Но сквозь нее проникает
Сиянье цветущих вишен.

241. Источник цитирования не установлен

Не под силу, увы,
Чужим взглядам — запруде надежной —
Путь воде преградить.
Водопад Безмолвный сокрыт
Глубоко под землю.

242. *Аривара-но Нарихира. «Кокинвакасю», 871*

Однажды, когда Государыня со Второй линии прозывалась еще мясудокоро из Восточных покоев, принц изволил совершить выезд в Охара. По этому поводу сложил:

ПРИЛОЖЕНИЕ

Долине Охара,
Горе Осио — ведь и им
В этот радостный день
Вспоминаются, верно, давние
Времена могучих богов...

243. *Неизвестный автор. «Кокинвакасю», 674*

Стайкой вспугнутых птиц
Молва обо мне разлетелась.
Не напрасно ль теперь
Притворяться, будто меж нами
Никогда ничего не бывало?

244. *Отото-но Куронуси. «Госэнвакасю»*

Право, к чему
Опасаться, что травы прибрежные
Опутают нас?
Ведь все члены и так уж увиты
Водорослями морскими.

245. *Фудзивара-но Тосиюки. «Кокинвакасю», 239*

Сложил на поэтическом турнире в доме принца Корэтада:

Кто там в лугах,
Сняв, бросил на землю
«Лиловые шаровары»?⁸
Лишь осень приходит, повсюду
Разносится их аромат.

246. *Неизвестный автор. «Кокинвакарокудзё», 34206*

Где-то в конце
Восточной дороги лежит
Пояс Хитати.
Верю, хотя б ненадолго
Судьба нас свяжет с тобой.

247. *Неизвестный автор. «Кокинвакарокудзё», 33083*

Расставаясь с женщиной, сложил:

Может, кто и сумеет
Остановить руками
Водопад Ёсино,
Но вот удастся ль кому-нибудь
Отыскать верное сердце?

⁸ «Лиловые шаровары» (*фудзибакама*) — посконник китайский, цветет осенью мелкими лиловыми цветами, собранными в зонтичные соцветия.

248. *Неизвестный автор*. «Кокинвакарокудзё», 34793

Жемчужный тростник —
На каждом листе сверкает
Капля белой росы.
Долог ли будет век ее?
Дольше ли моего?

249. *Фудзивара-но Ёситака*. «Фудзивара-но Ёситака-сю»

После долгого перерыва написал:

Не забывается —
Все время забыть стараюсь,
Но забыть не могу.
Что же будет со мною,
Как же мне быть теперь?

250. Источник цитирования не установлен

Как ни горестна жизнь,
Путь свой пройти придется
До Последней реки.
Только кто нам может поведать
О мелях ее и пучинах?

251. Ответ:

Перейти через реку
Предстоит нам, тяготы жизни
На плечи взвалив.
А тот, кто последний придет,
Отыскать постарается первого.

252. *Неизвестный автор*. «Госэнвакасю», 482

В горьких думах без сна
Пролежу одна до рассвета.
В эту зимнюю ночь
Лед, рукава сковавший,
Вряд ли успеет растаять.

253. *Сугавара-но Митидзанэ*. «Сюивакасю», 351

Уехав в изгнание, прислал:

Верхушки деревьев
У дома, где ты живешь,
Все дальше и дальше...
Пока не скрылись из виду,
Оглядывался невольно.

254. *Ямабэ-но Акахито*. «Манъёсю», 1424

Я в весеннее поле пошел за цветами,
Мне хотелось собрать там фиалок душистых,

И поля
Показались так дороги сердцу,
Что всю ночь там провел средь цветов до рассвета!

255. *Неизвестный автор. «Кокинвакарокудзё»*

В далеком пруду
Жемчужные выросли травы.
Придут их срезать,
Но вряд ли скоро придет
Конец думам моим о тебе.

256. *Неизвестный автор. «Манъёсю», 2550*

Встаю ли в думах я,
Ложусь ли — все равно
Перед собой твой облик вижу я,
Как ты уходишь, за собою волоча
Одежды красной цвета алого подол.

257. *Неизвестный автор. «Кокинвакарокудзё», 34354*

Не скажу я о том,
Как стремлюсь к тебе, как тоскую,
Лишь «безмолвной любви»⁹
Лепестками выкрашу платье
И снимать не буду его.

258. *Идзуми Сикибу. «Идзуми Сикибу-сю», 180*

Томясь от тоски
Я думы свои устремляю
Туда, где цветут
Уныло и одиноко
Горные керрии Идэ.

259. *Неизвестный автор. «Кокинвакарокудзё», 35330*

Весенние пташки,
Вечерами беспечно поющие
В зеленых лугах,
Вдруг о тебе напоминают,
И не могу их забыть.

260. *Фудзивара-но Такамицу. «Сюивакасю», 1063*

Когда жил на горе Хиэ, один человек попросил благовоний, и вот — все, какие были, привязал к ветке сливы, на которой осталось всего несколько цветков, и отослал ему:

Миновала весна,
Давно уже ветром развеяны

⁹ «Безмолвная любовь» (*кутинаси*) — гардения.

Слив лепестки.
И лишь аромат до сих пор
На ветвях задержался.

261. *Неизвестный автор. «Кокинвакасю», 35*

К сливе в цвету
Лишь приблизился я однажды,
Но ее аромат
На моих рукавах остался,
И меня упрекают доселе...

262. *Ки-но Томонори. «Кокинвакасю», 38*

Послал с веткой цветущей сливы:

Коль не тебе,
Кому еще могу показать
Цветы этой сливы?
Оценит их яркость, их аромат
Лишь тот, кто понимает.

263. *Сосэй-хоси. «Кокинвакасю», 96*

Доколе
Над лугами цветущими будет
Витать душа?
Веки вечные, лишь бы,
Не опадали цветы.

264. *Неизвестный автор. «Кокинвакасю», 713*

Мне кажется часто:
Обманчивы речи твои.
Но, право, кого
Могу я искренним счесть,
На кого решусь положиться?

265. *Минамото-но Сигэюки. «Сюивакасю», 83*

До самого лета
Цветами украшены пышными
Плети глициний.
Одна лишь у них опора —
Ветви могучих сосен.

266. *Неизвестный автор. «Госэнвакасю», 100*

Ответ на письмо от мужчины с просьбой довериться ему:

Листья с изнанки
Простодушно открыла глициния
Весенним лучам.
Если сердце твое открыто,
Я готова поверить тебе.

267. *Оонакатоми-но Ёсинобу*. «Синкокинвакасю», 1017

Долго обменивался письмами с одной женщиной, но она все не соглашалась на большую близость, поэтому в конце лета написал к ней так:

Сколько весен еще
Стану я вздыхать и печалиться,
Глядя на то,
Как цветы опадают,
Едва распустившись?

268. *Ки-но Цураюки*. «Синкокинвакасю», 166

Увидав, как цветы глицинии свисают с веток сосны:

Вечнозеленые
Сосны служат надежной опорой
Плетям глициний,
Но цветы глядят горделиво:
«Теперь наше время пришло».

269. *Минамото-но Ситаго*. «Гёкуёвакасю»

Как будто пока
Никому еще не случилось
Умирать от любви.
Неужели подобным примером
Стану я для грядущих веков?

270. *Мибу-но Тадаминэ*. «Госэнвакасю», 1037

Женщине, которая упорствовала в своем бессердечии:

Я не слышал,
Чтобы кто-нибудь прежде
Умирал от любви.
Неужели мне суждено
Стать для мира первым примером?

271. Источник цитирования не установлен

«Утренний лик»...
Со сна лепестки растрепались,
В осеннем тумане
Прячет головку стыдливо,
Моему недоступный взору.

272. «Исэ-моногатари», 27

Отчего же, скажи,
Тяжким бременем встречи
Стали для нас?
Ведь клялись, что меж нами не сможет
Даже капля воды просочиться.

273. *Мать Сугавара-но Митидзанэ*. «Сюивакасю», 473

Сложила в ту ночь, когда Сугавара Митидзанэ «покрывали главу»:

Пусть от нашего дома
Пронесется по миру ветер
Силы такой,
Что у багряника лунного
Сломается ветка!

274. *Михару-но Арисукэ*. «Кокинвакасю», 853

Дом, в котором жил Фудзивара Тосимото, имея чин военачальника Правой личной охраны, после кончины его опустел. Как-то раз поздно ночью мимоходом заглянул туда и увидел, что сад совсем зарос и одичал. Зашел и, вспоминая о прошлом, сложил:

Ты когда-то в саду
Посадил росточек мисканта,
Что же теперь?
В буйных зарослях диких
Неумолчно звенят сверчки.

275. *Исэ*. «Исэ-сю»

Когда-то заехала в дом человека, ушедшего из мира, наутро же отправила его домашним письмом:

От того, кто ушел,
Отраженья и то не осталось —
В этом ручье
С водою смешались слезы
Из моих упавшие глаз...

276. *Фудзивара-но Тосиюки*. «Кокинвакасю», 269

Воспевая цветы хризантемы:

В Обители туч
недостижимо далекой
Хризантему увидел
И за звезду в небесах
Принял невольно ее.

277. *Тайра-но Садафун*. «Кокинвакасю», 279

Когда Государь повелел прислать ему в Ниннадзи хризантемы, особо указав, что их должно сопроводить песней, сложил:

Не только осенью,
И в другое время прекрасны
Хризантемы.
Увядая, перемещаясь,
Они лишь ярче становятся.

278. Источник цитирования не установлен

Лучше б пораньше
Начал ты меня приучать
К горестям жизни.

Слишком уж неожиданны
Эти сердечные муки.

279. Источник цитирования не установлен

Человеческий век...
Когда бы его пределом
Старость считали,
Вряд ли бы мы готовились,
Ожидая: сегодня, завтра...

280. *Аривара-но Юкихира*. «Синкокинвакасю», 1651
Приехав полюбоваться водопадом Нунобики:

Стоит ли ждать —
Сегодня иль завтра мой срок
К концу подойдет?
Слезы из глаз иль поток водопада —
Трудно сказать, что обильнее.

281. *Фудзивара-но Кагэмото*. «Госэнвакасю», 480
В день, когда шел легкий снежок, послал женщине:

Миг — и растает,
Миг — и снова в небе кружится
Легкий снежок.
Смятенные мечутся думы,
И сердце не знает покоя...

282. *Ки-но Цураюки*. «Госэнвакасю», 472

Снежинки, упав,
Новых друзей поджидают,
И моя голова,
Что чернела, как ягоды тута,
День ото дня все белее.

283. *Отомо-но Якамоти*. «Отомо Якамоти-сю»

Белый снежок
Сумеешь ли ты различить
На сливах цветущих?
Новых друзей поджидая,
Не торопятся таять снежинки.

284. *Осикоти-но Мицунэ*. «Кокинвакасю», 41
Весенней ночью воспевая цветы сливы:

Ах, весенняя ночь,
Быть темной напрасно ты тщишься.
Сливу в цвету
Нежных красок лишаешь,
Но можно ли скрыть аромат?

285. *Неизвестный автор. «Кокинвакасю», 32*

Ветку сорвал —
Пропитался рукав ароматом.
За цветущую сливу
Верно, принял его соловей —
Прилетел ко мне и поет.

286. *Неизвестный автор. «Госэнвакасю», 726*

Один человек навещал тайно женщину, в доме отца живущую, а поскольку он часто говорил ей: «Пусть никто не узнает», она как-то раз сказала:

«Имя ее
Ничем не запятнано», — люди
Обо мне говорят,
Но если спрошу у сердца,
Что ответит оно?

287. *Неизвестный автор. «Кокинвакарокудзё», 31925*

В земле Идзуми,
В лесу Синода растёт оно,
Дерево «кусу».
На сотни сторон его ветви
Разметались. Тревожны думы.

288. *Миядзи-но Такакадзэ. «Госэнвакасю», 72*

В весеннем пруду
Нырки среди трав жемчужных
Проворно снуют.
Лапки их не знают покоя,
С каждым днем сильнее тоска.

289. *Ки-но Цураюки. «Сюивакасю»*

В источнике Чистом
У заставы на Встреч горе
Отраженье мелькнуло.
Не ведут ли уже коней
Осеннего полнолуны¹⁰?

290. *Рокудзё-но садайдзин-но сицу. «Синкокинвакасю», 1352*

Неожиданно близко
Она ко мне подошла,
Ветрено-яркая
Осень всегда мне казалась
Такой далекой — и вот...

¹⁰ В день Осеннего полнолуния (15-й день Восьмой луны) в столицу из всех провинций приводили коней для императорских конюшен.

291. *Неизвестный автор. «Кокинвакасю», 824*

Что осень приходит,
Знала прежде лишь понаслышке,
А теперь поняла —
Осень — это когда тебя
Бросают, как старую вещь.

292. *Неизвестный автор. «Кокинвакасю», 220*

У осенних хаги
Листья желтеть начинают.
Верно, отныне
Нам, одиноким, придется
Коротать бессонные ночи...

293. *Гэмпин-содзу. Источник цитирования не установлен*
Сложил, уходя в горы:

В той далекой земле
Чисты воды и травы.
Так не лучше ли
Жить там, чем в столице,
Полной мирской суеты?

294. *Неизвестный автор. «Сюивакасю», 382*

Монах Гаэн остановился на ночлег в горной обители, которую называют Медвежья Кладовая, Кума-но кура. Когда же монахи, там живущие, стали просить его сложить песню, сказал:

От мира тщеты
Отказавшись, в горах укрылся,
И, право, не мне
Бояться, что брменная плоть
Станет добычей медведей.

295. *Неизвестный автор. «Кокинвакасю», 535*

Хочу, чтобы ты
В сокровенные тайны проникла
Моей души,
Молчаливой, как горы,
Где даже птиц не слышно...

296. *Источник цитирования не установлен*

Когда бы у ветра
Было чуткое сердце,
Весенние вишни
Облетал бы он стороною,
Не срывая с веток цветы.

297. *Фудзивара-но Ёсикадзэ*. «Кокинвакасю», 85

Ветер весенний,
Не трогай цветущих вишен,
Пролети стороной.
Посмотрим, станут ли падать
По собственной воле цветы.

298. Источник цитирования не установлен

Придется ли мне
Сюда еще раз вернуться?
Трудно забыть
Равнину Дворцовой ограды,
Где твой образ мелькнул предо мной.

299. *Аривару-но Нарихира*. «Кокинвакасю», 476

В день состязаний по стрельбе на площадке для Верховой езды Правой личной охраны сквозь занавеси стоявшей напротив кареты смутно виднелось женское лицо, и, сложив, послал:

Не то чтоб совсем
Не видел, но «видел» — не скажешь,
Ужели весь день
Теперь придется томиться
От безотчетной тоски?

300. *Фудзивара-но Ацутада*. «Госэнвакасю», 962

Тайно встречался с хранительницей Высочайшего ларца, отец же ее, Левый министр, о том услышав, воспротивился...

Удастся ли мне
Снова тебя увидеть,
Хотя б для того,
Чтоб самому рассказать,
Как о тебе тоскую.

301. *Осикоти-но Мицунэ*. «Кокинвакасю», 134

Сложил на поэтическом турнире в конце весны во дворце государя Тэйдзи-но ин:

Ведь даже когда
Не трепещешь, ловя последние
Мгновенья весны,
Так нелегко отойти
От этих цветущих вишен...

302. *Ки-но Цураюки*. «Кокинвакасю», 262

Проезжая мимо святилища, увидел ползущую по ограде багряную листву и сложил:

Даже здесь,
У жилища богов всеильных,

ПРИЛОЖЕНИЕ

Листья плюща,
Не в силах противиться осени,
Изменили свой цвет.

303. *Ки-но Ёсимоти*. «Кокинвакасю», 251
Когда, собравшись, слагали стихи об осени:

Багряный убор
Неведом этой горе
Вечнозеленой.
Лишь ветер разносит по склонам
Весть о том, что осень пришла.

304. «Отоги-дзоси», приписывается *Фудзивара-но Фумитоки*

Видно, богам
По сердцу эта обитель:
Вершину Хирэ
Они увенчали убором
Из белых священных волокон.

305. *Ки-но Томонори*. «Кокинвакасю», 13

Цветов аромат
Вручив ветру-посланцу,
Снарядим его в путь,
Пусть полетит к соловью,
И приманит его сюда.

306. *Исэ*. «Кокинвакарокудзё», 33326

Рыдания собрав
Воедино, сплету я из них
Крепкие нити
И слезы свои на них
Вместо жемчуга нанижу.

307. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 878

Мое бедное сердце
Не может утешиться,
Когда я смотрю,
Как над горою Обасутэ
В Сарасина сияет луна.

308. *Фудзивара-но Мотосукэ*. «Фудзивара Мотосукэ-сю»

Поздней ночью домой
Я не шел под открытым небом.
Откуда ж тогда
На моих рукавах появилась
Холодная эта роса?

309. *Фудзивара-но Санэёри*. «Сёкуокинвакасю»

Стоит взглянуть —
И рукава увлажняются.
О вишни в цвету!
Может быть, эта роса
Падает вовсе не с неба?

310. *Дочь Татибана-но Кудзунао*. «Кокинвакасю», 992
Встретилась с подругой, расставшись же с ней, прислала:

Неутоленная,
Душа, видно, спряталась
В твоём рукаве.
Все мне кажется, будто она
Мое покинула тело.

311. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 70

Скажешь им: «Подожди!» —
И цветы на ветках останутся...
Ах, если бы так —
Что в целом мире могло
Быть милее нам этих вишен?

312. «Исэ-моногатари», 81

Вот-вот опадут...
Потому-то особенно дороги нам
Вишни цветы.
Да и что в нашем зыбком мире
Имеет долгую жизнь?

313. *Неизвестный автор*. «Кокинвакарокудзё», 31249

Во мраке ночном
Неразличимы дороги.
Так дождись же луны
И тогда уходи, любимый,
А пока побудь рядом со мной.

314. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 772

«Нет, не придет» —
Знаю, но лишь зазвонят
Ночные сверчки,
Выйду и буду долго стоять,
Ожидая тебя, любимый.

315. *Неизвестный автор*. «Кокинвакарокудзё»

Увы, неприступна
Вершина горы, которой
Название — «Любовь».

Забредшим сюда суждено
Вечно блуждать по склонам.

316. Источник цитирования не установлен

И в жаркую пору
Бывают часы прохлады
Утренней и вечерней.
Отчего же даже на миг
Не отступает любовь?

317. *Киёхара-но Фукаябу*. «Кокинвакасю», 1021

Накануне наступления весны, глядя, как ветер перебросил из соседнего сада снежные хлопья, написал соседу:

Пусть зима не ушла,
Весна совсем уже близко,
В соседнем саду.
Ко мне ветер принес оттуда
Первых цветов лепестки.

318. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 896

Как хотелось бы мне,
Чтобы вспять потекли наши годы.
Быть может, тогда
Вернется давно минувшая
Пора моего расцвета.

319. *Ки-но Цураюки*. «Сюивакасю», 953

Уже потому,
Что сам изведал немало
В жизни невзгод,
На весь этот мир унылый
Готов сетовать я.

320. *Сосэй-хоси*. «Кокинвакасю», 947

Где найдешь уголок,
Мирской суете недоступный?
Ведь душа все равно —
Средь лугов ли, в горной глуши —
Будет блуждать неизменно.

321. *Неизвестный автор*. «Кокинвакарокудзё»

Право, печально,
Неужели так и не сбудутся
Желанья души?
Ведь с сосной вековой годами
Никому не дано сравняться.

322. *Неизвестный автор. «Кокинвакасю», 544*

Летние мошки
Бесцельно в огне сгорают.
Видно, даже они
Не способны противиться
Пламенной страсти!

323. Источник цитирования не установлен

Объята тоской,
Ночами блуждает
Где-то душа,
Никак в тело мое
Не может вернуться.

324. «Отогидзоси»

Пусть и неведомо,
Кто этой душе хозяин,
Увидев ее,
Полу платья узлом,
Завяжу и ее задержу.

325. «Исэ-моногатари», 109

Гнета тягостных дум
Не снеся, от меня улетела
Куда-то душа,
Коль увидишь ее темной ночью,
Полу платья узлом завяжи.

326. *Хэндзё. «Кокинвакарокудзё», 31470*

Роса на листьях,
Капли воды у корней —
Являют пример:
В этом мире все исчезает —
Одно раньше, другое позже.

327. Источник цитирования не установлен

Как я хотел бы
Все возратить к началу,
Чтобы был этот мир
Мне послушен, совсем как раньше
В те далекие, давние годы...

328. *Неизвестный автор. «Сюивакасю», 665*

Болен я от любви
К той, что теперь недоступна.
И лишь одно

Меня исцелить способно —
Чудесный цветок «день встреч»!¹¹

329. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 907

На морском берегу,
Что луком из ясеня гнется,
Молодая сосна...
В какие века здесь бросили семя,
Заглянув далеко вперед?

Некоторые говорят, что песню эту сочинил Какиномото Хитомаро.

330. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 97

С приходом весны
Неизменно цветы расцветают,
Так было и будет,
А у нас, для того чтобы их видеть,
Есть лишь короткая жизнь.

331. *Сакаи-но Хитодзанэ*. «Кокинвакасю», 743

Разве небо бескрайнее —
О любимой напоминанье?
И все же мой взор
Неизменно к нему устремляется
Лишь печаль овладеет душой.

332. *Мать Арицуна*. «Кагэро-никки»

Ушедшая
Больше к нам не придет,
Но снова вернулись
Та луна и тот день, когда
Разорвали струны у кото.

333. Источник цитирования не установлен

Буйной травой
Все вокруг заросло и роса,
На листьях дрожащая,
Вдруг напомнит о горестях мира,
И растревожится сердце...

334. *Саканоуэ-но Корэнори*. «Кокинвакарокудзё», 33417

Когда б в этом мире
Положены были пределы,
Любовной тоске,
Может, и я так упорно
Не сетовал бы на судьбу.

¹¹ «День встреч» (в старой орфографии *афухи*) — мальва (*аои*).

335. *Неизвестный автор*. «Кокинвакансю», 483

Парные нити
Должны непременно быть свиты
В единый шнурок.
Коль останемся порознь, к чему нам
Эта нить драгоценная — жизнь?

336. *Осикоти-но Мицунэ*. «Кокинвакасю», 190

Собравшись в павильоне Грома, воспевали осенние ночи:

Осенняя ночь
Мне столь драгоценной кажется,
Что неприятен
Любой, кто готов бездумно
Проспать всю ее до рассвета.

337. *Император Кадзан*. «Оокагами»

Хотел бы взглянуть,
Какою луна мне покажется
В другом саду.
Только ли здесь, в моем,
Она так щемяще печальна?

338. Источник цитирования не установлен

Давно уж друзья
Отвернулись бесповоротно
От мира тщеты.
Что же делать тому, кто влачит
Свои дни в обители «Старость»?

339. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 204

Подумал:
Вот и солнце зашло под стрекот
Вечерних сверчков...
А оказалось — упала
Густая тень от горы.

340. *Сосэй-хоси*. «Кокинвакасю», 244

Я ли один
Пленен их прелестью нежной?
В вечерних лучах
В траве, звенящей сверчками,
Сверкают гвоздики «ямато».

341. *Сонэ-но Ёситада*. «Сотансю», 415

Тоска по тебе
Сердце мое разбивает
На сотни частей.

Зачем было мне суждено
Родиться таким ничтожным?

342. *Неизвестный автор.* «Кокинвакасю», 488

Тоска по тебе
Заполнила даже пустынные
Просторы небес.
Гоню печальные мысли,
Но, видно, им некуда деться...

343. *Неизвестный автор.* «Госэнвакасю», 564

Когда я с тобой
Еще не встречался, не помню,
Как было тогда.
Но теперь, и на краткий миг
Покидая тебя, тоскую.

344. Источник цитирования не установлен

Как же мне быть?
На что наконец решиться?
С вершины Оно
Вниз по склону струится
Водопад Отонаси — Безмолвный.

345. *Неизвестный автор.* «Сюивакасю»

Ветер вдруг налетит,
И с плюща на вершине листья
Повлекутся вослед...
Как же легко их сравнить
с человеческим сердцем!

346. *Неизвестный автор.* «Кокинвакасю», 582

Осенью
Содрогаются горы от жалобных
Криков оленей,
Но разве я плачу не громче,
В одиночестве ночь коротая?

347. Источник цитирования не установлен

Коль слухи пойдут,
Чье имя подхватит скорее
Молва? В Синано
Мост «Не ходи» не построен,
И наш не разорван союз.

348. *Киёвара-но Фукаябу.* «Кокинвакасю», 603

Коль умру от любви,
О тебе, не о ком-то другом
Станут злословить.

Сколько бы ты ни твердила —
«Увы, наш мир так непрочен...»

349. *Ки-но Цураюки*. «Кокинвакасю», 479

Горная вишня
Сквозь прогалы в густом тумане
Мелькнула на миг —
Ты пред взором моим. С той поры
В сердце тоска поселилась.

350. *Идзуми Сикибу*. «Идзуми Сикибу-сю», 34

Осенний ветер,
Какое он чувство рождает?
Верно, печаль:
Его дуновение пронзает
До самых глубин души.

351. *Сёэн*. «Кокинвакасю», 831

Когда скончался Великий министр Хорикава, после того как закончились погребальные обряды в Фукакуса, сложил:

Имея пред взором
Пустую скорлупку цикады,
Могли утешаться.
А теперь... Не оставь нас хоть ты,
Дымок над горой Фукакуса!

352. *Киёхара-но Мотосукэ*. «Сюивакасю», 504

Сложил в том году, когда, не получив ожидаемого повышения в ранге, смотрел на снег:

В этом мире тщеты
Нигде не найдешь пристанища.
С облаками блуждаю,
Подставляя голову снегу.
Но к этому ли стремился?

353. *Ки-но Цураюки*. «Сюивакасю», 876

Река моих слез
Падает вниз. Так быстро
Течение ее,
Что даже рукав не может
Хорошей запрудой стать.

354. *Ки-но Цураюки*. «Кокинвакасю», 851

Сложил, глядя на цветы сливы, расцветшие у дома, хозяин которого недавно скончался:

Эти цветы
Ярки и душисты по-прежнему,
Но, глядя на них,

ПРИЛОЖЕНИЕ

С невольной тоской вспоминаю
Того, кто их посадил.

355. *Киёвара-но Фукаябу*. «Кокинвакасю», 967

Человек, которому всегда сопутствовал успех, вдруг потерпел неудачу и сетовал. Глядя на него и думая о том, что самому не на что сетовать и нечему радоваться, сложил:

Сумрак царит
В нашей долине, ее стороною
Обходит весна.
За судьбу расцветающих вишен
Неведома нам тревога.

356. *Сайгу-но нёго*. Сайгусю

Скоро вернется
Та осень, когда растаяла
Светлая роса.
Вот уже из «страны постоянства»¹²
Тянутся с криками гуси...

357. *Неизвестный автор*. «Госэнвакасю», 186

Все так же ярки
Цветы померанца в саду,
И голос кукушки
Звучит совершенно так же,
Как тысячу лет назад.

358. Источник цитирования не установлен

В одиночестве
Слушать кукушку так грустно.
Хотелось бы мне,
Чтобы голос ее донесся
До ограды у дома любимой!

359. *Исэ*. «Кокинвакарокудзё», 33325

Одни лишь печали
Множатся день ото дня.
За короткий свой век
Неужели так много слез
Человеку пролить суждено?

360. *Фудзивара-но Нагаёси*. «Синкокинвакасю», 369

Тягостно слышать
Стрекотанье сверчков
Вечерней порой.

¹² «Страна постоянства» («Токоё-но кунни») — мифическая страна, где не было ни увядания, ни смерти.

Хотя и в другие часы
Тоска безысходна...

361. Источнике цитирования не установлен

Все в этой жизни
Идет, как идет — по привычке.
Вот потому
Я до сих пор и живу
В этом безрадостном мире.

362. *Неизвестный автор.* «Кокинвакасю», 518

Все в этой жизни
Идет, как идет — по привычке.
Попробую жить
Не встречаясь с тобой, проверим —
Умру или нет от тоски?

363. *Неизвестный автор.* «Кокинвакасю», 806

Как мне ни горько,
Просто так из жизни исчезнуть
Никому не дано.
Потому-то я до сих пор
И живу в этом грустном мире.

364. *Дочь Фудзивара-но Харуками.* «Госэнвакасю», 1408

Где та осень,
Когда мы вместе ложились,
Вместе вставали?..
Разве могла я представить
Что все, как роса, исчезнет?

365. *Принц Мотоёси.* «Госэнвакасю», 1144

Попросили вернуть письма, и без того редко приходившие, вместе с ними послал:

Жалко их рвать,
Не порвешь — на глаза попадутся
Людям чужим...
Уж лучше верну, хоть слезы
Текут по щекам ручьями.

366. *Неизвестный автор.* «Кокинвакарокудзё», 34225

«Что толку хранить?»
И все же стирать не спеши,
Следы этой кисти
Останутся памятью верной
Еще на тысячу лет.

367. *Оонакатоми-но Ёсинобу. «Сюивакасю»*

После того как писали имена будд, под сливой в саду потчевал вином почтенного монаха и, о разлуке с ним сожалея, сложил:

Неужели уйдешь
По заваленной снегом
Горной тропе,
У цветов, весну ожидающих,
Даже не задержавшись?

368. *Ки-но Цураюки. «Цураюки-сю»*

После того как писали имена будд, почтенный монах собрался уходить. На прощание, и гости и монахи сошли в сад и любовались сливами. Сорвав припорошенную снегом ветку, сказал:

Со сливы цветы
Срывает и кружит ветер,
Как будто в горах,
Раскинувшихся привольно,
Тропинки заносит снег.

369. *Фудзивара-но Ацутада. «Госэнвакасю», 507*

Весь год посылал письма к хранительнице Высочайшего ларца, но так и не сумел добиться встречи, в последний же день Двенадцатой луны написал:

Отдавшись тоске,
Не замечал, как бежали
Дни и луны.
И вдруг от кого-то услышал —
Сегодня кончается год...

370. *Исэ. «Кокинвакарокудзё», 31477*

Ароматом своим
Напомнил тебя невольно
Этот цветок —
Сорвала нынче утром, и платье
Промокло насквозь от росы.

371. *Сосэй-хоси. «Кокинвакасю», 241*

Неведомо чей
Аромат разносится
По осенним лугам:
Кто же это бросил в траве
«Лиловые шаровары»?

372. *Оонакатоми-но Ёсинобу. «Госюивакасю»*

Осенние хаги
В полном цвету, отчего же
Плачет олень —
«Ах, эти цветы увянут,
И лишусь я своей супруги!»

373. *Отото-но Табито*. «Манъёсю», 1541

У холма моего
Появился олень и рыдает...
О олень, что явился, рыдая,
В тоске о жене молодой,
Среди первых цветов расцветающих хаги...

374. *Ки-но Цураюки*. «Кокинвакарокудзё», 35336

Говорят, хризантема
Заставляет людей забыть
О старости близкой,
Могут эти цветы любому
Сотню лет даровать.

375. «Сагоромо», 3-й свиток

В лугах Муксаси
Увидал поблекший от инея
Цветок «я приду».
Право, даже его аромат
Осенью стал слабее.

376. *Осикоти-но Мицунэ*. «Сюивакасю», 14

Своей белизной
Готовы со снегом поспорить
Сливы цветы.
Но с чем в этом мире могли бы
Мы их аромат сравнить?

377. *Осикоти-но Мицунэ*. «Госэнвакасю», 44

Глядя на цветы красной сливы:

Цвет лепестков
Изменили на густо-алый
Сливы в саду,
Но вот аромат чудесный
Ими совсем утрачен.

378. *Фудзивара-но Канэсукэ*. «Фудзивара Канэсукэ-сю»

Сливы в саду
Благоуханны извечно,
А вот цвет
Сегодня так ярок, каким
Еще никогда не бывал.

379. *Сосэй-хоси*. «Кокинвакасю», 37

Раньше лишь издали
Пленялся цветущей сливой,
Но вот ветку сорвал...

Ах, можно ль сполна насладиться
Ароматом, яркостью красок?

380. *Неизвестный автор. «Кокинвакасю», 33*

Краски цветов
Нежны, но больше чарует
Их аромат.
Чей же рукав коснулся
Сливы в моем саду?

381. *Аривара-но Нарихира. «Кокинвакасю», 349*

Сложил в тот день, когда в доме на Девятой линии праздновали сорока-
летие Великого министра Хорикава:

Цветущие вишни,
Взметнув, закружите в воздухе
Облака лепестков,
Быть может, старость тогда
Собьется с привычной дороги.

382. *Источник цитирования не установлен*

На Вишневой горе
Вишни цветут весною.
Всюду цветы:
Одни осыпаются с веток,
Другие раскрылись едва...

383. *Ки-но Аритомо. «Кокинвакасю», 66*

Платье окрашу
В тона такие же нежные,
Как цветущие вишни, —
Когда с веток цветы опадут,
Оно памятью станет о них.

384. *Сугано-но Такаё. «Кокинвакасю», 81*

Глядя, как вода уносит опавшие лепестки вишни:

Непостоянные
Осыпаются с веток
Вишен цветы.
Упав же, легкою пеной,
Качаются на воде...

385. *Неизвестный автор. «Сюивакасю»*

Когда бы подвластны
Были и жизнь, и смерть
Желаньям души,
Вряд ли кто-нибудь стал
Предаваться печали вторично.

386. *Неизвестный автор. «Сюивакасю», 507*

На мир
Сетуем всё, да сетуем,
И что из того?
К чему все эти жалобы
В конце концов приведут?

387. *Неизвестный автор. «Кокинвакасю», 935*

Вереницы гусей
Над вершинами горными тянутся.
Рассветный туман
Не светлеет. Не иссякают
Думы о горестях мира.

388. *Неизвестный автор. «Сюивакасю», 1344*

Любой человек,
Хоть раз восславивший
Амида-будду,
Вознесется всенепременно
К цветущим лотосам.

389. *Кисэн-хоси. «Кокинвакасю», 983*

Моя хижина,
От столицы к юго-востоку,
Вот так и живу.
А люди зовут это место
Горой Отвращения от мира.

390. *Фудзивара-но Кинто. «Сюивакасю»*

О женщине, ставшей монахиней:

Над заливом Сига
Зыбью подернутом, ветер
Носится быстрый.
Насколько душа твоя
Ясна и невозмутима?

391. *Татибана-но Наомото. «Госэнвакасю», 1307*

Взору души,
Проникающему повсюду,
Они не помеха, —
Зачем же стали меж нами
Белые тучи над горной вершиной?

392. *Ки-но Цураюки. «Кокинвакасю», 380*

Послал человеку, уехавшему в Митиноку:

Белые тучи
Нависают грядой восьмислойной.

В том далеком краю
От тех, кто помнит тебя,
Не отдаляйся душой.

393. *Неизвестный автор.* «Кокинвакасю», 689

Неужели опять,
Одно лишь платье на ложе
Постелив, ты прождешь
Меня всю ночь до рассвета,
О дева моста Удзи?

394. Источник цитирования не установлен

Шест над водой
Взлетает, и падают брызги
На рукава.
Потому-то, верно, и чудится,
Будто сам на волнах качаюсь.

395. *Кэнгэй-хоси.* «Кокинвакасю», 875

Сложил, когда женщины, глядя на него, смеялись:

Знаю, похож
На трухлявый я пень, доживающий
В горной глуши,
Но, коль пожелаете, сердце
Готово раскрыться цветком.

396. *Неизвестный автор.* «Кокинвакасю», 858

Пока один человек ездил в провинцию, жена его внезапно тяжело заболела, и когда совсем ослабела, сложила:

Голоса твоего
Не услышав, расстанусь с миром —
Как это печально!
Но еще печальней тебе,
Одному на супружеском ложе.

397. *Неизвестный автор.* «Кокинвакарокудзё», 34999

Над ложем реки
Склонились плакучие ивы.
И ночью, и днем
Мимо вода бежит, но корней
Не в силах она уничтожить.

398. Источник цитирования не установлен

В осенних полях
Какие цветы привлекут теперь
Своим ароматом?
Одни метелки мисканта
Под холодным ветром дрожат.

399. Источник цитирования не установлен

Попробуй представить
Утонувшее в дымке неясной
Селенье в горах.
Томительная пора,
Когда все ожидает цветенья...

400. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 654

Прислали от женщины, которую тайно посещал Татибана Киёки:

Если один
Из любящих мир покинет,
Умерев от тоски,
Под каким же предлогом второй
Облачится в темное платье?

401. *Ариwара-но Нарихира*. «Кокинвакасю», 861

Заболев и будучи совсем плох, сложил:

Людам всем суждено
Пройти по этой дороге —
Об этом я знал.
И все ж до сих пор не думал,
Что уже сегодня иль завтра...

402. *Принц Томохира*. «Синсэнзайвакасю», 526

С высокой горы,
Где олени живут, смотрю
Сквозь листья хаги
На увядающие луга —
Как же они прекрасны!

403. *Ки-но Томонори*. «Госэнвакасю», 372

Громко рыдаю,
Стенаю в тоске безысходной,
Хоть и не я
Тот олень, что в осеннем тумане
Потерял подругу свою.

404. *Мибу-но Тадаминэ*. «Кокинвакасю», 841

Вспоминая ушедшего отца:

Выпала нить
Из одеяния скорби.
На нее нанижу
Жемчужины слез, упавшие
В часы неизбывной тоски.

405. *Оно-но Комати*. «Кокинвакасю», 727

Не могу я служить
Проводником к селенью,

Где живут рыбаки,
Зачем же меня упрекать,
Твердя — «хочу видеть море»?

406. *Такамуко-но Кусахару*. «Сюивакасю», 389

В роще священной
На горе Мимуро обвалился,
Наверное, берег:
Почему-то вдруг загрязнились
Воды реки Тацута.

407. *Хэндзё*. «Кокинвакасю», 292

Сложил, остановившись под деревом близ дворца Урингин:

Выбрал нарочно
Дерево это, желая укрыться
От горестей мира.
Но, увы, и оно ненадежно —
Осыпались алые листья.

408. «Уцубо-моногатари», гл. «Сага-но ин»

Вступивший на Путь
Отдает свои дни служенью
В горной глуши.
Под деревом сии жестко лежать —
Не то что на ложе привычном.

409. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 806

Мы не можем, увы,
Потому лишь из мира исчезнуть,
Что постыла нам жизнь.
Вот и я до сих пор влачу
Безотрадные луны и годы.

410. *Ки-но Цураюки*. «Кокинвакасю», 415

Сложил по дороге в Адзума:

Не крученая нить —
Эта тропинка узкая,
Почему же тогда
Так мое кручинится сердце,
Когда по ней ухожу?

411. Источник цитирования не установлен

Раньше не знал,
Как тяжело расставаться
В час предрассветный.
Не узнавая привычной дороги,
Долго блуждал в тумане.

412. «Кокинвакарокудзё», 33441

Всю долгую ночь
Рукою касался, любимая,
Твоего рукава.
До сих пор томит меня
Это воспоминание.

413. *Мать Арицуна*. «Кагэро-никки»

Увидала во сне,
Что встретились мы, и блуждаю
Словно в тумане,
Все никак не рассеется,
Томительное воспоминание.

414. *Исэ*. «Госэнвакасю», 938

Женщине, имевшей весьма сурового отца, один человек сказал: «Ответьте же наконец — да или нет». Она же:

Ни «да», ни «нет»
Открыто сказать не смею.
Как это горько!
В этом мире, увы, невозможно
Жить согласно желаниям...

415. *Неизвестный автор*. «Кокинвакарокудзё», 35111

Безотраден наш мир,
Но, право, сколько ни сетуй,
Где же укрыться?
Нет таких гор, не найдешь
Места, где груши цветут.

416. «Исэ-моногатари», 101

Отвернулась от мира,
Но ведь по небу на облаке
Еще не летаешь.
И все же до горестей мира
Говоришь, нет тебе дела...

417. *Осикоти-но Мицунэ*. «Кокинвакасю», 636

Слишком длинны?
Вряд ли решусь о них
Это сказать.
Длина осенней ночи зависит
От того, с кем проводишь ее.

418. *Хэндзё*. «Кокинвакасю», 1016

В осенних лугах
Тщатся цветы «девичьей красоты»

Друг друга затмить.
Вот надоеды, дано ведь и им
Всего лишь одно мгновенье.

419. *Неизвестный автор. «Синкокинвакасю», 1371*

Фазаны
Сходятся днем, а ночи
Проводят в разлуке.
Когда рядом тебя не вижу,
Подступают к горлу рыданья.

420. *Неизвестный автор. «Манъёсю», 2425*

Хоть имею я коня, его не оседлав,
Я пешком из края в край прошел
Гору Кохата
В стране Ямасина —
До того замучила меня любовь.

421. *Сами-но Мандзэй. «Манъёсю», 351*

Этот бренный мир!
С чем сравнить могу тебя?..
Рано на заре
Так от берега ладья
Отплывает без следа...

(В некоторых антологиях это стихотворение дается с другим концом:

Рано на заре
Отплывает ладья, оставляя
За собой белопенный след.)

422. *Какиномото-но Хитомаро. «Сюивакасю», 778*

Горный фазан
Тянет свой хвост за собою,
Длинный-предлинный.
Длинную-длинную ночь
Ужели один проведу?

423. *Неизвестный автор. «Синсэндзайвакасю», 599*

Первый дождь моросит..
Каково теперь в старом жилище
На склоне Фуру?
У его обитателей, верно,
Промокли насквозь рукава.

424. *Исэ. «Кокинвакасю», 681*

Даже во сне
Тебе не хочу присниться —

Ведь без стыда
И сама не могу смотреть
По утрам на свое лицо.

425. Источник цитирования не установлен

До тебя далеко.
Не видят друг друга фазаны
В далеких горах.
Не увидев тебя, и сегодня
Один встречаю рассвет.

426. Источник цитирования не установлен

Море Встреч...
Почему так прозвали люди
Море Ооми?
Ведь никогда не росла там
Трава «увижу тебя».

427. *Неизвестный автор*. «Госэнвакасю», 234

Встречаются звезды,
В небесах ворота открыты,
Но даже сегодня
Не знает жалости сердце твое,
И ты так от меня далеко.

428. *Дзэнтюнагон Ёсинори*. «Госюивакасю», 1035

Увидав, как цветут вишни в том месте, где поселился, став монахом:

Уходят все те,
Кто любовался цветами
В старом саду,
Одна весна терпеливо
Приходит снова и снова.

429. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 711

Речи его
Изящны и слух привлекают,
Но сердце, увы,
На них не похоже — изменчиво,
Как краска из лунной травы.

430. «Исэ-моногатари», 48

Нежна и свежа —
Так и тянет улечься —
Молодая трава,
Печально думать — другому
Достанется это ложе...

431. «Исэ-моногатари», 48

О зеленой траве
Для чего ты столь необычные
Слова говоришь?
До сих пор ее сердце
Было тебе открыто.

432. *Ки-но Цураюки*. «Кокинвакасю», 838
Сложил, когда скончался Ки-но Томонори:

Не знает никто,
Что с нами завтра случится,
И все же скорблю
О том, кто уже сегодня
Не увидел, как солнце зашло.

433. *Какиномото-но Хитомаро*. «Сюивакасю», 853

К причалу
Сквозь тростник челнок пробирается
С великим трудом.
Встречаться с любимой так редко
Мне удастся теперь.

434. Источник цитирования не установлен

В верности клялся
Ты слишком уж часто,
К клятвам твоим,
Наверно, давно привыкли
Тысячи разных богов.

435. *Токудайдзи-но садайдзин*. «Сэндзайвакасю», 711

Если б я мог
Сделаться вдруг жестоким,
Наверно, и ты
Понять бы тогда сумела,
Что это значит — страдать.

436. *Фуру-но Имамита*. «Кокинвакасю», 870

Исоноками-но Наммацу не пошел на придворную службу, а удалился в местечко по прозванию Исо-но ками. Внезапно пришла весть о присвоении ему Пятого ранга, и, возрадовавшись, он сложил:

Солнце светом своим
Не обходит и зарослей диких,
Потому-то и здесь,
В Исо-но ками, в селении старом
Расцвели сегодня цветы.

437. Источник цитирования не установлен

Если ты любишь,
Сам приходи, не стоит
Слушать кукушек,
В роще Ивасэ живущих,
И присылать других.

438. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 981

Как видно, свой век
Буду я доживать в Сугавара,
В родном Фусими.
Жаль, если старый дом
Придет в запустенье.

439. *Исэ*. «Кокинвакасю», 31

Глядя на улетающих гусей:

Дикие гуси
Улетают, не оглянувшись
На весеннюю дымку.
Может, милей им края
Где цветы не цветут?

440. *Ариваро-но Нарихира*. «Кокинвакасю», 747

Навещал, не имея серьезных намерений, даму, живущую в Западном флигеле дома Государыни на Пятой линии, но вот, в десятых числах Первой луны, она куда-то исчезла. Узнал, где живет она, но не имел средств снестись с ней, а на следующую весну, когда зацвели сливы, однажды прекрасной лунной ночью, тоскуя о прошлом, пришел в этот флигель и, пока не сокрылась за горою луна, лежал на дощатом полу галереи и так сложил:

Разве луна
Не другая? Разве весна
Такая, как прежде?
Один только я остался
Таким же, как был.

441. *Исэ*. «Госэнвакасю»

Чем смотреть, как цветы,
Перелетая через ограду,
Падают в сад,
Предпочла бы, чтоб ветер
Перенес ко мне вишню с корнями.

442. *Ки-но Цураюки*. «Тоса-никки»

В столице
Всегда видел эту луну
Над вершинами гор,
А здесь она выплывает из волн
И вновь в волнах исчезает.

443. Источник цитирования не установлен

Лодка скользит
По залитой солнцем глади
Озера Нио.
Парус ветру открыт — открыто
Хочу встретаться с тобой!

444. *Эгё-хоси*. «Сюивакасю», 62

Увидев вишни, цветущие возле пустого заброшенного дома:

Все травой заросло
У дома, хозяином брошенного,
Вишни в цвету.
И ничье сердце не дрогнет,
Когда ветер сорвет лепестки.

445. Император Дайго, Синкокинвакасю, 621

Эти цветы
Цветут на засохшем лугу
Под холодным дождем.
На ограде, прихваченной инеем,
Последние яркие пятна.

446. Источник цитирования не установлен

«Утренний лик»...
Как же, увы, преходяща
Его красота.
Лепестки на рассвете раскрыв,
Увядает с приходом ночи.

447. *Фуру-но Имамита*. «Кокинвакасю», 227

По дороге в Нара увидел цветы «девичья краса» на горе Мужская отвага:

«Девичья краса».
С негодованием глядя,
Обхожу стороной.
Вот ведь выбрала где расти —
На горе Мужская отвага.

448. Источник цитирования не установлен

Волны глициний...
Если б не ветер, поющий
В кроне сосны,
Гадали бы мы: что опорой
Служит чудным цветам?

449. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 944

В этой горной глуши
Неизбежно изведать придется

Одиночества горечь.

Так, и все же лучше жить здесь,

Чем среди мирской суеты.

450. *Неизвестный автор.* «Кокинвакасю», 934

Не так уж и много

Жить осталось мне в этом мире,

Отчего же тогда

Думы путаются смятенно —

Водоросли под руками рыбачки?

451. *Неизвестный автор.* «Госэнвакасю», 685

Один человек сказал, что восхищаться луной не к добру:

Одинокие ночи

Так тоскливы, и все мне не спится,

Не ложусь до утра.

Мила мне луна, не в силах

Я недоброе видеть в ней.

452. *Аривара-но Нарихира.* «Кокинвакасю», 879

Больше не стану

Красотой луны восхищаться

И ее восхвалять.

С каждою луною все ближе

Старость подходит к нам.

453. *Неизвестный автор.* «Кокинвакасю», 377

По дороге в Адзума Ки-но Мунэсада остановился на ночлег в доме одной женщины, а когда наутро прощался, уезжая, она передала ему:

Что будет — не знаю,

Но вдруг моя жизнь продлится?

Посмотрим тогда:

Я ли тебя забуду,

Или ты покинешь меня...

454. Источник цитирования не установлен

Истомленная

Любовной тоской, рыдаю

Целыми днями.

Под моим изголовьем рыбу

Уже могут ловить рыбаки.

455. *Принц Мотоёси.* «Мотоёси-синно-сю»

Мелкой весьма

Люди считать привыкли

Реку Заставы,

Но, видно, совсем иссякнуть

У нее желания нет.

456. Источник цитирования не установлен

Печален ли мир?
Бессердечны ли люди?
Рыбачки у волн
Режут травы морские, а в них —
Рачок — «ты сам виноват».

457. *Неизвестный автор*. «Кокинвакарокудзё», 33039

На горе Камияма,
Сокрушаясь о горестной жизни,
Среди летних цветов
Кукушка все плачет и плачет,
Громко сетует на судьбу.

458. *Неизвестный автор*. «Сюивакасю», 1313

Пережив внука:

Качаюсь на волнах,
Но совсем исчезнуть, как видно,
Судьба не моя.
Слежу завистливым взором
За пеной на водной глади.

459. *Исэ*. «Кокинвакарокудзё», 32974

Лучше бы я
Его разлюбила первая.
Как я могла
В сердце таком жестоком
Опору в жизни искать?

460. *Неизвестный автор*. «Сюивакасю», 749

Нестерпима тоска.
Как тут сдержаться,
Не заплакать навзрыд?
Найти бы селенье Беззвучное,
И там наплакаться вволю!

461. *Аривара-но Мунэяна*. «Кокинвакасю», 243

В осенних лугах
Рукава ли в траве мелькают?
Мискант-сусуки,
Метелки выбросив, машет
Будто кого-то зовет.

462. *Император Дайго*. «Синкокинвакасю», 163

В покоях Хигёса во время пиршества в честь расцветшей глицинии:

Как хотелось бы мне
Всегда их видеть такими!

Сотни веков
Пленяют сердца красотой
Волны цветущих глициний.

463. *Фудзивара —но Куниаки. «Сюивакасю»*

Во времена Энги в павильоне Глицинии был устроен пир в честь расцветшей глицинии, и придворные складывали песни:

Глицинии в цвету.
Взглянув на столицу сегодня,
Подумаешь вдруг —
Уж не упали ли с неба
Лиловые облака?

464. *Фудзивара-но Кинто. «Сюивакасю»*

Цветы глицинии
Показались мне вдруг
Лиловым облаком.
Какой же отмечен дом
Этим счастливым знаком?

465. *Минамото-но Сигэюки. «Синкокинвакасю», 1013*

Гора Цукуба...
Заросли холмы у подножия
Лесом густым.
Но вряд ли и он остановит того,
Кто решил подняться к вершинам.

466. *Фудзивара-но Окикадзэ. «Кокинвакасю», 178*

Клятвой такой
Связывать было жестоко!
В году только раз
Обещана встреча с Ткачихой,
Но значит ли это — «встречаться»?

467. *Ямакути-но оокими. «Кокинвакарокудзё», 32650 («Синкокинвакасю», 1378)*

Рядом с Сиогама
В волнах поплавром качается
Остров Уки.
На волнах жизни качаясь,
Предаюсь печальным думам.

468. *Ки-но Томонори. «Кокинвакасю», 792*

Легкая пена,
На волнах качаясь, не тает,
Все куда-то влекусь
Я по воле течения, веря,
Что опору еще обрету.

469. «Исэ-моногатари», 46

Большая нуса¹³,
Много рук у нее, тянутся
В разные стороны...
О тебе мои думы, но вряд ли
Можно тебе доверять.

470. «Исэ-моногатари», 46

Большая нуса...
Молва, подхватив ее имя,
Разносит по миру.
И все же найдется отмель,
К которой ее прибьет.

471. *Эгё-хоси*. «Сюивакасю»

Без всяких семян
На водной глади возникла
Плавучая грусть-трава.
И кажется мне — никогда
Ее никто и не сеял.

472. Источник цитирования не установлен

Ничтожный бедняк
Слишком груб, чтобы сердцем
Предаваться печали.
Но разве не равно у всех
Бывают влажны рукава?

473. *Неизвестный автор*. «Госэнвакасю», 663

От имени женщины, супруг которой изменяет, сложил:

Верила я:
«Полюбит», — на это надеясь,
И жила до сих пор.
Но забыл он, даже молва
Слух о нас подхватить не успела.

474. *Неизвестный автор*. «Кокинвакарокудзё»

В сердце бурлит,
Снова и снова вскипая, поток,
Невидимый взорам.
Таить свои чувства и думы
Труднее, чем сетовать вслух.

475. Источник цитирования не установлен

Рядом с тобой
И прилечь не успею — светлеет

¹³ Нуса — ритуальный жезл со свисающими полосками бумаги, непременный атрибут синтоистских обрядов.

Летняя ночь.
Хоть и часто встречаемся мы,
Словно вовсе тебя не вижу.

476. *Исэ*. «Сюивакасю», 183

На ширме во дворце императора Тэйдзи-но ин:

Неужели поблекнут? —
Даже о том печалюсь, глядя
На осенние хаги.
Обильно ложится роса —
И от тяжести гнутся ветки.

477. *Неизвестный автор*. «Сюивакасю», 506

Как хотелось бы мне
За пределами нашего мира,
Приют обрести.
И спрятать там свою плоть,
Под тяжестью лет одряхлевшую.

478. *Сонэ-но Ёситада*. «Сотансю», 529

Любовной тоской
Истомлен, и вряд ли продлится
Мой жизненный срок.
Вот бы найти приют
За пределами нашего мира!

479. *Государыня Онси*. «Госэнвакасю», 1118

Когда Государь изволил принять постриг:

Не стремлюсь я к тому,
Чтоб вести через мир кого-то,
Отчего же тогда
Моя жизнь так похожа порою
На длинный мост Нагара?

480. *Нага-но Окимаро*. «Манъёсю», 265

О, как неприятен
Хлынувший вдруг ливень
На распутье дальних и чужих дорог!
Возле мыса Мива, переправы Сану
Нету даже дома, где б укрыться мог!

481. «Исэ-моногатари», 69

Коли душа
Тоскует, ко мне наведайся,
Ведь на этом пути
Пока нет как будто запрета
Стремительно быстрых богов.

482. *Ото*. «Кокинвакасю», 413

Сложила, возвращаясь в столицу из Адзума:

Весенняя дымка
Очертания гор скрывает,
Как ее не корить?
Не знаю, в какой стороне
Теперь от меня столица.

483. *Оно-но Садаки*. «Кокинвакасю», 937

Когда был правителем Каи, написал одному из тех, кто ехал в столицу:

Если в столице
Обо мне кто-то спросит, ответь —
Живу одиноко
В горах, над которыми тучи
Не рассеиваются и на миг.

484. *Ки-но Томонори*. «Кокинвакасю», 684

В весенних горах,
Окутанных легкой дымкой,
Вишни в цвету.
Сколько я ни гляжу на тебя,
Не могу наглядеться.

485. *Неизвестный автор*. «Кокинвакасю», 637

Близок рассвет,
С каждым мигом светлее, светлее
Небесная высь.
Разделились и платья — твое и мое,
Бывает ли миг печальней?

486. *Ки-но Цураюки*. «Кокинвакасю», 587

В заводах Ёдо,
Где рыбачки срезают травы,
Лишь дождик польет,
Вода прибывает. Все больше
Тоскую я по тебе.

487. Источник цитирования не установлен

Если уйдешь
В далекие горы, где тучи
Никогда не редуют,
Как же тебя сумеем
Мы отыскать тогда?

488. *Аривара-но Нарихира*. «Кокинвакасю», 705

Фудзивара-но Тосиюки встречался с женщиной из дома асона Нарихира.
И вот однажды написал ей, что хотел бы навестить ее, да помешал дождь.
Услышав о том, ответил от имени женщины:

Думаешь
Обо мне ты иль нет —
Не решаюсь спросить.
И только дождь льет все пуще,
Проникнув в думы мои.

489. *Оно-но Комати*. «Кокинвакасю», 938

Фунъя-но Ясухидэ стал чиновником в Микава и прислал письмо: мол, не приедете ли посмотреть провинцию, а в ответ:

Тягостна жизнь —
Унылой плавучей травой
Качаюсь в воде.
И если течение подхватит,
Мигом отправляюсь в путь.

490. Источник цитирования не установлен

Даже в горах,
Где встают восьмислойной грядой
Белые тучи,
Я тебя разыщу, коль к тебе
Сердце мое устремится.

491. *Неизвестный автор*. «Синтёкусэнвакасю», 734

Когда же с тобою
Встречусь? — томлюсь в ожиданье.
Под сосной у корней
Смялся мох — смятенные
Думы теснятся в душе.

492. *Ки-но Цураюки*. «Кокинвакасю», 1111

Когда бы дорогу
Я знал, то пошел и нарвал —
На морском берегу
В Суминоэ растет, говорят,
Трава «забуду любовь».

493. *Неизвестный автор*. «Сюивакасю», 1217

Не найти —
Прибежища в этом мире,
Белыми тучами
Окутаны горы, нет ни одной
Доступной взору вершины.

494. *Дочь Фудзивара-но Корэюки*. «Госэнвакасю», 641

Вот если бы я
Умерла, как только закончится
Сегодняшний день,
Может, хотя бы во сне захотел бы
Ты могилу мою отыскать.

495. *Неизвестный автор. «Кокинвакасю», 855*

К жилищу ушедшей,
Путь известен тебе, кукушка.
Ты ей передай,
Что и я все дни напролет
Неутешно рыдаю.

496. *Неизвестный автор. «Кокинвакасю», 1061*

Если бы каждый,
Кого несчастье постигло,
Бросался туда,
Все ущелья глубокие
Давно бы мелкими стали.

497. *Император Уда. «Госэнвакасю», 1364*

Когда б заменили
Подстилкой из алых листьев
Изголовье из трав,
Разве стало бы сердце
От тоски разрываться?

498. *Оно-но Ёсики. «Кокинвакасю», 229*

Девичья краса
Цветет пышно. На этом лугу
Стоит ночь провести —
И, безвинный, будешь молвою
Ветренным наречен.

499. *Неизвестный автор. «Кокинвакарокудзё», 33486*

«Ты — в моем сердце» —
Ах, как бы хотел другие
Слова отыскать!
Ведь именно чувства к тебе
Должен скрывать от мира.

500. *«Исэ-моногатари», 72*

Видят глаза,
Но рукою не дотянуться:
На далекой луне,
Багряник растет, и ты
На него оказалась похожей.

501. *Неизвестный автор. «Госэнвакасю»*

Не стоит
Не сетовать, ни восхищаться.
Все в этом мире
Исчезает, вот и поденки —
То ли есть они, то ли нет...

502. «Исэ-моногатари», 62

До полных ста лет
Одного не хватает, спутались
Водоросли волос...
Такой образ возник предо мною —
Видно, я сердце ее пленил.

503. *Аривара-но Нарихира*. «Кокинвакасю», 411 (также «Исэ-моногатари», 8)

Дойдя до реки Сумида, что протекает меж провинций Мусаси и Сиимоцуфуса, почувствовали тоску по столице. Остановившись на некоторое время на берегу и представив себе, как беспредельно далеко зашли, опечалились, но тут перевозчик стал торопить: «Скорее садитесь в лодку, темнеет!» И все поспешили в лодку, весьма приуныв, ибо не было никого, кто не оставил бы в столице любимой. А тут какие-то белые птицы с клювами и лапками красными летали у реки. В столице таких птиц не было, и никто их до сих пор не видел. Спросили у перевозчика: «Какие это птицы?» — и он ответил: «Это столичные птицы, миякодори». Услышав это, сложил:

Раз имя у вас такое,
Обращусь к вам с вопросом,
Столичные птицы:
Жива еще или нет
Та, о ком думы мои?

504. *Хэндзё*. «Сюивакасю», 2098

Увидев, что женщины пришли полюбоваться садом перед его хижинкой:

Зачем же и здесь
Расцвела так ярко и пышно
«Девичья краса»?
Ведь в нашем мире всегда
Люди готовы злословить.

505. *Оно-но Комати*. «Синкокинвакасю», 336

Ах, но кого же
Ждет на горе Мацути
«Девичья краса»?
Наверное, кому-то на осень
Обещано было свиданье.

506. *Мибу-но Тадаминэ*. «Кокинвакасю», 214

В этой горной глуши
Осенней порою особенно
Нестерпима тоска.
То и дело стоны оленей
По ночам прерывают сон.

507. *Гёки*. «Гёкуёвакасю»

Фазаны в горах
Стонут тоскливо. Услышав

ПРИЛОЖЕНИЕ

Их голоса,
Взрагиваю: «Уж не отец ли?»
Вздыхаю: «Не мать ли плачет?»

508. *Хэндзё*. «Госэнвакасю», 1271

Милая мать,
Когда б она знала, какая судьба
Меня ожидает,
Когда расчесывала волосы мне,
Тутовых ягод черней.

509. *Минамото-но Мунэюки*. «Кокинвакасю», 315

В горной глуши
Зимою сильнее обычного
Донимает тоска.
Никто не спешит навестить,
И травы совсем засохли...

510. *Принц Томохира*. «Сюисю», 1005

Сполна не успел
Ароматом твоим насладиться
И, томимый тоской,
Ветку цветущей сливы
Сорвал сегодня в саду.

511. *Тайра-но Садафун*. Госэнвакасю, 711

Тайра-но Садафун, находясь в тайной связи с женщиной из дома дайнагона Куницунэ, поклялся ей в вечной верности, однако женщина эта внезапно была взята в дом Великого министра, и Садафун не имел возможности даже писать к ней. Как-то раз заметил он пятилетнего сына этой женщины, играющего у Западного флигеля, и подозвал его к себе. «Покажи матушке», — сказал он, написав на его руке следующее:

Когда-то давно
Мы друг другу клялись, и печально
Мне о том вспоминать.
Неужели совсем бесследно
Канет в прошлое наш союз?

Женщина же ответила:

Разумом здравый
Станет ли в чем-нибудь клясться?
Все так зыбко вокруг.
Тропами сна блуждая,
Мы сами не знаем, кто мы.

СОДЕРЖАНИЕ

- 5 Т. А. Соколова-Делюсина
«Повесть о Гэндзи», эпоха, автор
- 51 Краткое содержание глав
- 86 Генеалогия императорского дома
- 88 Основные провинции и столица Японии в эпоху Хэйан
- 92 Императорский дворцовый комплекс
и аристократическая усадьба в эпоху Хэйан
- 97 Структура государственного управления в эпоху Хэйан
- 112 Основные обряды, празднества и церемонии
- 127 Основные танцы и музыкальные пьесы,
исполнявшиеся во время
дворцовых празднеств и церемоний
- 134 Музыкальные инструменты в эпоху хэйан
- 137 Народные песни
- 149 Японский костюм эпохи Хэйан
- 154 Измерение времени в эпоху Хэйан
- 156 Свод пятистиший,
цитируемых в «Повести о Гэндзи»

Мурасаки Сикибу

ПОВЕСТЬ О ГЭНДЗИ

Том 3. Приложение

Перевод с японского

Татьяны Львовны Соколовой-Делюсиной

Ответственный редактор *С. В. Смоляков*

Художник *П. П. Лосев*

Корректор *Е. А. Яркиева*

Оригинал-макет *А. Б. Левкина*

Издательство «Гиперион»,

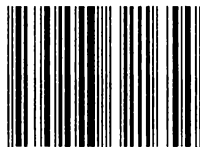
199178 Санкт-Петербург, В. О., Большой пр., д. 55.

Тел. +7 (812) 315-4492, +7 (812) 591-2853

E-mail: hyp55@yandex.ru

www.hyperion.spb.ru

ISBN 978-5-89332-165-4

9 785893 321654

Сдано в набор 06.05.2009. Подписано в печать 10.01.2010.

Формат 60×100¹/₁₆. Усл. печ. л. 16,7. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.

Заказ № 3380.

Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие
«Искусство России»,

192007, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38, корп. 2.

うもあまはるなりわき
いぬこととてしらぬ
納言はなくあつてさ
とくふく人のふ

わがやうな

今更あやしく

大妃のぬいしん

۱۰۰

В третий, заключительный том «Повести о Гэндзи» вошли материалы, призванные помочь читателю ориентироваться в сложном мире этого произведения: генеалогия императорского дома, карта японских провинций эпохи Хэйан, структура государственного управления, архитектура, основные обряды, празднества и церемонии, ритуальная музыка и танцы, музыкальные инструменты, народные песни, японский костюм — и многое, многое другое.

